

КОСТРОМА

литературный альманах

2024

КОСТРОМА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск № 10

*К 225-летию со дня рождения великого русского поэта
Александра Сергеевича Пушкина*

Кострома
2024

УДК 821(470.317)
ББК 84(2Рос-4Кос)
К 725

Издание альманаха осуществляется при поддержке
департамента культуры Костромской области

Кострома: литературный альманах. Выпуск № 10 / гл. ред.
К 725 Н. Мусинова. – Кострома: Областная писательская организация
Общероссийской общественной организации «Союз писателей
России», 2024. – 212 с.

Выпуск № 10 альманаха «Кострома» посвящён 225-летию со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. В нём представлены литературоведческие исследования известных костромских учёных, посвящённые творчеству А.С.Пушкина, а также литературное творчество современных костромских поэтов и прозаиков.

Содержание альманаха соответствует целям Всероссийского образовательного проекта по использованию регионального компонента на уроках русского языка и литературы в школах и вузах по специальности «литературное творчество», по направлениям подготовки «филология» и «регионоведение России».

Представляет интерес для широкого круга читателей.

УДК 821(470.317)
ББК 84(2Рос-4Кос)

© Костромская областная писательская
организация Общероссийской общественной
организации «Союз писателей России», 2024
© Мусинова Н.Е., гл. ред., 2024
© Коллектив авторов, 2024

«О, ПУШКИН, СЛАВА НАШИХ ДНЕЙ...»
(к 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина)

В начале осени 1828 года молодая девушка Анна Готовцева передала Пушкину своё стихотворное послание. Мы не знаем, было оно написано в те самые дни или раньше, не знаем, вдохновилась ли начинающая костромская поэтесса беседами с другом Пушкина князем Вяземским, гостившим тогда в Костроме, или Вяземский только помог передать Пушкину уже готовый, ранее написанный текст. Не знаем, и никогда, вероятно, не узнаем, что на самом деле побудило ученицу Юрия Никитича Бартенева написать эти стихи.

Но сами стихи нам известны. И этого достаточно, чтобы, перечитывая их, оказаться в недоумении...

Недоумение, впрочем, возникает не сразу. Стихотворение Анны Готовцевой сначала как раз «успокаивает» и даже как будто разочаровывает банальностью тех комплиментов, которые обращает к Пушкину его читательница:

*О, Пушкин, слава наших дней,
 Поэт, любимый небесами!
 Ты век наш на заре своей
 Украсил пышными цветами;*

Сравнение стихов с цветами не слишком оригинально. Это общее место романтической лирики. (В ответном послании Пушкин тоже его использует, уподобит стихотворение Готовцевой цветочному букету, который и хочется и боязно принять: «И недоверчиво и жадно смотрю я на твои цветы...»).

Потом – нагромождение неточных и вялых словосочетаний, призванных охарактеризовать достоинства пушкинской поэзии, но в общем демонстрирующих стандартный элегический словарь автора:

*Кто выразит тебя сильней
 Природы блеск и чувства сладость,
 Восторг любви и сердца радость,
 Тоску души и пыл страстей?
 Кто не дивится вдохновеньям,
 Игривой юности мечтам,
 Свободных мыслей выраженьям,
 Которые ты предал нам?*

А дальше – ещё банальнее – перечисление излюбленных творений:

*В неподражаемой картине
 Ты нам Кавказ изобразил,
 И деву гор, и плен в чужбине,*

*Черкесов жизнь в родной долине
Волшебной кистью оживил.
Дворец и сад Бахчисарая,
Фонтан любви, грузинки мечь*

И в завершение комплимента – грамматически невнятная, но зато великолепно огласованная фраза:

*Из края в край, не умолкая,
Гласят поэту славы весть.*

Современный школьник непременно написал бы, что тут есть звукопись. И правда: кра-кра в одной строке и глас-сла в другой – это ведь что-нибудь да значит... наверное. Во всяком случае – звучит!

И вдруг ученическое сочинение на тему «За что я люблю Пушкина» обрывается, и мысль сочинительницы совершает кульбит:

*Одно... Но где же совершенство?
В луне и солнце пятна есть!..
Несправедлив твой приговор, -
Но порицать тебя не смеем:
Мы гению простить умеем –
Молчанье выразит укор.*

Откуда в юной провинциалке взялась такая смелость: не только за что-то упрекать гения, выискивать пятна на его солнечном лице, но ещё и *прощать*! Разве право прощать не принадлежит тому, кто выше – по статусу, званию, чину? Кто дал ей, едва оперившейся поэтессе, имевшей в активе лишь несколько публикаций, привилегию снисходить к слабостям поэта, прославленного и признанного уже и в ту пору не только в России?

«Да в чём она меня и впрям упрекает?» – раздражался Пушкин.

Понять его досаду нетрудно. Это же явная манипуляция: продемонстрировать обиду – и не назвать причин, упрекнуть – и не объяснить за что, простить – но не до конца. Притворная кротость, поджатые губки ... От подобных женских штучек как не взбеситься!

Однако через некоторое время, переварив и пресноватые похвалы, и недосказанные укоризны, Пушкин ответил Готовцевой изысканным, хотя и холодным стихотворением.

*О, сколько б мук себе готовил
Красавиц ветреный зоиц,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он; а ты
Была всегда б опроверженьем
Его печальной клеветы.*

Вспоминая этот давний эпизод литературной жизни, что мы можем увидеть в нём? Курьёз, заслуживающий лишь стыдливого упоминания? Историю о бестактности и самонадеянности провинциальной барышни, осмелившейся устроить моральную проработку великому поэту? Или всё-таки нечто более существенное и неслучайное? «*Мы гения простить умеем...*» Кто это – «мы»? О ком это сказано? Умеем ли? И нужно ли прощать гения? И за что?..

Анна Готовцева обратилась к Пушкину в особый момент его жизни. В 1827 – 1828 годах поэт находится на пике литературной славы и успеха. Позади шесть лет ссылки. За прежние свои вольности поэт расплатился, теперь он в милости у нового царя и в фаворе у критики. Ещё не обременённый семьёй, он может позволить себе роскошные обеды и крупные карточные проигрыши. Ещё не сплотилась враждебная пушкинскому кругу партия журналистов, и можно сотрудничать не только с Дельвигом и Яковлевым (друзьями-лицеистами), но и с Измайловым и Раичем, Сенковским и Полевым, Погодиным и Булгариным.

Даже полицейские агенты пишут о нём Бенкендорфу с нежностью: «Пушкина надо беречь как дитя. Он поэт, живёт воображением, и его легко увлечь». Осведомители из литературной среды уверяют: «Пушкин ведёт себя как красна девица».

Разве что вечный брюзга Катенин в письмах к приятелю бранит иные пушкинские творения, замечая при этом: «Правда и то, что ему незачем стараться: все хвалят». Разве что злоязычный Воейков исподтишка марает пасквилом:

*Я прежде вольность проповедал,
Царя с народом звал на суд,
Но только царских щей отведал –
И стал придворный лизоблюд.*

Но эти уколы пока ещё тонут в потоке восторгов и похвал. Сам о себе Пушкин знает, что после «Бориса Годунова» силы его созрели, и он может творить, поднимаясь порой на высоту пророческого прозрения. Над недругами он смеётся, ловко накалывая их, как жалких букашек, на острия эпитаграмм. Впрочем, и восхваления для него не внове.

Ему ещё в лицейские годы пророчили славу и близкие друзья, и знаменитые современники.

*Пушкин! Он и в лесах не укроется,
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.*

(А.А. Дельвиг. Пушкину)

Он и вправду был любимец небес. Избранник... В стихах поэт часто предстаёт счастливым ребёнком, которому боги просто так, из прихоти, из

КОСМРОМА

ничем не объяснимой любви, даруют бесценное сокровище. Кладут в колыбель золотую цевницу, мастерят ему чудесную свирель из поющего тростника, раскрывают тайны поэзии – играючи, среди младых затей и детского веселья.

И если в ранней юности поэт удивлял окружающих совершенством поэтического дара – как бы врождённого, не воспитанного трудом, то в конце 20-х годов современников поражают редкий ум, знание жизни, способность Пушкина охватить мыслью огромный круг явлений действительности.

«Пушкин не может писать дурных стихов – это всем известно, это многими сказано, и это неоспоримо: следовательно, не *о стихах* Пушкина говорить должно; даже не *о мыслях*, которые, собственно, принадлежат прозе; но о том, что существенно составляет поэзию и чему нельзя довольно надивиться в поэте. Например, спрашиваю у себя, где, когда и как Пушкин мог приобрести такое *опытное* познание сердца человеческого? где, когда и как мог он научиться языку страстей во всяком положении? где, когда и как нашёл он ключ к сокровеннейшим чувствам и помыслам? Кто ему дал искусство – одним очерком ясно представить характеры с их отдалённым развитием и происшествия с предбудущими последствиями? Кто дал ему кисть и краски – живописать для воображения точно так, как живописуется природа для глаз? Вот тайна поэта и поэзии! Он – чародей, властвующий безусловно над ними; она – волшебное зеркало, показывающее всё под образом жизни, души, истины». Это пишет князь Шаликов, не раз осмеянный в качестве «дамского» писателя, но весьма профессиональный и почтенный служитель словесности. Пишет прозой то же самое, что короче и стихами выразила юная костромичка.

Император Николай I после встречи с Пушкиным изрекает в кругу придворных: «Я сегодня говорил с умнейшим человеком России». Иван Васильевич Киреевский делится с Сергеем Соболевским: «В Пушкине я нашёл ещё больше, чем ожидал. Такого мозга, кажется, не вмещает уже ни один русский череп». Михаил Петрович Погодин выводит в дневнике: «Бог всем дал орехи, а ему ядра...».

Легко ли простым людям, может быть и не бездарным вовсе, видеть в ком-то такое явное преимущество, такое сугубое отличие природных дарований, такое беззастенчивое пристрастие богов?

*Но, Пушкин, послан ты меж нас
Поэтам в радость и мученье!
Твой вдохновенный дивный глас
Вливает в сердце упоенье.
Тебе во сретенье иду,
К тебе наполненный хвалою,
И не один я пред тобою
Перо задумчиво кладу.*

Это стихи Ивана Великопольского – приятеля Пушкина, его партнёра за карточным столом и адресата нескольких эпиграмм, второстепенного или даже третьестепенного писателя и критика.

Всякому, кто стачивает зубы и подчас давится ореховой скорлупой, кто высиживает, вымучивает, тяжким трудом добывает золотые крупницы мыслей и слов, приходится простить гения уже за то, что он гений, за его превосходство и первенство, за его избранничество и недосыгаемость. Должно простить, иначе – бессильный скрежет зубов:

*Где ж правота, когда священный дар,
когда бессмертный гений не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан –
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного...*

Иначе – участь Сальери, страдающего и обречённого носителя Каиновой печати.

Что же? Значит, гений, избранник – неподсуден человеческому суду? Кто вправе возвысить голос против Гения?

В 1825 году из Михайловского Пушкин писал Вяземскому: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врёте, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы – иначе». Эти слова сегодня широко известны. Их ведь так удобно использовать для защиты великих (или мнимо великих) людей от «мнения народного».

Пушкинская отповедь – звонкая пощёчина всем любителям обсуждать слабости гения.

Но это ли последнее слово поэта? Нередко пушкинская строчка, вырванная из контекста его биографии и творчества, становится удобным оружием в спорах, но лишается глубины и жизни.

В 1825, когда это написано, Пушкин ещё слишком остро чувствует свою обиду и неправоту своих врагов – политических и литературных. В том же письме Вяземскому, сетуя на жизнь в глуши, он жалуется и обвиняет: «Мне нужен английский язык – и вот одна из невыгод моей ссылки: не имею способов учиться, пока пора. Грех гонителям моим!»

Он уже создал образ Пимена, и в Пимене дал пример идеального отношения к достоинствам и порокам человеческим (не только к великим государям – ко всем людям):

*Да... поминают за их труды, за славу, за добро –
А за грехи, за тёмные деянья
Спасителя смиренно умоляют.*

Но как ещё далёк он сам от этой мудрой и смиренной правоты! Как наивно гордится он тем, что из-под колпака юродивого Николки – обвинителя и судьи – торчат его уши!

В лучших стихах той поры Пушкин поднимается над обидой и побеждает ропот гордой души: «Ура, наш царь! так! выпьем за царя. <...> Простим ему неправое гоненье: Он взял Париж, он основал лицей».

Он готов простить царя. Но не готов быть прощённым, тем более просить о прощении. За собой никакой вины поэт не признает. Напрасно мудрый Жуковский поучает: «На всё, что с тобою случилось и что ты сам на себя навёл, у меня один ответ: *поэзия*. Ты имеешь не дарование, а гений. Ты богат, у тебя есть неотъемлемое средство *быть выше* незаслуженного несчастья и *обратить в добро* заслуженное; ты более нежели кто-нибудь можешь и обязан иметь нравственное достоинство. Ты рождён быть великим поэтом; будь же этого достоин».

Он не напишет, как просит Жуковский, покаянного письма правительству после казни декабристов (сухую объяснительную записку напишет – и то нехотя). И, встретясь с новым царём в Москве, Пушкин снова не раскаивался и не просил о прощении. Он признался, что был бы вместе с восставшими, и согласился не писать ничего против действующей власти, «каким бы ни был, впрочем, его образ мыслей».

Джентльменское соглашение, заключённое с государем, позволяло Пушкину гордо нести свою славу бывшего изгнанника, не изменившего своим друзьям и убеждениям (как бы ни изменились его взгляды за это время). Отменив ссылку, власть признала свою несправедливость, избыточность наказания за не слишком большую вину. Поэт же признал право власти, защищаясь, карать своих противников ссылкой, каторгой и казнью. Страница прошлого была перевёрнута. Пушкин принял предложенный ему компромисс, принял гордо, как равный. И друзьям в Сибирь писал: храните гордое терпенье.

Весной 1828 года начинается раскручиваться дело о «Гавриилиаде». Дворовые люди отставного штабс-капитана Валериана Митькова пожаловались, что барин развращает их чтением этого безбожного сочинения. Вскоре Пушкина вызывают для дачи показаний. Поэт скрывает своё авторство. В письмах к Вяземскому нарочно, предполагая перлюстрацию, называет автором кощунственной поэмы покойного Дмитрия Горчакова (тому ведь уже не грозил гнев царя и синода). Но попытка вывернуться заводит его в худший тупик. Государь соглашается поверить поэту, но просит помочь выяснить, кто истинный автор. Пушкин оказывается перед выбором: солгать теперь уже не абстрактному судопроизводству, а прямо царю. Или признаться в грехе юности, под угрозой расплаты куда более серьёзной, чем прежняя расплата за вольнолюбивые стихи. Подвергнуться наказанию сейчас – на вершине славы и приязни, на пути к обретению собственного семейного гнезда, на взлёте творческого могущества... Давний юношеский грех, шалость, озорная шутка, написанная без какого-либо осознанного богоборческого

намерения – просто так, от избытка жизнелюбия «в ребячестве, бессмысленно лукавом», – теперь надвигалась на него грозовой тучей, открывалась по-иному, как преступная и безумная хула на Бога, как низменная издёвка над теми самыми Небесами, что, любя, одарили его несравненным талантом.

Теперь в самом сердце его зазвучали прежде проходившие мимо души слова Жуковского: «Ты знаешь, как я люблю твою музу и как дорожу твоею *благоприобретённою* славой: ибо умею уважать Поэзию и знаю, что ты рождён быть великим поэтом и мог бы быть честью и драгоценностью России. Но я ненавижу всё, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности. Наши отроки (то есть всё зреющее поколение), при плохом воспитании, которое не дает им никакой подпоры для жизни, познакомились с твоими буйными, одетыми прелестью поэзии мыслями; ты уже многим нанёс вред неисцелимый. Это должно заставить тебя трепетать».

Теперь он мог узнать себя самого в написанной ещё в 1816 году и конечно, не о нём, басне Крылова:

*...Он тонкий разливал в своих твореньях яд,
Вселял безверие, укоренял разврат,
Был, как Сирена, сладкогласен,
И, как Сирена, был опасен.*

<...>

*Твоих творений яд не только не слабеет,
Но, разливаясь, век-от-веку лютееет.
Смотри (тут свет ему узреть она дала),
Смотри на злые все дела
И на несчастья, которых ты виною!
Вон дети, стыд своих семей, –
Отчаянье отцов и матерей:
Кем ум и сердце в них отравлены? – тобою.
(«Сочинитель и разбойник»)*

Вот именно теперь Пушкин оказался перед судом и собственной совести и другого человека – прямо показавшего ему своё доверие, положившегося на его правдивость и честность.

Пушкин, кажется, впервые в жизни испытал такой тяжёлый, мучительный стыд. Ведь ему приходилось признаваться не только в кошунстве, но и в трусости, в низком обмане.

Поэт написал письмо царю. Оно не сохранилось, но понятно, что в нём было признание и просьба о милости.

Два признания государю: в 1826 и в 1828 различаются, как земля и небо. Одно дело признаться в том, чем в сущности гордишься. Другое – в том, чего стыдишься, в чём-то позорном и жалком, унижительно постыдном.

Вполне естественно восхищаться поведением Пушкина во время первого предстояния перед царём. Приятно наблюдать за бесстрашием и честностью поэта. А вот о втором признании как-то не принято говорить, будто этот некрасивый и неважный маленький штрих в его судьбе лучше и не замечать.

Но не ошибочно ли такое отношение? Когда Пушкин был на высоте своего гения? Когда *не просил* прощения, не признавал за собой вины, а разве только ошибку. Или когда он *просил* милости и признавал свою вину, искренне стыдись совершенного, признав свой полудетский кощунственный «шедевр» не пустячной шалостью, а преступлением?

Воспоминания современников свидетельствуют о том, как тяжело было Пушкину в следующие годы слышать из чужих уст даже упоминания о «Гавриилиаде». А.В. Никитенко приводит рассказ Авраама Норова, некогда сжегшего в Одессе рукописную копию поэмы. Узнав об этом от Туманского, Пушкин сказал: «...теперь, вижу, что Авраам Сергеевич не противник мне, а друг, а вот ты, восхищавшийся такой гадостью, настоящий мой враг».

Это будет примерно через полгода после признания. И ещё будет смиренно-благодарное ответное послание митрополиту Филарету («В часы забав и праздной скуки...»), будет «Воспоминание» (Когда для смертного умолкнет шумный день...») – памятник самопознания, самоосуждения и подлинно духовного восхождения. Будет «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...») – непревзойдённый образец стойкости и мужества в земных скорбях. «Мадонна» – утешительное созерцание Божественной любви в облике земного любимого существа. Всё это будет. И ничего этого не было бы без опыта стыда, совестной муки, покаяния. Без признания справедливости и Божьего, и людского суда над собой.

В те дни, когда поэт ждал царского решения, в его руках оказалось послание костромички. Упрёк раздражал не только недосказанностью... Пушкин не знал, за что упрекает его Готовцева, но он знал за собой – и в самом деле был виновен во всём, что сам же перечислил. «Неучтивости против прекрасного полу» (порой доходящие до цинизма), «похабности» и «беспорядочное поведение» – всё это было правдой. И теперь, после просьбы о прощении, он уже не мог просто посмеяться над этим наивным, но справедливым упрёком. Не одно самолюбие, но и совесть была задета.

Но послание Готовцевой несло и благое предвестие: «Мы гению простить умеем».

Вскоре Пушкин получает ответ государя. Дело о «Гавриилиаде» закрыто. Без требования о публичном признании, без церковного покаяния, без объяснений перед светским или духовным судом. В своём сердце Николай Павлович хоронил всё, что узнал о проступке поэта, своей властью он прощал и укрывал его от наказания – по крайней мере здесь, на земле.

Тема прощения, милости станет в зрелые годы ключевой у Пушкина. Гринёв прощает Швабрину, Екатерина милует Гринёва. Старый герцог

прощает преступного наместника Анджело. Просят друг друга о прощении старый священник и мятежный Вальсингам. Влюблённого паладина прощает Пресвятая Дева, грешного Родрика благодаря заступничеству святого отшельника прощает Господь.

Суд над падшим осуществляется другим, таким же грешным человеком, с оглядкой на высший суд, на вечность, на идеал Божественной любви. И суд этот – милосерден. Надежду на братское прощение людей и милость Бога Пушкин теперь исповедует как свою заветную мысль.

Какими легковесными должны были теперь ему казаться недавние самоуверенные афоризмы: «Поэзия выше нравственности – или по крайней мере совсем другое дело... Господи Суси! Какое дело поэту до добродетели и порока? разве одна их поэтическая сторона».

Жизнь заставила поэта внимательно обдумать эти слова. Теперь он судит иначе.

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал.*

Не стоит приписывать гению излишнее хитроумие и искать скрытый издевательский смысл в его медлительных раздумьях. Нет здесь никакого лукавства. Это точно согласие с нравственной мерой, применяемой к художнику, признание за народом, за всеми читателями, и на Руси и во всем мире, права судить поэта. И это – выражение надежды на благополучный исход суда.

Гений так же, как и любой из нас, нуждается в прощении другими людьми. Даже больше нуждается в нём, чем кто-либо, ведь его слово, его образ, память о нём воздействуют на людей во много раз сильнее и дольше. Желаем мы того или нет, мы каждый раз совершаем суд над ним – обращаясь к его имени, его наследию, подражая ему в его лучших проявлениях или оправдывая себя его слабостями.

Он нуждается в нашем прощении как член христианской общины, в которой «все за всех виноваты», как писатель, как человек – несовершенный в человеческой своей сущности, как бы прекрасно ни было его поэтическое творчество. Собственно об этом и писала юная Анна Готовцева. «Но где же совершенство? В луне и солнце пятна есть...» И давала образец отношения к поэту: не смаковать грехи и недостатки гения, покрыть их сострадательным умолчанием и, не оправдывая и не злорадствуя, простить, в надежде, что и Бог простит.

Несовершенства каждого человека делают его равным среди других и дают право другим судить о его грехах. И прощать – не порицая, но и не поспешествуя греху и пороку, даже из благоговения перед чудом гениальности.

Мы часто прибегаем к Пушкину за утешением, ободрением, удовольствием. Мы знаем, что нуждаемся в нём. Но часто ли мы задумываемся о том, что мы нужны ему? Что его судьба в вечности

КОСПИРОМА

зависит от нас. Зависит от того, что извлечём мы из его сочинений: «любострастный нектар» или глоток чистой красоты, подходящую цитату, чтобы уязвить оппонента или пример нравственного достоинства, повод для тщеславного самолюбования или образец гармонии духа, скептицизм или благоволение.

Гений не обладает иммунитетом от нравственного суда, ибо это поставило бы его вне человечества, вне братских отношений с людьми. Как мы нуждаемся в нём, так он нуждается в нашем милосердии, прощении, любви и молитве.

Алёна Николаевна Романова,
кандидат филологических наук

I. ПУШКИН – НАВСЕГДА

ЮРИЙ ЛЕБЕДЕВ родился в 1940 году в селе Светлое Островского района Костромской области. В 1962 году окончил историко-филологический факультет Костромского государственного педагогического института имени Н.А. Некрасова, в 1966 г. – аспирантуру при кафедре истории русской литературы Ленинградского государственного пединститута им. А.И. Герцена, в 1979 г. – докторантуру при Институте русской литературы АН СССР. Доктор филологических наук, профессор. Автор более 200 научных работ: статей, монографий, учебников, учебных пособий. Одна из известнейших книг – «Тургенев», изданная в Москве в 1990 году в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей». Член Союза писателей России. Член Правления Костромской областной писательской организации. Лауреат премий им. И.Дедкова и им. Д. Лихачёва. Лауреат памятного знака «180 лет со дня рождения А.Н. Островского». Лауреат Национальной премии «Имперская культура» 2021 г.

ТРАГЕДИЯ А. С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ» И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Из всего написанного в Михайловский период А.С. Пушкин особенно выделял историческую трагедию «Борис Годунов», ознаменовавшую свершившийся поворот в его художественном мироощущении. Первым толчком к возникновению замысла явился выход в свет в марте 1824 года 10-го и 11-го томов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, посвящённых эпохе царствования Феодора Иоанновича, Бориса Годунова и Лжедмитрия I.

История восхождения на русский престол Бориса Годунова через убийство законного наследника царевича Димитрия взволновала Пушкина и его современников неожиданной злободневностью. Ни для кого не было секретом, что приход к власти Александра I осуществился через санкционированное им убийство отца. Исторический сюжет о царе-детоубийце приобрёл в сознании Пушкина актуальный смысл.

Но в процессе работы над ним «аллюзии» – прямые переключки прошлого и настоящего – отступили на задний план. Их вытеснили гораздо более глубокие историко-философские проблемы. Возник вопрос о смысле и цели истории. Предвосхищая автора «Войны и мира» Л.Н.Толстого,

Пушкин хотел понять, какая сила управляет всем и как эта сила проявляется в действиях и поступках людей.

Ответы, которые он искал в драмах западноевропейских предшественников и современников, не могли удовлетворить его пытливый ум. Драматургические системы французских классиков и английских романтиков основывались на идущей от эпохи Возрождения уверенности в том, что человек творит историю, являясь мерою всех вещей. В основе драматического действия там лежала энергия самоуверенной и самодовольной человеческой личности, возмнившей, что всё мироздание является «мастерской» для приложения её сил.

И классикам, и романтикам оказалась недоступной, по мнению Пушкина, логика исторического процесса, глубина национально-исторического характера. У классиков человек выступал носителем общечеловеческих пороков и добродетелей, у романтиков – рупором лирических излияний автора. В набросках «О драмах Байрона» Пушкин замечал: «Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отвратился от них и погрузился в самого себя. Он представил нам призрак себя самого. Он создал себя вторично, то под чалмою ренегата, то в плаще корсара, то гяуром, издыхающим под схимиею, то странствующим посреди... В конце концов, он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), всё, кроме некоторых сатирических выходов, рассеянных в его творениях, отнёс он к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно пленительному. Когда же он стал составлять свою трагедию, то каждому действующему лицу роздал он по одной из составных частей сего мрачного и сильного характера и таким образом раздробил величественное своё создание на несколько лиц мелких и незначительных».

Только в исторических хрониках Шекспира Пушкин находил некоторое созвучие своим собственным творческим поискам: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов, Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени».

Трагедия Пушкина решительно порывала с драматургической системой классицизма, обеспечивая автору невиданную до него в драматургии творческую свободу. Действие «Бориса Годунова» охватывает период в семь с лишним лет. События переходят из царского дворца на площадь, из монастырской кельи в корчму, из палат патриарха на поля сражений, из России в Польшу. Пушкин отказывается от деления трагедии на акты, разбивая её на двадцать три сцены, позволяющие охватить русскую жизнь со всех сторон, в самых разных её проявлениях.

В «Борисе Годунове» отсутствует стоявшая в центре трагедии классицизма любовная интрига: история увлечения Самозванца Мариной Мнишек играет служебную роль. «Меня прельщала мысль о трагедии без любовной интриги», – скажет автор.

Вместо ограниченного классическими правилами количества действующих лиц (не более десяти) у Пушкина около шестидесяти персонажей, охватывающих все слои общества: от царя, патриарха, бояр, дворян, иностранных наёмников – до монахов, бродяг-чернецов, хозяйки корчмы и простого «мужика на амвоне», призывающего народ бежать в царские палаты на расправу с «Борисовым щенком». В трагедии, вопреки традициям, отсутствует главный герой. Годунов умирает, а действие продолжается. Да и участвует он в шести сценах из двадцати трёх.

Отказывается Пушкин и от «единства слога», стремясь к исторической достоверности, а в её пределах – к индивидуализации речи действующих лиц. Речь Бориса, например, торжественна и книжна в обращении к патриарху и боярам в момент его избрания на царство и сближается с народным просторечием в общении его с сыном и дочерью.

Порывает Пушкин и с «единством жанра», соединяя в трагедии высокое с низким, трагическое с комическим. Наконец, автор «Бориса Годунова» решительно меняет принципы изображения человеческого характера. От мольеровских героев, носителей одной доминирующей страсти, он переходит к шекспировской полноте изображения. Борис Годунов не похож у него на классического «злодея». Этот «цареубийца», пришедший к власти через кровь маленького Дмитрия, ещё и умный правитель, заботящийся о народном благе, любящий отец, несчастный человек, которого мучит совесть за совершённое им злодеяние. Его противник – Гришка Отрепьев – честолюбив, но одновременно пылок, отважен, способен на искреннее любовное увлечение.

Есть и ещё одна особенность, свойственная всем героям пушкинской трагедии без исключения, – глубокий историзм их характеров, достигнутый путём изучения летописей и других исторических документов. «Характер Пимена, – говорил Пушкин, – не есть моё изобретение. В нём собрал я черты, пленившие меня в старых летописях». Историк Михаил Петрович Погодин, слушавший «Бориса Годунова» в авторском чтении, вспоминал: «Сцена летописателя с Григорием всех ошеломила. Мне показалось, что мой родной и любезный Нестор поднялся из могилы и говорит устами Пимена».

Таким образом, в «Борисе Годунове» Пушкин расстаётся со всеми эстетическими принципами, на которых держалась целостность трагедии классицизма. Но по своим художественным установкам Пушкин был созидателем. Он разрушал устаревшие традиции классицизма во имя созидания более ёмкой и совершенной драматургической системы. В чём её своеобразие и характерные признаки?

Долгое время считалось, что Пушкин в своей трагедии сделал народ главным героем и творческой силой истории. Однако сам Пушкин видел

цель трагедии в другом: «Что развивается в трагедии, какая цель её? – спрашивал он и отвечал так. – Человек и народ. *Судьба* человеческая, *судьба* народная». Вдумаемся в эти слова. «Человек и народ» – это, в сущности, весь охват действующих лиц в трагедии, а главная цель её – судьба человека и судьба народа: общая, соединяющая всех судьба или закон судеб человеческих.

Когда внимательно читаешь «Бориса Годунова», трудно отделаться от ощущения, что, кроме видимых, действующих героев трагедии, есть в ней ещё один герой, *невидимый*, не персонафицированный, но тоже действующий, постоянно дающий о себе знать. Причём этот невидимый герой как раз и является верховным арбитром, он-то и направляет действие в нужное ему русло и делает это неожиданно, непредсказуемо, реализуя себя через безотчётные действия и поступки людей.

Несмотря на внешнюю пестроту сцен в трагедии, их связывает единое действие, движущееся динамично и целенаправленно к парадоксальному итогу. Действия героев, принимающих участие в этом движении, не достигают ожидаемых ими результатов: Борис умирает побеждённым, Самозванец на грани разоблачения, народ в очередной раз обманут.

Замечательно, что в этих неожиданностях проявляется не слепой рок, а какая-то очень мудрая высшая Сила. Каждому воздаёт она по его вере и по его деяниям. Примечательна кольцевая композиция трагедии, основанная на принципе зеркального отражения. Действие открывается разговором бояр Шуйского и Воротынского об убийстве ребёнка, царевича Дмитрия, рвущимся к власти Борисом Годуновым. А в финальной сцене совершается убийство юного сына Бориса Годунова Феодора. Грех детоубийства, совершённый Годуновым, вызывает ответную кару, равновеликую содеянному греху.

Эта высшая Сила приоткрывается людям, ослеплённым мирскими грехами, в двух ключевых сценах трагедии: «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» и «Площадь перед собором в Москве». Проводниками этой высшей Силы являются люди, отрешённые от мирских помыслов и не принимающие участия в событиях. Никаких корыстных интересов у них нет. Ничто в этом мире их не держит и не связывает. В меру их внутренней чистоты и бескорыстия им и открывается смысл Божьей правды, который сокрыт от других героев. В первой сцене это летописец-монах Пимен, во второй – блаженный юродивый Николка.

В устах Пимена звучит порицание людей за их грехи и пророческое предсказание неминуемой расплаты:

*О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.*

А когда действие приближается к кульминации, юродивый Николка на соборной площади говорит в лицо Борису: «Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит». Вслед за этим приговором – внезапная смерть Бориса, ведущая действие к финалу.

Пушкин показывает провиденциальный характер этого возмездия. По какому-то как бы случайному стечению обстоятельств Божьей каре, ниспосланной Борису Годунову, предшествует столкновение юродивого, «взрослого ребёнка», с мальчишками. Это, по сути, ещё и кульминация «детской» темы, проходящей через всю трагедию. Она начинается с убийства Димитрия, о котором рассказывают бояре. Потом, в момент уговоров Бориса на царствование, ребёнок на руках у бабы плачет, «когда не надо», и не плачет, «когда надо» (вспомним евангельские слова Христа о младенцах, которым открыта высшая истина). Затем в доме Шуйского мальчик читает вслух молитву о здравии... царя-детоубийцы. Появляются дети Бориса Годунова Феодор и Ксения. У Ксении неожиданно умер юный жених её – предвестие чего-то недоброго. Да и сам Борис в тревожной любви к своим детям будто боится потерять их, предчувствуя скорую разлуку, надвигающуюся беду («мальчики кровавые в глазах»). В финальной сцене мужик кричит в иступлении: «Народ, народ! в Кремль! в царские палаты! Ступай! Вязать Борисова щенка!» Но чей-то голос из толпы произносит: «Брат да сестра! бедные дети, что пташки в клетке».

В причинно-следственных связях событий трагедии детские эпизоды выглядят случайными: никто тут ничего специально не подстраивает, никаких интриг не плетёт. Но случайные на уровне человеческого понимания, эти эпизоды закономерны ввиду той высшей справедливости, которая является хотя и не видимым, но самым главным действующим лицом трагедии – Силой, которая управляет всем.

В осмыслении правды истории, в понимании происходящих событий человек нередко сталкивается, по Пушкину, с фактами необъяснимыми, кажушимися ему случайными, не имеющими никаких логических оснований. И человек склонен отказывать им в праве на существование. Пушкин нас предупреждает: «...Провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая – мощного, мгновенного орудия Провидения».

В трагедии грешен не только Борис. Грешен и народ: его судьба в чём-то перекликается с судьбою Бориса. Посмотрим на поведение народа в экспозиции и в финале трагедии: *В экспозиции*: Народ молчит. Его побуждают умолять Бориса быть царём. Народ кричит: «Ах, смилуйся, отец наш, властвуй нами». *В финале*: Народ кричит: «Да гибнет род Бориса Годунова!» Его побуждают приветствовать Димитрия-самозванца. «Народ безмолвствует».

В финале всё, как в экспозиции, но только в обратном порядке. Грех народа заключается в избрании Бориса на царство, в том, что он «молился

за царя Ирода». Поэтому в убийстве Феодора, в нашествии чужеземцев, в грядущей смуте повинен не только Борис, но и народ.

В ходе действия Борис склонен упрекать народ в неблагодарности, в строптивости, не замечая, что эти упреки являются в известной мере самооправданием, стремлением заглушить в себе чувство совести. Но и народ, упрекая Бориса во всех бедах, снимает с себя бремя тяжёлой ответственности за своё попустительство. И Борис, и народ глухи к высшему голосу правды. Этот голос слышат чистые души Пимена и юродивого Николки – именно в них пробивается к свету народная совесть, и только к ним можно отнести известный афоризм: «Глас народа – глас Божий». Что же касается основной массы народа, как бы объединяющейся у Пушкина в собирательное Лицо, то её «глас», её «мнение» помрачены грехом. Только в финале трагедии, в многозначительной ремарке – «Народ безмолвствует», – видится пробуждение народной совести.

Обращаясь к опыту Шекспира, Пушкин пошёл дальше великого предшественника, у которого главный интерес состоит в деятельности частных исторических лиц. Обладая свободой воли, они совершают свой выбор и несут расплату за него, слыша голос совести или, ощущая противодействия других лиц, выполняющих карающие функции. Драматургическая система Шекспира «антропоцентрична»: в центре её стоит «ренессансный», предоставленный самому себе человек. Голос совести в нём всё более и более затухает. И цепочка событий почти целиком подчиняется логике «человеческих», психологически мотивированных причинно-следственных связей. Мир горний, мир Идеала, свет высшей Божественной истины слабо мерцает здесь перед лицом земных обстоятельств, очень далёких от Идеала. Вот почему Пушкин говорил, что, когда он читал Шекспира, ему казалось, что он «смотрит в ужасную, мрачную пропасть». Пушкин, следуя Карамзину «в светлом развитии происшествий», возвращает трагедии утраченную в эпоху Возрождения Истину Божественного идеала, Божественной воли, стоящей над человеком и человечеством. В диалоге человека с миром у Пушкина возникает третье Лицо, этот диалог невидимо корректирующее и направляющее.

Царь Борис мнит себя творцом истории, полновластным хозяином своей судьбы. «Он думает, – пишет В. С. Непомнящий, – что решающую роль в опыте “быстротекущей жизни” играют “науки”; он думает, что история делается только руками и головой, что природа её только материальна. Думать иначе может, по его мнению, только “безумец”».

*Кто на меня? Пустое имя, тень –
Ужели тень сорвёт с меня порфиру,
Иль звук лишит детей моих наследства?
Безумец я! чего ж я испугался?
На призрак сей подуй – и нет его...*

Но он ошибся. Произошло как раз то, чего он “испугался” – испугался прежде рассудка, непосредственно, глубиной духа. Имя обрушилось на него, тень сорвала с него порфиру, звук лишил наследства его детей, и призрак погубил».

Так реализм Пушкина начинал обретать трезвую религиозную первооснову, в ядре которой уже заключался будущий Толстой, будущий Достоевский, будущий Островский. «Формула» этого реализма не укладывалась в «формулу» реализма западноевропейского, сделавшего акцент на свободном, самодостаточном, суверенном человеке – пленнике своих земных несовершенств. Далеко не случайно, что Пушкин оценивал трагедию «Борис Годунов» едва ли не выше всего им созданного. В момент завершения своего труда он радовался как ребёнок: «Трагедия моя кончена: я перечёл её вслух, один, и бил в ладоши, и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

А.Н. Островский, следуя за Пушкиным, возвращает в драматургию феномен жизни, феномен мироздания как активного действующего лица, с которым герои драмы вступают в постоянный и напряжённый диалог. При этом мироздание слышит героя, отзываясь на его действия и поступки, отвечает ему. Этот ответ чаще всего не соответствует ожиданиям героя. Мир сохраняет свою независимость, свою активность, свою способность корректировать любые человеческие действия и поступки.

В одной из первых на Западе статей о драматургии Островского «Новая русская драма» (1868), английский критик Уильям Ролстон писал, что Островский не повторяет «преобладающие качества английских или французских драматургов, талант композиции и сложность интриги. Здесь, наоборот, драма развивается с простотой, равную которой можно встретить только на театре японском или китайском и от которой веет примитивным искусством».

Назвав русскую трагедию Островского «Гроза» «примитивным искусством», Ролстон не понял, что в ней заключается новый и важный шаг в истории мировой драмы. «Сложность интриги» никогда не была самоценным достоинством в глазах русского драматурга. Ему принадлежит мысль о том, что «интрига есть ложь». Театр Островского утверждает драматургическую истину, коренящуюся на чуждых и непонятных Западу православно-христианских мировоззренческих основах. Именно потому его драматургия воспринималась и воспринимается на Западе как нечто варварски бессистемное и бескультурное, как «антитеатр», от которого веет примитивным искусством. На самом же деле в этой недоволенности скрыты более глубокие духовные причины. Для русской эстетики вообще характерна незавершённость жанровых форм, даже принципиальная их незавершаемость. Так русский писатель обозначает потенциальные возможности жизни к движению, к переменам. Завершённый человек у Толстого – самодоволен и ограничен. Красота личности неотделима у него от способности этой личности духовно расти и совершенствоваться.

Завершённая форма – свидетельство истощенности жизненных сил, а в пределах земного, природного круга это неправда, скрывающая эгоистическое стремление художника вступить в состязание с Тем, Кто наделил его творческим даром.

Поскольку человек в драматургической системе Островского не является господином вселенной, живая жизнь не деформируется им по линейно направленному вектору, заставляющему западноевропейскую драму «всегда спешить». Интрига – ложь, потому что в своих жизненных драмах человек – творец лишь наполовину. Интерес у Островского не ограничивается судьбами отдельных героев, а движется далее, к общему ходу вещей, к движению живой жизни, в котором как раз и открывается ко всем относящаяся и всех накрывающая судьба. Название своей русской трагедии Островский, нарушая классический канон, от лица главной героини (Катерины Кабановой) переносит к величественным силам и стихиям жизни, к сверхличным её явлениям – «Гроза».

Провидение действует помимо сознательной воли отдельных лиц. Оно пользуется ими для достижения своих целей. Движение жизни не зависит напрямую от сознания героев, хотя все они ему служат, его подталкивают. Это движение отзывчиво на действия людей, тут есть диалог, тут своя драматургия, идущая поверх драматических столкновений героев между собою. Результат у Островского не адекватен действиям героев: между действиями и результатом есть зазор, воспринимаемый человеком как игра случая. Но эта игра не слепа, случай справедлив, разумен, мудр. За ним скрывается дыхание высшей правды, через него открывается человеку высшая совесть.

На эту особенность драматургической системы Островского обратил внимание П.С. Коган. В статье «Тёмные лучи в светлом царстве» он писал: «В каждой из его пьес два смысла, один непосредственный, реальный, заключающийся в ходе развёртывающихся событий, раскрывающийся в столкновении интересов, в борьбе страстей и характеров. Другой – глубокий и скрытый смысл, неожиданно предстающий зрителю и не вытекающий из хода событий. Но именно эта внутренняя драма всегда важнее для Островского, чем та, которая воспринимается из слов и жестов зрителем».

Е.Г. Холодов, кропотливо исследуя мастерство Островского, доказал, что начало в его пьесах стремится быть похожим на продолжение: драматург достигает иллюзии врасплох застигнутой жизни. Потом у него тянется замедленная и развёрнутая экспозиция с привлечением героев, не имеющих прямого отношения к основному событию. Завязка в драмах Островского какая-то неуверенная, напоминающая скорее «возможность завязки» и как бы оставляющая жизни шанс на иной, неожиданный и непредвиденный ход. В кульминацию не втягиваются все наличные жизненные силы, словно хранящиеся в резерве и ещё ждущие своего часа. Поэтому и развязки у Островского не имеют претензии на окончательный итог. Они могут быть названы развязками лишь условно, так как не

распутывают до конца основной узел жизненных противоречий и конфликтов.

На решительное отступление Островского от классических канонов европейской драмы обращал внимание даже Н.А. Добролюбов. В статье «Луч света в тёмном царстве» он писал: «Уже и в прежних пьесах Островского мы замечали, что это не комедии интриг и не комедии характеров, а нечто новое, чему мы дали бы название “пьес жизни”, если бы это не было слишком обширно и потому не совсем определённо. Мы хотим сказать, что у него на первом плане является всегда общая, не зависящая ни от кого из действующих лиц, обстановка жизни».

Совершая попятное движение, размагничивая классическую форму, драматург с удивлением обнаруживает, какое богатое содержание ускользает от зрелых форм художественности, какой жизненный потенциал не охватывается ими. И.А. Гончаров, говоря об эпической основе драм Островского, замечал, что русскому драматургу «как будто не хочется прибегать к фабуле – эта искусственность ниже его: он должен жертвовать ей частью правдивости, целостью характеров, драгоценными штрихами нравов, деталями быта, – и он охотнее удлинит действие, охлаждает зрителя, лишь бы сохранить тщательно то, что он видит и чувствует живого и верного в природе».

Островский питает доверие к повседневному ходу жизни, смягчающему самые острые конфликты, и зритель чувствует, что творческие возможности жизни неисчерпаемы, итоги, к которым привели события, относительно, движение жизни не завершено и не остановлено. В самом совершенстве художественной формы ему видится ложь, претензия писателя завершить не завершаемое, закруглить не закругляющееся. На пути движения к Совершенству всякие итоги условны, всякие концы – лишь вехи. В «стыдливости формы» у Островского – осознание вечной драмы земного существования, в кругу которого ничто не может быть решено окончательно и бесповоротно, ибо и вся-то земная жизнь – лишь пролог к жизни вечной, лишь преддверие, где всё завязывается, но ничего окончательно не развязывается. Нити развязок находятся в руках Творца, а не автора и не его героев.

Ни русский роман, ни русская драма не укладываются в те чёткие, отточенные художественные формы, какие предлагают им западноевропейские драма и роман. «Что такое “Война и мир”? – спрашивал Л.Н. Толстой и отвечал на этот вопрос так. – Это не роман, ещё менее поэма, ещё менее историческая хроника. “Война и мир” есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось. Такое заявление о пренебрежении автора к условным формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имело примеров. История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не даёт даже ни одного примера противного. Начиная от “Мёртвых душ” Гоголя и

до “Мёртвого Дома” Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести».

Что же отличает «Войну и мир» от классического романа? Классический западноевропейский роман немецкий философ Гегель в своей «Эстетике» назвал *продуктом распада эпоса*. Он был прав, потому что в этом романе главный конфликт заключался в столкновении «частного человека» с общим ходом истории. Толстой в «Войне и мире» сполна использует открытия такого романа. Его герои тоже находятся в конфликте с окружающей средой. Но Толстой придаёт этому конфликту диалектический характер: *частное* и *историческое* у него взаимодействуют друг с другом. В сложной борьбе с обществом и самими собой, проходя через драматические духовные кризисы и переломы, герои «Войны и мира» движутся к постижению смысла жизни «миром», к правде народной, за которой стоит высшая Правда – христианская. Одновременно с ними, подвергаясь суровым историческим испытаниям, обогащается этой высшей Правдой и сама народная жизнь. Конфликт личности и общества, героя и народа преодолевается, жанровые рамки западноевропейского романа раздвигаются и обретают утраченные эпические горизонты.

Толстовская философия истории органически связана с русскими духовными традициями, рождёнными в глубинах не западной, католической и протестантской, а православной, христианской культуры. У Толстого не исключительная личность, а народная жизнь в целом оказывается наиболее чутким организмом, откликающимся на скрытый смысл исторического движения. Божественное Провидение действует в истории только через верующий народ, связанный в единый организм христианской любовью. «Источник необычайной силы» и особой русской мудрости Кутузова Толстой видит в «том народном чувстве, которое он несёт в себе во всей чистоте и силе его». Перед Бородинским сражением как верный сын святой Руси он вместе с солдатами поклоняется чудотворной иконе Смоленской Богоматери.

Провидение, действуя невидимым образом в бесчисленных проявлениях народной жизни, ведёт Россию к торжеству, к победному финалу «народной войны». Уловить волю Провидения, опираясь на свои «гениальные» мысли, государственному человеку не дано. Он может приблизиться к пониманию Божественной воли, отрекаясь от своих личных умозрений и целиком отдаваясь интуитивному проникновению в таинственный ход истории, в скрытые ритмы народной жизни.

Кутузов у Толстого принадлежит к числу тех русских полководцев, «которые, постигая волю Провидения, подчиняют ей свою личную волю» и руководят «духом войска». Более всех героев «Войны и мира» Кутузов свободен от действий и поступков, диктуемых личными соображениями, тщеславными целями, индивидуалистическим произволом. Он весь проникнут чувством общей необходимости и наделён талантом «жизни

миром» с многотысячным, «соборным» единством вверенных ему людей. Мудрость Кутузова заключается в умении принять «необходимость покорности общему ходу дел», в таланте прислушиваться к «отголоску общего события» и в готовности «жертвовать своими личными чувствами для общего дела».

Н.А. Бердяев замечал: «...В русской литературе, у великих писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира... Соединение муки о Боге с мукой о человеке делает русскую литературу христианской, даже тогда, когда в сознании своём русские писатели отступали от христианской веры».

НАТАЛИЯ КОПТЕЛОВА родилась в Костроме. Окончила филологический факультет Ивановского государственного университета в 1982 году. В 1987 году защитила кандидатскую диссертацию под руководством выдающегося литературоведа Павла Вячеславовича Куприяновского. В 1991 году стала преподавателем Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. В 2011 году защитила докторскую диссертацию. Имеет шесть защищённых аспирантов. В настоящее время является профессором кафедры отечественной филологии Института гуманитарных наук и социальных технологий Костромского государственного университета. Научные интересы: история русской литературной критики конца XIX – начала XX века, русская литература начала XX века.

ПУШКИНСКИЙ КОД В «ПОСМЕРТНЫХ» СТИХАХ Г.В. ИВАНОВА*

Феномен «последнего стихотворения» в отечественном литературоведении находится ещё на стадии предварительного осмысления. Однако в 2000-е годы это литературное явление стало изучаться более активно. В частности, С.В. Жиликов выявил ключевые признаки «последнего стихотворения» в соотношении со смежным жанром лирики – стихотворением-«Памятником» [Жиликов 2011]. А.В. Петров и Н.Г. Медведева раскрыли своеобразие индивидуально-авторского преломления жанровой модели «последнего стихотворения» в творчестве А.В. Кольцова [2018], И.А. Бродского [Медведева 2010]. О.В. Зырянов проследил роль «последнего стихотворения» Г.Р. Державина «Река времён в своём стремлении...» в формировании свёрхтекстового образования [Зырянов 2015] и т. д.

Значимым стимулом для интенсивного исследования «последнего стихотворения», несомненно, стало издание антологии-монографии «Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII – XX вв.» (Екатеринбург, 2011), составленной Ю.В. Казариным. Именно этот учёный ввёл в обиход понятие «последнее стихотворение» и попытался эскизно очертить параметры данного жанра. Определяя жанровую сущность «последнего стихотворения», Казарин стремился обозначить границы его эстетического диапазона, вмещающего разноплановые начала: «Последнее стихотворение – это феномен и языковой, и культурный, и духовный, и

---

* Статья была опубликована: Коптелова Н. Г. Пушкинский код в «посмертных» стихах Г.В. Иванова // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (62). С.242-261. http://slovorggu.ru/2022_3/62.pdf

экзистенциальный. Последнее стихотворение не просто отличает конец физического существования поэта – оно также фиксирует начало другой жизни поэта – поэта без плоти <...>» [Казарин 2011, 17]. Он также справедливо отметил, что в творческом наследии многих русских поэтов часто присутствует не единственный текст, обладающий приметам «последнего стихотворения», а парадигма поэтических произведений, суммарно выражающих черты этого литературного феномена. Сказанное напрямую касается, например, поэзии Г.В. Иванова, во многом обогатившего традицию «посмертного» стихотворения и существенно повлиявшего на создание «последних стихов» ряда авторов XX века, в частности, Б. Рыжего [Семина 2016, 94].

Богатая палитра «последних стихов» Иванова становится его стилевой доминантой и, несомненно, вызвана к жизни экзистенциальным типом творческого сознания этого автора. Об экзистенциальной природе художественного мышления Иванова не раз писали отечественные литературоведы [Заманская 1996, Заманская 2018, Несынова 2007, 7, 15, 18, 21, Чехунова 2012]. Однако генезис парадигмы «последнего стихотворения» Иванова связан и с ориентацией его лирики на жанровую традицию дневника [Несынова 2007, 7, 17, 21], [Тарасова 2009]. Примечательно, что в своём эмигрантском творчестве Иванов художественно воплотил такой вариант поэтической целостности, как ансамблевое единство [Тюпа 2002, 52], включающее в себя «посмертные» стихи, написанные в форме дневника. Оно объединяет два его последних творения: цикл «Дневник» (третью часть сборника «Стихи» (1958)) и итоговую книгу стихов [Несынова 2007, 7, 17, 21] «Посмертный дневник» (1958) (вслед за М.Н. Дарвиным, Н.В. Барковской и другими исследователями мы воспринимаем книгу стихов как своеобразный «сверхцикл») [Дарвин 2008, Барковская, Верина, Гутрина 2014].

Разумеется, необходимо учитывать, что ещё не вполне прояснены некоторые текстологические аспекты «Посмертного дневника», поскольку в его создании всё-таки активное творческое соучастие принимала И.В. Одоевцева. На это резонно указывает А.Ю. Арьев, попытавшийся приблизиться к реконструкции творческой истории «Посмертного дневника» [Арьев 2011]. Тем не менее, содержательно-формальное единство «Дневника» и «Посмертного дневника» очерчивается вполне отчётливо [Арьев 2011, 58–59], [Тарасова 2009, 366].

В то же время следует иметь в виду, что тяготение Иванова-лирика к форме дневника оказывается не только чертой его индивидуально-авторского художественного мышления, но и коррелирует с общими исканиями литературы XX века, развивавшейся во многом под знаком поэтики дневника [Криволапова 2012, 22–88]. Парадоксально то, что творческая стратегия Иванова, реализованная в «посмертных» стихах, выстраивается по формуле поэзии, предложенной Е.А. Баратынским и приведённой в авторском предисловии к первому сборнику лирики З.Н. Гиппиус («Необходимое о стихах») (1904): «Поэзия, как определил её

Баратынский, – “есть полное ощущение данной минуты”» [Гиппиус 1991, 47]. Эта формула, по сути, определяет дневниковое начало поэзии, активно проявленное не только в «посмертной» лирике Иванова, но и в творчестве Гиппиус. Кстати, она также отчасти предвосхищает художественные искания Иванова, направленные на создание ансамблевого единства, написанного в форме лирического дневника. Эту модель художественной интеграции Гиппиус использует до Иванова, когда на основе дневникового лиризма она фактически встраивает в сборник «Стихи. Дневник. 1911–1921» (Берлин, 1922) опубликованный ранее цикл «Последние стихи. 1914–1918» (Петербург, 1918) (за исключением трёх стихотворений). Да и в самом названии «Последние стихи» уже потенциально присутствуют и экзистенциальная оптика, и апокалиптическое звучание, характерные для «посмертных» стихов Иванова.

В «Дневнике» и «Посмертном дневнике» Иванова весьма значим пушкинский код, определяющий специфику лиризма и глубинные смыслы его «последних стихов». В понимании категории литературного кода мы идём от методологической линии Ю.М. Лотмана [Лотман 1996, 11–22], продолжаемой и развиваемой современными исследователями [Чернец 2018]. Мы солидаризируемся с точкой зрения Л.В. Чернец, утверждающей, что “разработка” понятия код <...> помогает конкретнее изучить проблему литературной преемственности» [Чернец 2018, 22].

Проанализируем пушкинский код, присутствующий в «посмертных» стихах Иванова: охарактеризуем его содержание, функции, эволюцию и способы художественного воплощения.

Возникновение пушкинского кода в ивановском наследии вполне закономерно в силу общей востребованности пушкинской традиции в русской поэзии начала XX века [Мусатов 2016], и особенно – в творчестве лириков первой волны эмиграции. Симптоматично, что ещё в статье «Черноземные голоса» (1917), определяя творческие ориентиры поэзии, Иванов говорит о необходимости поиска такого слова, которое бы «вдруг засияло всеми цветами радуги, зазвенело, как горное эхо» [Иванов 1994, III, 486]. Само уподобление слова «эху» отсылает к известному стихотворению Пушкина «Эхо», а идеал «многоцветности», «радужности» словесного образа неожиданно перекликается с оценкой пушкинской лирики, данной В.С. Соловьёвым в статье «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899): «На самом деле в радужной поэзии Пушкина – все цвета, и попытка окрасить её в один сама себя обличает явными натяжками и противоречиями, к которым она приводит» [Соловьёв 1990, 399].

Подобно В.Ф. Ходасевичу, Иванов был погружён в биографию и поэзию Пушкина на протяжении всего своего творческого пути. С Пушкиным он вёл непрестанный диалог, правда, переключающийся порой в полярные смысловые регистры. Ивановская лирика наполнена разнообразно выраженными авторскими рефлексиями и на биографию первого поэта России [Леонтьева 2019], и на его художественные произведения. При этом творческое воплощение пушкинского кода в эмигрантской лирике Иванова

порой транслировало его полемику с великим предшественником и даже демонстрировало желание опровергнуть открытые Пушкиным ценности бытия. В некоторых эмигрантских стихотворениях, предшествующих лирическим «дневникам», Иванов с горькой иронией перечёркивал пушкинскую веру в вечную жизнь поэтического слова, в преображающую силу словесной «музыки», столь оптимистично провозглашённую первым поэтом России в «Памятнике». В стихотворении «Медленно и неуверенно...» («Розы») Иванов писал:

*Всё в этом мире по-прежнему.
Месяц встаёт, как вставал,
Пушкин именье закладывал
Или жену ревновал.*

*И ничего не исправила,
Не помогла ничему,
Смутная, чудная музыка,
Слышная только ему [Иванов 1994, I, 291].*

В стихотворении «Игра судьбы. Игра добра и зла...» («Портрет без сходства») Иванов даже раздражённо «перелицовывал» пушкинское откровение («Нет, весь я не умру»), как неуместно пафосное, мало утешающее и выпадающее из мироощущения художника кризисного XX столетия, находящегося на грани жизни и смерти: «Допустим, как поэт, я не умру. / Зато как человек я умираю» [Иванов 1994, I, 321].

Экзистенциально измеряющий современность, лирический герой Иванова 1930–1940 годов при всём своём желании никак не мог наследовать «радужную» пушкинскую цельность, его гармоническое мироощущение. Иванов попросту был лишён характерной для Пушкина искренней надежды на возможность счастья и свободы. Поэтому его стихотворение «Стоило ли этого счастье безрассудное?..» («Портрет без сходства») [Иванов 1994, I, 343] во многом прочитывается как опровержение стихотворения Пушкина «Редет облаков летучая гряда...» [Ушакова 2020, 99–100]. А стихотворение Иванова «Снова море, снова пальмы...» («Rayon de rayonne») [Иванов 1994, I, 360] воспринимается как лирическая антиномия отрывку из поэмы «Цыганы» «Птичка Божия не знает...». Справедливо указывает О.Н. Ушакова: «Образ “птички” у Пушкина связан, бесспорно, с божественным началом, что характеризуется в тексте эпитетом “Божия” и метафорой “гласу Бога внимлет”. Она становится символом человеческой души, открытой для свободного полёта, доброты и милосердия» [Ушакова 2020, 101]. Для поэта-эмигранта, в отличие от Пушкина, мир не имел достаточно прочного теологического оправдания. Хотя жажда Бога всё-таки была импульсом духовных исканий Иванова, характеризующихся крайне противоречивостью. Об этом можно судить по фрагменту из «лирической поэмы в прозе» (жанровое определение В.Ф. Ходасевича) «Распад атома» (1938): «Я думаю о

различных вещах и, сквозь них, непрерывно думаю о Боге. Иногда мне кажется, что Бог также непрерывно, сквозь тысячу посторонних вещей, думает обо мне. Иногда мне чудится даже, что моя боль – частица Божьего существа. <...> Минута слабости, когда хочется произнести вслух “Верю, Господи...” Отрезвление, мгновенно вступающее в права после минуты слабости» [Иванов 1994, II, 7]. В кризисном «Распаде атома», отождествляя Россию, уничтожившую «соль земли» («Торжественно кончается весна...» («Дневник»)), с Пушкиным, Иванов предьявляет великому поэту жёсткий счёт: «По чужому городу идёт потерянный человек. Пустота, как морской прилив, понемногу захлестывает его. Он не противится ей. Уходя, он бормочет про себя – Пушкинская Россия, зачем ты нас обманула? Пушкинская Россия, зачем ты нас предала?» [Иванов 1994, II, 7]. Как убедительно показывает Г.С. Василькова, скептическое отторжение Иванова от творческого наследия Пушкина в 1930 – 1940 годы было во многом стимулировано и «подогрето» празднованием в Русском зарубежье пушкинского юбилея в 1937 году [Василькова 2017].

Очевидно, что в стихотворении «Голубизна чужого моря...» («Rayon de gaouppe») отрицание Ивановым пушкинского миропонимания достигает кощунственного предела, так как происходит в форме язвительной пародии [Иванов 1994, I, 364]. В нём присутствует циничная имитация финала стихотворения Пушкина «В часы забав и праздной скуки...» (поэтический ответ митрополиту Филарету): «И внемлет арфе Серафима / В священном ужасе петух» [Иванов 1994, I, 364]. Образ поэта, подчиняющегося у Пушкина небесной «музыке», послушного «велению божьему», трансформируется Ивановым в гротескно сниженный, карикатурный образ «петуха». Обретение веры в Творца, вдохновляющей художника, трепетно воспетое Пушкиным, сменяется у Иванова констатацией полной духовной опустошённости.

Однако в «посмертных» дневниковых стихах Иванова, образующих парадигму его «последних стихотворений», в отношении к пушкинскому коду происходит явный сдвиг. Но этот сдвиг диалектичен и имеет сложный механизм. Так, в стихотворении «Полутона рябины и малины...», вошедшем в цикл «Дневник», Иванов создаёт поэтический коллаж из отсылок ко многим литературным произведениям (И.-В. Гёте, М.Ю. Лермонтова, И.П. Мятлева, И.С. Тургенева, И. Северянина и др.). «Пёстрая» интертекстуальная основа этого произведения достаточно подробно раскрыта литературоведами [Марков 1994, Мосешвили 1994, 617, Данилович 2001, 210–211, Фомина 2016, Федякин 2021, 111–114]. В его структуре весьма значимое место занимает пушкинский пласт. В частности, в стихотворении «Полутона рябины и малины...» угадывается саркастический отклик Иванова на финальные строки из философского стихотворения Пушкина «Телега жизни» (1823): «Катит по-прежнему телега: / Под вечер мы привыкли к ней / И дремля едем до ночлега – / А время гонит лошадей [Пушкин 1977–1979, II, 160]. Если у Пушкина грустная ирония сплавлена с мудрым и смиренным приятием законов

бытия, данных свыше, то у Иванова доминирует нигилистическое отталкивание от «телеги жизни», которая характеризуется уничтожающими эпитетами «скрипящая» и «немазанная»: «Скрипящая в трансцендентальном плане, / Немазанная катится телега» [Иванов 1994, I, 378]. Современная жизнь в восприятии лирического героя Иванова наполнена неразложимыми контрастами: «Сияет жизнь улыбкой изумлённой, / Растит цветы, расстреливает пленных» [Иванов 1994, I, 378]. Причём органической частью этой противоречивой жизни оказываются и разнообразные литературные впечатления лирического субъекта, сотканые в прихотливую мозаику цитат, в которой ведущую роль играют отсылки к пушкинскому творчеству. Иванов иронично играет собственными ассоциациями, причудливо монтируя реминисценции и аллюзии на пушкинские творения. Исследователи подметили, что в его остроумном лирическом «конспекте» (центоне) есть намёк на шуточные строки пушкинского стихотворения «Признание» («В меланхоличном имени Алины») [Фомина 2016, 876] [Федякин 2021, 111]. В этом стихотворении присутствуют и упоминание «трепетных ланей» из поэмы «Полтава», и воссоздание названия раннего стихотворения Пушкина «Эвлега» [Мосешвили 1994, 617], [Федякин 2021, 111–112], и перифраз из известного шедевра («на Грузию ложится мгла ночная») [Мосешвили 1994, 617], [Фомина 2016, 876–877] [Федякин 2021, 111–112]. В нём содержится также указание на один из самых востребованных Пушкиным жанров лирики – элегию.

Однако в противоположность мироприемлющему Пушкину, с доверием принимающему непреложные законы жизни, внушённые промыслом Божиим, Иванов завершает своё стихотворение принципиально иным выбором, сформулированным жёстко и вызывающе: «...И лучше умереть <...>» [Иванов 1994, I, 378]. Ностальгия по красоте и гармонии пушкинской поэзии, восхищение ею, пусть и выраженное в парадоксально «остранённой» и ироничной форме, рождает у лирического героя Иванова боль отчаянья, вызванную мыслью о невозможности вернуть духовное равновесие, характерное не только для мировосприятия Пушкина, но и для классической литературы в целом. Отсюда – ожесточение лирического субъекта и его желание умереть, не растравляя свою душу воспоминаниями о совершенстве словесного искусства прошлого: «...И лучше умереть, не вспоминая, / Как хороши, как свежи были розы» [Иванов 1994, I, 378].

Пушкинский код в стихотворении Иванова «Луны начищенный пятак...», включённом в цикл «Дневник», вполне обоснованно обнаруживает А.К. Жолковский. Он доказательно прослеживает диалогическую перекличку Иванова с романом Пушкина «Евгений Онегин» и, особенно, со стихотворением «Зимний вечер» [Жолковский 2009]. Жолковский отмечает: «При этом Пушкин берёт противоречивую зимнюю ноту “мороз / солнце” в отчётливо мажорном ключе, приурочивая момент лирического высказывания к солнечному утру, уже наступившему

после ретроспективной (*вечор, ты помнишь...*) ночной выюги, и ведя речь от имени более бодрого из участников ситуации. Иванов же начинает с минорной ночной безнадёжности, чтобы оттуда – “со дна отчаяния” – начать нащупывать возможность завтрашнего мажорного пробуждения, причём отводит лирическому субъекту роль более пассивного партнера – спящего и нуждающегося в побудке. Но почти все составляющие такого перехода (луна, река, солнце, пробуждение, блеск, окно) берутся у Пушкина – вплоть до предлога *сквозь*, императивов и вопросов, обращённых к собеседнику / собеседнице, инфинитивов и местоимения *меня* под рифмой» [Жолковский 2009, 145]. Жолковский справедливо признаёт позитивное влияние просветляющего оптимизма Пушкина на настроение поэта-эмигранта, подчёркивая, что в этом стихотворении запечатлён «переход от типичной для позднего Иванова экзистенциальной обречённости к неуверенному проблеску надежды» [Жолковский 2009, 153]. Но при этом он заключает: «Как часто бывает, предлагаемое позитивное решение проблемы уступает в эстетической убедительности её новаторской негативной постановке: отчаяние удаётся Иванову лучше, чем надежда» [Жолковский 2009, 151]. Со своей стороны мы никак не можем разделить эту точку зрения уважаемого исследователя и полагаем, что завершающие строки одного из самых светлых «посмертных» стихотворений Иванова, вдохновлённые гением Пушкина, обладают свойством пронзительной искренности и убедительности и по своей художественной силе не уступают трагическому началу данного произведения. В соответствии с законами дневникового лиризма, они точно выражают «“полное ощущение данной минуты”» [Гиппиус 1991, 47] и свидетельствуют о том, что, подобно В.Ф. Ходасевичу, в самое тяжёлое для себя время Иванов пытался «лечить» свою душу, измученную «гамлетовскими» сомнениями, именно пушкинской поэзией:

*А если не предрешено?
Тогда... И я могу проснуться –
(О, только разбуди меня),
Широко распахнуть окно
Сиянью завтрашнего дня* [Иванов 1994, I, 399].

Это становится ещё более очевидным в «Посмертном дневнике» Иванова, открывающемся интимным и по-детски доверчивым обращением к Пушкину. Первая строфа ивановского стихотворения сколь шутивая, столь и восторженная: «Александр Сергеевич, я о вас скучаю. / С вами посидеть бы, с вами б выпить чаю. / Вы бы говорили, я б, развесив уши, / Слушал бы да слушал» [Иванов 1994, I, 553]. В ней нет почтительной дистанции лирического субъекта от великого предшественника, что, по словам Г.С. Васильковой, всегда отличало отношение Иванова к Пушкину [Василькова 2017, 84]. Ю.В. Несыпова верно отмечает, что в этом произведении Иванова воплотилась «жажда разговора» с Пушкиным «“по

душам” в житейской бытовой обстановке» [Несынова 2007, 15]. Действительно, лирический герой ведёт задушевный разговор с классиком вполне непринуждённо. И это транслирует просторечная стилистика (например, фразеологическое выражение «развесив уши»). «Обытовление» лирического нарратива, мотивированное «домашней» ситуацией чаепития, ещё более сокращает расстояние между лирическим героем стихотворения и адресатом, Пушкиным, и в подтексте неожиданно создаёт самоироничную отсылку Иванова к известной реплике гоголевского Хлестакова: «С Пушкиным на дружеской ноге». Интимная интонация этого стихотворения и его установка на исповедь, на разговор о глубоко сокровенном, отчасти даже напоминает стихотворение «Юбилейное» В.В. Маяковского (1924) («Александр Сергеевич, / разрешите представиться...»).

В стихотворении «Александр Сергеевич, я о вас скучаю...» Иванов, чьё творчество, как правило, развивается по спирали, прибегает к одному из излюбленных своих приёмов: он переосмысливает один из более ранних своих мотивов – мотив чаепития с томиком Пушкина, репрезентированный в стихотворении «В широких окнах сельский вид...», вошедшем в сборник «Лампада» (1922). Но, как точно подчёркивает Н.М. Солнцева, тогда «Иванову было двадцать восемь лет» и «чаепитие с Пушкиным имело иную, гедонистскую, коннотацию» [Солнцева 2011, 185]. Действительно, упомянутое раннее стихотворение Иванова приближается к жанру идиллии и выражает абсолютно гармоничное состояние души лирического героя, навеянное сладостной пушкинской поэзией, уподобленной целительному мёду:

*В широких окнах сельский вид,
У синих стен простые кресла,
И пол некрашенный скрипит,
И радость тихая воскресла.*

*Вновь одиночество со мной...
Поэзии раскрылись соты.
Пленяют милой стариной
Потёртой кожи переплёты.*

*.....
Легки оковы бытия...
Так, не томясь и не скучая,
Всю жизнь свою провёл бы я
За Пушкиным и чашкой чая [Иванов 1994, I, 107].*

В стихотворении «Александр Сергеевич, я о вас скучаю...» сохраняется мотив желанной близости к Пушкину как к самому дорогому и любимому собеседнику. Но во второй строфе происходит очевидная трансформация пушкинского кода, связанная с его переключением в экзистенциальное измерение. Лирический герой Иванова чувствует

родство с Пушкиным-человеком, бесконечно страдающим на пороге смерти: «Вы мне всё роднее, вы мне всё дороже. / Александр Сергеевич, вам пришлось ведь тоже / Захлебнуться горем, злиться, презирать, / Вам пришлось ведь тоже трудно умирать» [Иванов 1994, I, 553]. В стихотворении «Александр Сергеевич, я о вас скучаю...» Иванов сталкивает две строфы, контрастные по лирической тональности, начиная с юмористического мажора и завершая трагическим надрывом.

Пушкинский код присутствует и в четвёртом стихотворении «Посмертного дневника» Иванова «Мне уж не придётся впредь...». Оно также передаёт резкие перепады в настроении лирического героя. В начале произведения моральный мотив подан в нарочито обыденном, бытовом ключе и в то же время он звучит предельно искренне: «Мне уж не придётся впредь, / Чистить зубы, щёки брить» [Иванов 1994, I, 556]. Лирическая структура стихотворения полифонична: вслед за голосом лирического «я», ассоциирующегося с настоящим, вступает голос его психологического двойника, звучащий как эхо прошлого: «Перед тем, как умереть, / Надо же поговорить» [Иванов 1994, I, 556]. Это вольная контаминированная автоцитата, состоящая из строк ивановского стихотворения «Перед тем, как умереть...» (1930), вошедшего в сборник «Розы» [Иванов, I, 261]. Стоит отметить, что лейтмотив «разговора» в «посмертных стихах» выполняет функцию циклообразующей скрепы. Особенно часто он встречается в «Посмертном дневнике». В стихотворении «Мне уж не придётся впредь...» незримым и желанным собеседником лирического героя, находящегося на пороге смерти, снова оказывается Пушкин. Его поэзия настраивает лирического субъекта на высокий мистический лад. Неслучайно первая строка второй строфы пронизана возвышенной интонацией, подсказанной философской лирикой позднего Пушкина, открывающей для Иванова онтологические глубины: «В вечность распахнулась дверь» [Иванов 1994, I, 556]. Маркером пушкинского кода в этом произведении Иванова является усечённая строка из стихотворения «Пора мой друг, пора! покоя сердца просит...» (1834), входящего в парадигму «последнего стихотворения» Пушкина. Композиционным стержнем пушкинского произведения становится повторяющийся мотив «покоя»: «покоя сердце просит»; «На свете счастья нет, но есть покой и воля» [Пушкин 1977–1979, III, 258]. Раскрывая смысловое наполнение указанного мотива, И.З. Сурат, точно указывает: «Конечно, это слово («покой». – *Н.К.*) означает не успокоенность обыденную, но высший покой, даваемый чистотой души, и вечный покой смерти» [Сурат 1995, 99].

Впитывая духовную энергию Пушкина, лирический герой Иванова мечтает получить заряд от светлого и всё уравнивающего пушкинского мирозерцания, чтобы мудро и смиренно принять конец своего земного существования, как заслуженный покой: «Просветлиться бы теперь, / Жизни прокричать ура! / Стариковски помудреть, / С миром душу примирить» [Иванов 1994, I, 556]. Но рассматриваемое ивановское

стихотворение, как и «Александр Сергеевич, я о вас скучаю...», снова завершается прорывом экзистенциального отчаяния, а по сути, жёстким отказом от предсмертного исповедального слова: «...Перед тем, как умереть, / Не о чем мне говорить» [Иванов 1994, I, 556]. Финал произведения опрокидывает возвышенную и умиротворяющую сакральность пушкинского стихотворения, уравнивающего творческий «покой» художника и «вечный покой смерти». Но он перечёркивает и желание «поговорить» (то есть выговориться), высказанное лирическим субъектом «Роз» и вполне естественное для умирающего человека. Таким образом, лирический герой Иванова остаётся в тупике одиночества и бессмысленности завершающейся земной жизни. Даже при помощи поэзии Пушкина, к которой он апеллирует, лирический субъект не может справиться с душевной пустотой, рождённой «мировым уродством» («Распад атома»). В то же время эта жёсткая декларация «немоты» в конце стихотворения («Не о чем мне говорить») воспринимается и как момент беспощадного творческого самосуда Иванова, отсылающего к нелицеприятной оценке А. Блоком ивановского сборника «Горница»: «Слушая такие стихи, как собранные в книжке Г. Иванова “Горница”, можно вдруг заплакать – не о стихах, не об авторе их, а о нашем бессилии, о том, что есть такие страшные стихи ни о чём, не обделённые ничем – ни талантом, ни умом, ни вкусом, и вместе с тем – как будто нет этих стихов, они обделены всем, и ничего с этим сделать нельзя» [Блок 1962, 337].

Очевидно, диалог Иванова с пушкинской традицией в «Посмертном дневнике» не прямолинеен, он развивается «маятникообразно» и даже «зигзагообразно». Но важно то, что этот диалог всё-таки заканчивается творческим согласием поэта-эмигранта с Пушкиным. В связи с этим заслуживает безусловного доверия вывод, сделанный В.В. Мусатовым: «Для каждого из крупных поэтов русского “серебряного века” Пушкин был способом возвращения к самому себе, к органическим основам собственного поэтического дарования, а значит, к пониманию действительности в её несводимости к “идеи”, в её разнородности и широте» [Мусатов 2016, 293]. «Возвращение к самому себе» происходит в ивановском стихотворении «В ветвях олеандровых трель соловья...», которое в контексте «Посмертного дневника» прочитывается как поэтическое завещание его автора. По своему тону оно полемично пессимистическому стихотворению «Игра судьбы. Игра добра и зла...» («Портрет без сходства»), в котором бессмертие поэтического творчества, в принципе, также признаётся: «Допустим, как поэт, я не умру. / Зато как человек я умираю» [Иванов 1994, I, 321]. Теперь же вера в вечную жизнь поэзии, восходящая к пушкинскому «Памятнику», порождает светлую надежду лирического героя не только на личное воскресение, но и на возвращение на родину: «Но я не забыл, что обещано мне / Воскреснуть. Вернуться в Россию стихами» [Иванов 1994, I, 556].

Пушкинский код присутствует и в стихотворении «А что такое вдохновенье?..», имеющего насыщенную интертекстуальную основу,

программирующую, в частности, переключки со стихотворениями Ф.И. Тютчева («Цицерон») и М.И. Цветаевой («В чёрном небе слова начертаны...»): «А что такое вдохновенье? / – Так ... Неожиданно, слегка / Сияющее дуновение / Божественного ветерка» [Иванов 1994, I, 576]. Образная формула «дуновение Божественного ветерка», определяющая сущность вдохновения, несомненно, восходит и к пушкинской поэзии. С одной стороны, она вполне согласуется с мотивом послушания Музы божьей воле, венчающим «Памятник» Пушкина и окончательно утверждающим религиозную природу поэтического творчества: «Веленью божию, о муза, будь послушна» [Пушкин 1977–1979, III, 340]. А с другой стороны, эта формула ассоциируется с характеристикой Музы, представленной в раннем стихотворении Пушкина «О, боги мирные дубров и гор...» (1824) [Гринбаум 2006, 55–56], и намекает на абсолютную свободу и артистизм пушкинской лирики, столь ценимые автором «Посмертного дневника»:

*О боги мирные полей, дубров и гор,
Мой Аполлон ваш любит разговор,
Меж вами я нашёл и музу молодую,
Подругу дней моих невинную, простую,
Но чем-то милую – не правда ли, друзья?
И своенравная волшебница моя,
Как тихий ветерок иль пчёлка золотая,
Иль беглый поцелуй, туда, сюда летая.*
[Пушкин 1977–1979, II, 181].

Прекрасный облик пушкинской Музы в определённой мере проецируется и на образ героини «посмертных стихов» Иванова, прототипом которой, несомненно, стала верная спутница Иванова И.В. Одоевцева. В стихотворениях «Ты не расслышала, а я не повторил...» и «Распылённый миллионом мельчайших частиц...», вошедших в цикл «Дневник», любимая женщина становится воплощением Музы. От неё, как от пушкинского «гения чистого красоты», идёт импульс поэтического вдохновения. В итоге – любовь и художественное творчество для лирического героя Иванова дневниковых циклов сливаются воедино [Несынова 2007, 19]. Они становятся мостом на пути к вечности: «Вот наша жизнь прошла, / А это не пройдёт» [Иванов 1994, I, 438]; «Я вернусь – отраженьем – в потерянном мире» [Иванов 1994, I, 439].

Характеризуя образ женщины, созданный в стихотворениях «Посмертного дневника», Н.М. Солнцева тонко подмечает: « <...> она – ангел, подобно избраннице Пушкина. Иванов пишет: “Ангел мой”, “Бедный мой ангел”, “Какой прелестной ты была / С большой охапкою сирени, / Вся в белом, в белых башмаках”» [Солнцева 2011, 185]. Примечательно, что светлый образ женщины-Музы и в «Дневнике», и в «Посмертном дневнике» не раз уподобляется Ивановым «чудному

мгновенью», воспетому Пушкиным и посетившему лирического субъекта в снах-воспоминаниях. Причём это «чудное мгновенье» происходит непременно весной: «Черёмуха в твоих руках цвела» [Иванов 1994, I, 438]; «В голубой белизне петербургского мая» [Иванов 1994, I, 439]; «Какой прелестной ты была / С большой охапкою сирени» [Иванов 1994, I, 587]. Специфика художественного времени в лирическом повествовании, очевидно, мотивирована фактами автобиографии Иванова и в определённом смысле противопоставляет названные «посмертные» стихотворения образному миру Пушкина, как известно, воспевшего в своих стихах осень. Однако пространство, в котором проходят судьбоносные встречи лирического героя и его возлюбленной-Музы, носительницы тайны женственности и гармонии бытия, всё-таки нерасторжимо связано с жизнью и творчеством Пушкина: это – «Петербург» [Иванов 1994, I, 438], «Летний Сад» [Иванов 1994, I, 439], «Царское Село» [Иванов 1994, I, 587].

Наконец, пушкинский код своеобразно запечатлён и в стихотворении «Поговори со мной ещё немного...», которое фактически завершает «Посмертный дневник» Иванова. Оно отличается особой исповедальностью и проникновенностью. В нём отчётливо слышатся «ноты» пушкинской поэзии. В этом произведении нет надрывного отчаяния. Прощание с жизнью и любимой женщиной для лирического героя наполнено благодарностью и светом:

*Поговори со мной ещё немного,
Не засыпай до утренней зари.
Уже кончается моя дорога,
О, говори со мною, говори!*

*Пуškai прелестных звуков столкновенье,
Картавый, лёгкий голос твой
Преобразят стихотворенье
Последнее, написанное мной* [Иванов 1994, I, 590].

Облик героини в чём-то ассоциируется с образом, созданным в пушкинском стихотворении «Мадонна» (1830). Это подчёркивается общей эмоциональной тональностью ивановского стихотворения, выдержанной в едином, мироприемлющем, ключе, в отличие от многих произведений в «дневниковых» циклах, построенных на резком переключении лирического регистра, передающем перепад настроений, метания от надежды к отчаянью. К пушкинскому словарю отсылает и лексическая наполняемость текста ивановского произведения. У Пушкина читаем: «Чистейшей прелести чистейший образец» [Пушкин 1977–1979, III, 166]. Отзвук процитированной пушкинской строки слышится в таком словосочетании стихотворения Иванова, как «прелестных звуков столкновенье» [Иванов 1994, I, 590].

В стихотворении «Поговори со мной ещё немного...» лирический герой Иванова вновь возвращается к «чудной» музыке, «слышной только» Пушкину («Медленно и неуверенно...»), а впоследствии и Блоку, как наследнику пушкинской традиции. Причём, как и в стихотворении Пушкина «Я помню чудное мгновение...» (1825), вдохновляющую «музыку» пробуждает «голос нежный» [Пушкин 1977–1979, II, 265] («<...> прелестных звуков столкновенье, / Картавый, лёгкий голос твой»), в который лирический субъект жадно вслушивается на пороге смерти. Поэт верит в то, что звуковая стихия, воплощённая в голосе верной спутницы и в интонациях её чарующей речи, чудесным образом вдохнёт в его последнее стихотворение обновляющую творческую энергию. В этом стихотворении под влиянием философии творчества позднего Пушкина и, прежде всего, его «Памятника», происходит окончательная смена смыслового акцента в оппозиции «человек – поэт», устойчивой в лирической системе Иванова [Несынова 2007, 20]. Вслед за великим предшественником Иванов верит, что с концом земного пути, он не теряет возможности обрести бессмертие в поэтическом творчестве.

Таким образом, в «посмертных» стихах Иванова весьма значим пушкинский код. Играя роль поэтического интегратора, он активно участвует в создании ансамблевого единства, венчающего творческий путь лирика-эмигранта. По сути, пушкинский код, является одним из смысловых стержней «последнего» лирического дневника, запечатлевшего как отталкивание Иванова от литературного опыта великого предшественника, так и притяжение к нему.

В «посмертных» стихах Иванова пушкинский код выполняет также коммуникативную функцию. Освоение пушкинской традиции в «последнем» лирическом дневнике Иванова воплощается в форме творческого диалога с поэтом-классиком. Этот диалог разворачивается на образно-мотивном, реминисцентно-аллюзивном и интонационном уровнях. Причём, несмотря на определённую зигзагообразность, он движется от полемики к согласию.

Содержание пушкинского кода, задействованного в «посмертных» стихах Иванова, коррелирует, прежде всего, с поэтологией Пушкина. Оно также гармонично соотносится с пушкинской традицией создания идеального женского образа, символизирующего Музу поэта.

Апелляция к пушкинской традиции, происходящая в «посмертных» стихах Иванова-эмигранта, во многом обеспечивает его творческую самоидентификацию. Действие пушкинского кода не только продвигает поэзию позднего Иванова к внешней простоте и безыскусности, характерной для стиля первого поэта России, но и трансформирует природу ивановского лиризма, обостряя предельную искренность и обнажённую исповедальность его «посмертных» стихов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арьев А.Ю. Взаимно искажая отражения: Ирина Одоевцева и «Посмертный дневник» Георгия Иванова // Россия и запад: сборник статей в честь 70-летия К.М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 35–59.
2. Барковская Н.В., Верина У.Ю., Гутрина Л.Д. Книга стихов как теоретическая проблема // Филологический класс. 2014. № 1 (35). С. 20–23.
3. Блок А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6: Проза 1918 – 1921 / подготовка текста Д.Е. Максимова, Г.А. Шабельской; примеч. Г.А. Шабельской. М.; Л. ГИХЛ, 1962. 556 с.
4. Василькова Г.С. «Распад атома» Георгия Иванова как «эхо» пушкинских дней 1937 года в Русском зарубежье // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. № 5. С. 82–90.
5. Гиппиус З. Необходимое о стихах // Гиппиус З. Сочинения: Стихотворения; Проза / сост., подгот. текста, вступ. ст., комм. К. Азадовского, А. Лаврова. Л.: Художественная литература, 1991. С. 46–49.
6. Гринбаум О.Н. К вопросу о ритмико-экспрессивных образах пушкинской музыки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2006. № 2. С. 55–72.
7. Данилович Т.В. Поэзия русского зарубежья: творчество Г. Иванова в аспекте интертекстуального анализа // Наука о литературе в XX веке (История, методология, литературный процесс): сб. статей. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 201–217.
8. Дарвин М.Н. Книга стихов // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 96–97.
9. Жиликов С.В. Жанровая традиция стихотворения-Памятника в русской поэзии XVIII – XX вв.: автореф. дис. ... к. филол. н. 10.01.01. Елец, 2011. 22 с.
10. Жолковский А.К. *Так и этак* Георгия Иванова («Луны начищенный пятак...») // Жолковский А.К. Новая и новейшая русская поэзия. М.: РГГУ, 2009. С. 142–151.
11. Заманская В.В. Антитеза жизни / смерти в творчестве Г. Иванова: Параметры, образное воплощение, «масштабы» экзистенциального мышления поэта // Заманская В.В. Русская литература первой половины XX века: Проблема экзистенциального сознания. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та; Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского пединститута, 1996. С. 347–380.
12. Заманская В.В. Г. Иванов: «...умею только развоплощать» // Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века: Диалоги на границах столетий. Учебное пособие. М.: Флинта, 2018. С. 251–277.
13. Зырянов О.В. «Река времён» как сверткостекстовое образование в русской поэзии XIX – XX вв. // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2015. № 3. С. 87–100.
14. Иванов Г.В. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Согласие, 1994.
15. Казарин Ю.В. Предисловие // Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII – XX вв.: антология-монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2011. С. 9–64.
16. Криволапова Е.М. Дневник в историко-культурном пространстве начала XX века // Криволапова Е.М. Дневники писателей круга В.В. Розанова (1893 – 1919 гг.): Жанр, творческий метод, историко-литературный контекст. Курск: Курский государственный университет, 2012. С. 22–88.
17. Леонтьева А.Ю. Лирическая биография А.С. Пушкина в поэзии Г.В. Иванова // Евразийское научное объединение. 2019. № 2–5 (48). С. 298–302.
18. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
19. Марков В.Ф. Русские цитатные поэты: заметки о поэзии П.А. Вяземского и Георгия Иванова // Марков В.Ф. О свободе в поэзии: Статьи, эссе, разное. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. С. 214–232

20. Медведева Н.Г. К семантике «последнего стихотворения» в поэзии И. Бродского // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2010. № 4. С. 84–95.
21. Мосешвили Г.И. Комментарии // Иванов Г.В. Собрание сочинений: К 100-летию со дня рождения: в 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 1: Стихотворения. С. 591–632.
22. Мусатов В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М.: Азбуковник, 2016. 720 с.
23. Несынова Ю. В. Эволюция поэтической системы Г.В. Иванова: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. Екатеринбург, 2007. 23 с.
24. Петров А.В. «На новый 1842-й год» А.В. Кольцова: опыт контекстного прочтения «последнего стихотворения» // Libri Magistri. 2018. № 5. С. 48–59.
25. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / примеч. проф. Б.В. Томашевского; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л.: Наука, 1977–1979.
26. Семина А.А. Голос из небытия: «Посмертный дневник» Георгия Иванова и Бориса Рыжего // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 12 (394). С. 88–95.
27. Солнцева Н.М. Есенинский контекст в «Посмертном дневнике» Георгия Иванова // Георгий Владимирович Иванов. Исследования и материалы: 1894 – 1958. Международная научная конференция / сост. и отв. ред. С.Р. Федякин. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2011. С. 179–185.
28. Соловьёв В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. 574 с.
29. Сурат И.З. «Жил на свете рыцарь бедный...» // Сурат И.З. Жизнь и лира. О Пушкине. М.: Изд-во «Книжный сад», 1995. С. 5–115.
30. Тарасова И.А. Жанр дневника в поэзии Георгия Иванова // Жанры речи. 2009. № 6. С. 364–375.
31. Тюпа В.И. *Художественный дискурс* (введение в теорию литературы). Тверь: Тверской государственный университет, 2002. 80 с.
32. Ушакова О.Н. Проблема традиций русской поэзии в эмигрантской лирике Г.В. Иванова: дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. Иваново, 2020. 232 с.
33. Федякин С.Р. Мифотворчество Георгия Иванова // Литературоведческий журнал. 2021. № 2 (52). С. 86–122.
34. Фомина П.А. Интертекст как способ реализации авторского замысла в стихотворении Г. Иванова «Полутона рябины и малины» // Science time. 2016. № 4 (28). С. 874–880.
35. Чернец Л.В. О понятии «код» в литературоведении и о пейзаже в произведениях И.С. Тургенева // Тургеневские чтения: сборник статей Вып. 7 / сост. Т.Е. Коробкина, Е.Г. Петраш; научн. ред. Е.Г. Петраш. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2018. С. 17–29.
36. Чехунова О.А. Циклическая структура поэтических сборников Георгия Иванова 1930-х годов как отражение экзистенциальной картины мира: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. М., 2012. 17 с.

ИРИНА ЕДОШИНА родилась в городе Благовещенске Амурской области. В 1974 году окончила филологический факультет Костромского педагогического института имени Н.А.Некрасова, в 1985 году – аспирантуру при кафедре зарубежной литературы Ленинградского государственного педагогического института имени А.И.Герцена. Доктор культурологии, профессор. Автор более 200 работ: статей и монографий. Основатель и главный редактор журнала «Энтелехия» (2000-2014), посвящённого жизни и творчеству В.В.Розанова и П.А.Флоренского. Член редколлегий журналов «Соловьёвские исследования», «Вестник культурологии». Лауреат областных премий имени Д.С.Лихачёва, имени И.А.Дедкова.

А.Н. ОСТРОВСКИЙ НА ПУШКИНСКИХ ДНЯХ В МОСКВЕ: ХРОНОЛОГИЯ И СМЫСЛОВЫЕ КОНТЕКСТЫ

В XIX-XX веках имя А.С. Пушкина было непререкаемым авторитетом, нашедшем идеальное воплощение в известном определении А.А. Григорьева «Пушкин – наше всё». Этот авторитет не был поколеблен ни едкими характеристиками пушкинских текстов Д. Писарева, ни критическим взглядом Вл. Соловьёва на смерть поэта.

Аполлон Григорьев был годом старше Александра Островского, их связывали дружеские отношения и понимание существа творческой деятельности. Потому утверждение «Пушкин – наше всё» было их общим кредо. Когда устав от всех перипетий, связанных с публикацией и постановкой написанных им пьес, Островский решает покинуть театр (этого, правда, в итоге не случится) и писать пьесы для чтения, то путеводной нитью становится (по его признанию) «Борис Годунов» Пушкина. Островский связывал Пушкина с эпохой национального самосознания, видел в нём своеобразную школу актёрского мастерства. Совсем не случайно на 25-летний юбилей своей творческой деятельности Островский получил в подарок от Купеческого клуба серебряную вазу с бюстом Пушкина и Гоголя.

Все приведённые факты, пусть в сжатом виде, свидетельствуют, что Островский не мог пройти мимо установки памятника Пушкину, как не могли обойти драматурга устроители Пушкинского празднования в Москве.

К Пушкинскому празднику готовились заранее. Ещё в апреле 1880 г. был составлен список, куда вошли, помимо Островского, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, А.Ф. Писемской, А.А. Потехин, Я.П. Полонский, А.Н. Майков, И.С. Аксаков, И.С. Тургенев, Н.С. Тихонравов, П.И. Бартенев.

Предполагалось, что «из московских будут говорить: Островский, Писемский, И. Аксаков, Бартенев, Тихонравов и др.»¹. В начале мая Тургенев встречается с Островским в Москве, и тот соглашается «присутствовать на Пушкинском празднике»².

В письме к Островскому от 6 мая 1880 г. С.А. Юрьев, театральный деятель, сожалеет, что не удалось им повстречаться после заседания Общества Русских Драматических Писателей, «в котором было положено праздновать открытия памятника (Пушкину. – *И.Е.*) и была избрана распорядительная Комиссия из лиц, съехавшихся на заседание. ... было положено просить Вашего [слова] в публичных заседаниях Общества по поводу празднования открытия памятника Пушкину...»³. Затем Юрьев сообщает порядок празднования: «*I. 26 числа* утром – официальное открытие памятника высочайше утверждённой Комиссией, а вечером – обед в 6 часов по подписке. *II. 27 утром* – публичное заседание Общества Литературной Русской Словесности, а вечером – Художественно-драматической и музыкальной вечер. *III. 28 утром* – 2-ое публичное заседание Общества Литературной Русской Словесности, а в 6 часов – художественно-музыкально-драматический вечер. Это[т] 2-й вечер будет состоять из повторений первого. Кроме того, в одной из боковых зал будут выставлены портреты Пушкина, картины из его жизни, рукописи Пушкина и вещи, оставшиеся после него, которые удастся собрать»⁴.

В ответном письме от 6 мая 1880 г. Островский спрашивает: «Вы мне не ответили, когда и где я должен быть: на обеде, или в заседании. Ведь это разница»⁵. Получив это письмо, Юрьев спешит ответить: «Общество покорнейше просит сказать Ваше слово в одном из публичных заседаний общества 27 и 28 мая, в которых примут участие Тургенев, Достоевский и Писемский. Конечно, в этих заседаниях должны принять участие корифеи нашей литературы. На основании этого и обратилось к Вам общество...»⁶.

В письме А.Ф. Писемского к Островскому от 10 мая 1880 г. сообщается порядок проведения Пушкинских дней: «*26 мая* (в честь празднования открытия памятника Пушкину. – *И.Е.*) будет обед, на который вместе с другими литераторами тебя и меня пригласят как почетных гостей... *27* назначено утреннее заседание Общества Любителей Русской Словесности, того же *27* – вечернее заседание, а ... *28 числа*

¹ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Т. 12 (2). Письма / ред. тома И.Я. Айзеншток. М.-Л.: Наука, 1967. С. 237, 238.

² Там же. С. 246.

³ Неизданные письма к А.Н. Островскому / к печати подгот. М.Д. Прыгунов, Ю.А. Бахрушин, Н.Л. Бродский. М.; Л.: Academia, 1932. С. 643-644.

⁴ Там же. С. 644.

⁵ Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 11 / ред. В.Я. Лакшин. М.: Искусство, 1979. С. 702.

⁶ Неизданные письма к А.Н. Островскому / к печати подгот. М.Д. Прыгунов, Ю.А. Бахрушин, Н.Л. Бродский. М.; Л.: Academia, 1932. С. 645.

утреннее и вечернее заседание общества. Читать может каждый по выбору или за обедом, или в какое пожелает заседание...»⁷.

Однако планам этим в указанные дни осуществиться не придётся. 22 мая 1880 г. умирает императрица Мария Александровна, супруга Александра II-го, в связи с чем в стране объявляется траур. Открытие памятника Пушкину, намеченное на 25-26 мая, ко дню рождения поэта, было перенесено на 5-8 июня.

Как только траур окончился, состоялось публичное заседание Комитета по сооружению памятника Пушкину, в котором принял участие и Островский. Приехавший на это же заседание из Петербурга Ф.М. Достоевский именует Островского *здешиим Юпитером*. В едкости характеристики отразились сложные отношения между писателями, причиной которых были давние финансовые разногласия. Островскому срочно нужны были деньги. Достоевский пообещал заплатить сразу, как только получит пьесу для публикации в журнале «Время». Островский пишет пьесу «За чем пойдёшь, то и найдёшь. Женитьба Бальзаминова», отправляет её в Петербург к Достоевскому, а деньги получает только ... через год! Со времени этих событий Островский не публиковался во «Времени», не общался с Ф.М. Достоевским, чья слава гремела не только в России, но и в Европе. Но вернёмся к Пушкинскому празднику.

Наступает 6 июня.

В 10 часов утра Островский принимает участие в панихиде по Пушкину в Страстном Успенском соборе в Москве. Служит митрополит Макарий. После панихиды – торжественная обедня.

В 12 часов – открытие памятника Пушкину. Из воспоминаний современницы, участницы этого события: «Что за прелесть эти длинные седые бороды, длинные волосы, оживлённые лица, бодрые жесты. Они собрались все вместе налево у памятника: И.С. Аксаков, С.А. Юрьев, А.Н. Плещеев, А.А. Потехин, А.Н. Островский, Д.В. Григорович, П.И. Вейнберг, Н.Н. Страхов, С.В. Максимов и, наконец, И.С. Тургенев»⁸.

В 2 часа дня – торжественное заседание в актовом зале Императорского Московского университета, в котором принимает участие Островский.

В 5 часов вечера – обед, устроенный Московской городской Думой в залах Благородного собрания. Островский – один из почётных гостей на этом обеде.

В 9 часов – литературно-музыкальный и драматический вечер, данный Обществом Любителей Российской Словесности в зале Благородного собрания⁹. Как вспоминал А.Ф. Кони, «На устроенной в зале сцене стоял среди тропических растений большой бюст Пушкина, и на неё

⁷ Писемский А.Ф. Письма / подгот. текста и коммент. М.К. Клемана и А.П. Могиланского, ред. Н.Г. Свирина. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. С. 469.

⁸ Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2 / сост. и комм. К. Тюнькина, М. Тюнькиной. М.: Художественная литература, 1990. С. 451.

⁹ Там же. С. 452.

поочерёдно выходили представители громких литературных имен, и каждый читал что-либо из Пушкина или о Пушкине. Островский, Полонский, Плещеев, Чаев, попеременно с артистами и певцами, прошли пред горячо настроенной публикой»¹⁰. Островский прочитал отрывок из «Русалки» А.С. Пушкина. Как известно, под этим названием у Пушкина есть стихотворение 1819 г. Но помимо этого, Островскому была известна неоконченная драма, впервые опубликованная В.А. Жуковским в журнале «Современник» за 1837 г. Заглавие драме дано было Жуковским. Зададимся вопросом, какое из этих двух произведений избрал Островский для публичного чтения?

В стихотворении «Русалка» речь идёт о монахе, который соблазнился обнажённой красотой русалки. Вот финал этого стихотворения:

*На третий день отшельник страстный
Близ очарованных берегов
Сидел и девы ждал прекрасной,
А тень ложилась средь дубров...
Заря прогнала тьму ночную:
Монаха не нашли нигде,
И только бороду седую
Мальчишки видели в воде*¹¹.

Стихотворение «Русалка» было написано юным Пушкиным, но уже не лицеистом. Тем не менее, в нём явно прочитываются традиции его лицеистской лирики, намеренно и откровенно безбожной. Вряд ли Островскому, чьи родители, деды и прадеды были связаны с церковной жизнью, могли быть близки эти строки. Островский искренне верил в Бога: в доме теплились свечи перед иконными образами, ходил на службы, во время путешествий обязательно (а иной раз и специально) посещал храмы не только в России, но и за рубежом. При этом он был вполне светским человеком, не чуждым греха и страсти. Однако ему было хорошо известно глубокое почитание монашества в народе, а во второй половине XIX в. и в творческой среде. Как замечают современные исследователи, «опираясь на изречения Иоанна Лествичника о монахах, можно сказать, что монашество есть лучший цвет христианства, идеализм христианства»¹².

Все приведённые доводы позволяют предположить, что вряд ли Островский мог выбрать для публичного чтения богоборческое стихотворение юного Пушкина. Иное – незавершенная драма. С 1819 г. пройдет десять лет, и Пушкин вернется к теме «русалки», но уже в

¹⁰ Кони А.Ф. Воспоминания о писателях / сост., вступ. статья и прим. Г.М. Миронова, Л.Г. Миронова. М.: Правда, 1989. С. 90.

¹¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 1 / под ред. М.П. Еремина. М.: Правда, 1981. С. 217.

¹² Юрьева Т.В., Худякова Е.В. Русское старчество как культурный феномен // Ярославский педагогический вестник. 2001. № 2. С. 48.

драматической форме. Он начнет писать драму, но так её и не завершит. Конечно, драма Островскому была много ближе, чем стихотворение, хотя в молодости он тоже увлекался поэтическим творчеством. Кроме того, по уже устоявшемуся утверждению пушкинovedов, драма «Русалка» апеллирует к русской культуре, её специфике. Собственно, именно на принадлежности Пушкина к русской культуре, его вкладе в русскую культуру будет основана речь Островского.

Наконец, ещё один довод в пользу драмы. Двойственные чувства, которые Островский испытывал на празднике, великолепно отражены в финальном монологе Князя в драме «Русалка». Островский обладал необыкновенным даром чтения, то он мог произвести сильное впечатление на тех, кто его слушал. Можно не сомневаться, что в его чтении счастливо соединились талант поэта и талант драматурга-чтеца.

*Невольно к этим грустным берегам
 Меня влечёт неведомая сила.
 Всё здесь напоминает мне бывшее
 И вольной, красной юности моей
 Любимую, хоть горестную повесть.
 Здесь некогда любовь меня встречала,
 Свободная, кипящая любовь;
 Я счастлив был, безумец!.. и я мог
 Так ветрено от счастья отказаться.
 Печальные, печальные мечты
 Вчерашняя мне встреча оживила.
 Отец несчастный! как ужасен он!
 А вась опять его сегодня встречу,
 И согласится он оставить лес
 И к нам переселиться...
 (Русалочка выходит на берег.)
 Что я вижу?
 Откуда ты, прекрасное дитя?»¹³*

Но вернёмся к праздничным дням.

7 июня состоялось первое Публичное заседание Общества Любителей Русской Словесности под председательством С.А. Юрьева. Заседание открылось в час дня в зале Благородного собрания в Охотном ряду (ныне Колонный зал Дома Союзов). Островский принимал участие в этом заседании.

В шесть часов вечера там же был организован литературный обед. За столом рядом с И.С. Тургеневым сидел Островский, «высокий старик с маленькой бородкой, большим лбом и громадную плешью на коротко обстриженной голове и, смеясь, разговаривал со стоявшим почтительно

¹³ Пушкин А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 10 т. Т. 4 / под общ. ред. М.П. Еремина. М.: Правда, 1981. С. 159.

перед ним лицом типично актёрского вида (И.Ф. Горбуновым. – *И.Е.*)»¹⁴. «А.Н. Островский, почему-то на публичных заседаниях не выступавший, за обедом вместо своего тоста (“за литературную семью”) произнёс целую речь о влиянии Пушкина на русскую литературу»¹⁵. «Островский, зная хорошо свои недостатки как оратора (одышка), не выступил одновременно с Тургеневым и Достоевским в торжественном собрании, а сказал своё застольное слово на обеде»¹⁶.

В этом отдельном выступлении сказалось многое, в частности, то, что в отличие от Тургенева и Достоевского, чьими произведениями современники буквально зачитывались, чьё творчество было высоко оценено, публикация пьес Островского, их постановка на сцене сопровождались острыми критическими замечаниями. Конечно, находились критики на Тургенева и Достоевского, но их было немного в отличие от критиков Островского. Его защитником и почитателем без всяких «но» был только Ап. Григорьев, который уже давно, увы, покинул сей мир. Зато рядом был тот, чья речь о Пушкине сразу будет подхвачена всеми газетами, разобрана на цитаты. Это, конечно, знаменитая Пушкинская речь Достоевского. Островский не собирался с ним соперничать, отказался от публичной речи, заменив её более интимной, более приближённой к слушателям застольной речью.

Островский назвал своё застольное слово просто – «По случаю открытия памятника Пушкину». Вот её основные положения: через Пушкина «умнеет всё, что может поумнеть», «русская литература в одном человеке выросла на целое столетие», до Пушкина русская «литература была подражательная», а благодаря Пушкину русские писатели получили образец того, как быть «самим собой», «Пушкин раскрыл русскую душу». В финале Островский произнёс: «... я предлагаю тост за русскую литературу, которая пошла и идёт по пути, указанному Пушкиным. Выпьем весело за вечное искусство, за литературную семью Пушкина, за русских литераторов! Мы выпьем очень весело этот тост: нынче на нашей улице праздник»¹⁷.

Из свидетельств современников о речи Островского.

И.Ф. Василевский (Буква): «В ней (в речи. – *И.Е.*) сказалась душевная простота и художественная непосредственность натуры драматурга. Она была очень тепла, светла и красива. Островский говорил её фамильярным, разговорным тоном, певуче растягивая некоторые слова и окончания, несколько в нос, говорил, заметно сам увлекаясь и увлекая других. Речь его блистала удачными и новыми афоризмами. Их

¹⁴ Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2 / сост. и комм. К. Тюнькина, М. Тюнькиной. М.: Художественная литература, 1990. С. 409.

¹⁵ Там же. С. 423.

¹⁶ Синюхаев Г.Т. Болезнь и смерть Островского // Памяти А.Н. Островского: сборник / под ред. Е.П. Карпова и др. Пг.: Путь к знанию, 1923. С. 104.

¹⁷ Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 10. / ред. тома Е.Г. Холодов. М.: Искусство, 1978. С.110-114.

подчёркивали рукоплесканиями. ... Особенно милым был конец речи Островского. ... После оглушительных аплодисментов все поднялись с мест и потянулись с бокалами к оратору. Островский сполна выразил настроение писателей и дал ему самый подходящий тон. В его лице человек, которого все любят, сказал то, что в данную минуту все думали»¹⁸.

«На обеде, данном городом депутатам от разных учреждений и обществ, мне (привезшему адрес от петербургского Юридического Общества), пришлось услышать в его (Островского. – *И.Е.*) речи горячо сказанное от лица литературы крылатое слово: “сегодня на нашей улице праздник”. Он находился в группе выдающихся писателей, вышедшей на третий день празднества на эстраду дворянского собрания с лавровым венком для увенчания бюста Пушкина, причём его друг, Писемский, при общем одобрении, снял на время этот венок с бюста и возложил на Тургенева»¹⁹.

Тургенев заметил: «А.Н. Островский посрамил мои опасения и более, нежели оправдал мои надежды»²⁰.

8 июня Островский принимает участие во втором заседании Общества Любителей Русской Словесности под председательством Н.А. Чаева. Из письма А.Ф. Писемского к Ф.Н. Бергу: «... последние дни мы поглощены празднованием открытия памятника Пушкину и целые дни говорим речи, читаем его произведения, обедаем и пьём и как отлично выразился Островский, радуемся потому так, что это на нашей улице праздник»²¹.

9 июня Островский принимает участие в «интимном» завтраке в ресторане Н.Я. Тестова вместе с Ф.М. Достоевским, С.В. Максимовым, Н.В. Бергом, И.Ф. Горбуновым, Д.В. Григоровичем, А.С. Сувориным с женой²².

Собственно, на этом завершились Пушкинские дни в Москве. К сожалению, в сохранившихся письмах Островского об этих днях остались лишь разного рода (и то немного) просьбы и уточнения. Островский – один из самых закрытых русских писателей, и если бы не свидетельства современников, никогда бы нам не узнать, где и как он участвовал в открытии памятника Пушкину в Москве.

¹⁸ Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях / вступ. статья, подгот. текста, прим. С.В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 269.

¹⁹ Островский. 1823. 31 марта-13 апреля. 1923. К столетию со дня рождения. Юбилейный сборник / под ред. А.А. Бахрушина, Н.Л.Бродского и Н.А. Попова. М.: Русское театральное общество, 1923. С. 23.

²⁰ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: 30 т. Т. 4 / под ред. М.П. Алексеева. М.: Наука, 1980. С. 665.

²¹ Писемский А.Ф. Письма / подгот. текста и коммент. М.К. Клемана и А.П. Могилянского, ред. Н.Г. Свириной. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. С. 480.

²² Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. / сост. и комм. К. Тюнькина, М. Тюнькиной. М.: Художественная литература, 1990. С. 428

НИКОЛАЙ МУРЕНИН родился в с. Макарово Саратовской области, жил в Ессентуках, Саратове, Красном-на-Волге, Москве, с 1981 года – в Костроме. Был редактором ряда периодических изданий (сейчас – главный редактор историко-краеведческого журнала «Губернский дом»), ведущим телепрограммы «Жизнь замечательной Костромы». Стихи печатались в журналах «Юность», «Волга», «Дон», «Русская провинция», «Русский путь», альманахах и коллективных сборниках, выходящих в Москве, Саратове, Ярославле, Костроме. Автор двух сборников стихов и двух сборников рассказов, восьми книг по истории Костромского края. Лауреат премий в области культуры и краеведения – имени И.А. Дедкова, Д.С. Лихачёва, А.А. Григорова. Лауреат Областной премии «Признание» (2023 г.). Награждён медалями Союза исторических городов и регионов «За вклад в наследие народов России» и Костромской области «Труд. Доблесть. Честь». Член СПР.

«ИМЯ ТВОЁ СДЕЛАЛОСЬ НАРОДНОЮ СОБСТВЕННОСТЬЮ»

Так написал в письме Александру Сергеевичу Пушкину его замечательный современник, поэт, критик, историк литературы Пётр Андреевич Вяземский, который видел Пушкина ещё ребёнком в доме его родителей. Дружба между ними началась с 1816 года, когда Вяземский вместе с Карамзиным и дядюшкой поэта Василием Львовичем посетили Пушкина в Лицее. Они долго не виделись во время южной ссылки Пушкина и затем ссылки в Михайловском, откуда Пушкин был вызван в Москву Николаем I. В Москве происходила коронация нового царя.

Князь Вяземский возвратился в Москву к последним праздникам коронации. Узнав об этом, Пушкин бросился к нему, но дома не застал, и когда ему сказали, что князь уехал в баню, Пушкин явился туда, так это первое после многолетнего житья в разных местах свидание было в номере бани.

Их дружба длилась до конца жизни Пушкина. Все последние дни перед смертью поэта Вяземский находился при нём.

Пётр Андреевич был старше Александра Сергеевича на 7 лет, к тому же принадлежал к старинному княжескому роду (из Рюриковичей), Пушкин же являлся потомком арапа Ганнибала, небогатым дворянином, имел должность камер-юнкера. Однако разница в возрасте и общественном положении не мешала их дружеским отношениям, в основе которых была любовь к русской словесности.

Вяземский одним из первых заметил и оценил поэтический гений Пушкина. Уже «Воспоминания о Царском Селе» поразили его. Он спрашивал Константина Батюшкова: «Что скажешь о сыне Сергея Львовича? Чудо и всё тут. Его «Воспоминания» вскружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражении, какая твёрдая и мастерская кисть в картинах. Дай Бог ему здоровья и учения, и в нём прок и горе нам. Задавит, каналья!» Статьи Вяземского о южных поэмах Пушкина – «Кавказском пленнике», «Бахчисарайском фонтане», «Цыганах» – были, кажется, единственным критическим суждением, доставившим молодому автору радость признания. «Всё дышит свежестью, всё кипит живостью необыкновенною», – так оценивал «Пленника» князь. Пушкин откликнулся немедленно: «Благодарю тебя, милый Вяземский! Пусть утешит тебя Бог за то, что ты меня утешил. Ты не можешь представить себе, как приятно читать о себе суждения умного человека».

Более 20 лет продолжались творческие связи Вяземского и Пушкина. Были общие взгляды, горячие споры, политические расхождения, литературные несогласия, но никогда не было равнодушия и длительного взаимного охлаждения. Пушкин ценил Вяземского как чрезвычайно остроумного человека. «Один из самых оригинальных писателей наших», – вот одна из его оценок творчества Вяземского. А вот что писал он в стихотворении «Вяземскому»:

*«Язвительный поэт,
остряк замысловатый,
И блеском колких слов,
и шутками богатый,
Счастливый Вяземский,
завидую тебе».*

Любил Пушкин и некоторые лирические стихи Вяземского, знал их наизусть. Строку «И жить торопится, и чувствовать спешит» поставил эпиграфом к первой главе «Евгения Онегина», а заодно ввёл близкую ему фамилию в текст поэмы:

*«У скучной тётки Таню встречу,
К ней как-то Вяземский подсел...»*

О творчестве Вяземского Пушкин был высокого мнения, особенно ценил его журнальную прозу, одобрял и поддерживал все его начинания, посвятил ему несколько стихотворений и третье издание поэмы «Бахчисарайский фонтан».

Пушкин часто цитирует стихи Вяземского в своих произведениях (В «Евгении Онегине», «Медном всаднике» и т.д.) Эпиграфы к «Станционному смотрителю» и к I главе «Евгения Онегина» взяты из произведений Вяземского. Пушкин ввёл самого Петра Андреевича в VII главу «Евгения Онегина».

Что касается Вяземского, то Пушкин был для него главным судьёй в литературе. «Оскорбление русскому языку принимал он за оскорбление, лично ему нанесённое. В некотором отношении он был прав, как один из высших, если не высший представитель этого языка... Когда чуял он налёт вдохновения, когда принимался за работу, он успокаивался, мужал, перерождался... Труд для него был святыня, купель...» С уходом Пушкина Вяземский до конца понял его величие не только литературное, но и человеческое. «Пушкин не был понят при жизни не только равнодушными к нему людьми, но и его друзьями. Признаюсь и прошу в том прощения у его памяти...» Горько рыдал Вяземский на ступенях Конюшенной церкви, где отпевали Пушкина.

Горечь потери, чувство вины подвигли Вяземского на активную работу по увековечиванию памяти великого поэта. Он и при жизни во многом помогал Пушкину в организационных делах, начиная с издания первых поэм и заканчивая «Современником», теперь же помогал после смерти. Мало кто написал о смерти Пушкина столько писем, собрал столько материалов о его последних днях, записал столько воспоминаний его друзей и знакомых. «Чем более вникаешь в изучение Пушкина, тем более убеждаешься в ясности и трезвости взгляда и слова его», – писал Вяземский в 1847 году. А в 1874 году он опубликовал в журнале «Русский архив» 49 писем к нему.

Старый князь не дожил двух лет до открытия в 1880 году в Москве памятника Пушкину, но сын его, Павел Петрович, выпустил к этому дню брошюру с фотолитографическим воспроизведением писем Пушкина к отцу.

Среди адресатов Пушкина по количеству писем Вяземский находится на втором месте после жены Натальи Николаевны. 74 пушкинских послания и 44 дошедших до нас письма к Пушкину Вяземского, его статьи и воспоминания о великом поэте, а также уникальные «Записные книжки» представляют целую энциклопедию пушкинской эпохи. Вот лишь некоторые места из пушкинско-вяземского эпистолярного наследия.

П. А. Вяземский – А. С. Пушкину. 6 ноября 1824 г.

«Петербургская литература так огадилась, так нашельмовалась, что стыдно иметь с нею дело. Журналисты друг на друга доносят, хлопочут только о грошах и то ищут их в грязи и в заходах. И тебе не худо хлопотать о грошах или денежках на чёрный день; но это дело другое! Собери все свои элегии и пришли мне их; можно их отдельно напечатать. Потом три поэмы. Там отрывки из Онегина; а уж под конец полное собрание. Вот тебе и славная оброчная деревня! А меня наряди своим бурмистром!.. В Москве готовится новый журнал: Полевой и Раич главные издатели. Они люди честные и благонамеренные. Дай им что-нибудь на зубок. Они подносят тебе билет на свой журнал, который буду пересылать.

Жена писала тебе из Одессы на имя псковского губернатора... Присылай стихов, все стихи! Ради Бога, стихов! Брату мой поклон».

А. С. Пушкин – П. А. Вяземскому. Конец марта – начало апреля 1825 г.

«Надеюсь, что ты выздоровел – с нетерпением ожидаю о том официального известия. Брат перешлёт тебе мои стихи, я переписываю для тебя Онегина – желаю, чтобы он помог тебе улыбнуться... А между тем будь мне благодарен – отроду ни для кого ничего не переписывал, даже для Голицыной – из сего следует, что я в тебя влюблён, как кюхельбекерский Державин в Суворова....»

П. А. Вяземский – А. С. Пушкину. 7 июня 1825 г.

«Я получил вторую часть Онегина и ещё кое-какие безделки. Онегиным я очень доволен, т.е. многим в нём, но в этой главе менее блеска, чем в первой, и потому не желал бы видеть её напечатанною особняком, а рядом с двумя, тремя или, по крайней мере, ещё одной главою. В целом или в связи со следующим она сохранит в целости своё достоинство, но боюсь, чтобы она не выдержала сравнения с первою, в глазах света, который не только равного, но лучшего требует. Говорят, что Цыгане твои прелесть, а я всё их не вижу, я, который имею столько прав и на стихи твои и на Цыган, потому что без ума от тех и от других. Я упивался твоими стихами и часто бывал пьян у цыган. Что скажет об этом признании потомство, если письмо попадёт ему в руки, и если оно будет такой же чопорный бригадир, как и настоящее?»

П. А. Вяземский - А. С. Пушкину. 6 сентября 1825 г.

«Лучшие люди в России за тебя; многие из них даже деятельны за тебя; имя твоё сделалось народною собственностью. Чего тебе недостаёт? Я знаю чего, но покорись же силе обстоятельств и времени. Ты ли один терпишь, и на тебе ли одном обрушилось бремя невзгод, сопряжённых с настоящим положением не только нашим, но и вообще европейским. Если припёрло тебя потеснее другого, то вини свой пьедестал, который выше другого. Будем беспристрастны: не сам ли ты частью виноват в своём положении? Ты сажал цветы, не сообразясь с климатом. Мороз сделал своё, вот и всё! Я не говорю, что тебе хорошо, но говорю, что могло бы быть хуже, и что будет хуже, если не станешь помогать о лучшем и будешь перечить друзьям своим».

А. С. Пушкин – П. А. Вяземскому. Ноябрь 1825 г.

«Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедиею, в ней же первая персона Борис Годунов! Трагедия моя кончена; я перечёл её вслух, один, и бил в ладони и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын».

В сентябре 1828 года Пушкин получил письмо от Вяземского: «Я по всем губерниям сводничаю для тебя и горячу воображение и благородные

места молодых дворянок. Вот послание от одной костромитянки. Эта Готовцева точно милая девица и телом и душой. Сделай милость, батюшка Александр Сергеевич, потрудись соорудить мадригалец в ответ, не посрами своего сводника». Речь шла об оде костромской поэтессы Анны Ивановны Готовцевой, посвящённой Пушкину («О, Пушкин! Слава наших дней»). Поэт соорудил, благодаря чему поэтесса из Костромы вошла в русскую литературу.

В статье «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина» Вяземский писал: «Его не стало в самой поре зрелости и силы жизни его и дарования. Сложения он был крепкого и живучего. По всем вероятностям, он мог бы прожить ещё столько же, если не более, сколько прожил. Дарование его было также сложения живучего и плодovitого. Неблагоприятные обстоятельства, раздражавшие его по временам, могли бы улечься и улеглись бы, без сомнения. Очистилось бы и небо его... Пушкин мог бы ещё долго предаваться любимым занятиям своим и содействовать славе отечественной литературы и, следовательно, самого Отечества».

Проживи Александр Сергеевич вдвое дольше, он, возможно, смог бы посетить костромскую вотчину Вяземского, село Красное-на-Волге, а заодно встретиться со своим костромским дядюшкой Александром Юрьевичем Пушкиным, в честь которого и был поименован, побывал бы в усадьбах костромских Пушкиных – Давыдове и Новинках. Увы, этого не случилось, но, отмечая в этом году 225-летие великого поэта, мы не должны забывать, что он имел отношение и к Костромскому краю. И лучше всего об этом рассказывает книга нашего историка и краеведа Виктора Бочкова «Костромские спутники Пушкина», одним из героев которой является и Пётр Андреевич Вяземский. Книга вышла в свет в Костроме в 2002 году как приложение к журналу «Губернский дом».

2 февраля 1837 года литератор и масон Александр Тургенев записал в дневнике: «Заколотили Пушкина в ящик. Вяземский положил с ним свою перчатку». Это был важный масонский знак, последнее прощание «брата с братом». Вяземский состоял в ордене вольных каменщиков (вступил в Варшаве в 1819 году, но впоследствии отрестился). Пушкин же не состоял, в молодости пытался вступить, но принят не был. Однако, к истории русского масонства вообще и к Вяземскому, как масону, в частности относился с большим интересом. Но это уже другая тема в отношениях Вяземского и Пушкина.

***

6 июня 1999 года, в день 200-летия Александра Сергеевича Пушкина, в усадьбе костромских Пушкиных Давыдове, что в Костромском районе, по задумке её нынешних владельцев Александра Михайловича и Антонины Павловны Бурлуцких состоялся Пушкинский праздник поэзии. Приехали писатели, журналисты, актёры, музыканты. С того времени праздник стал ежегодным, проходит и в Давыдове, и в

соседнем селе Василёво, где открыт музей костромских Пушкиных. За 25 лет Давыдково и Василёво кроме костромичей, посетили гости из многих других городов и весей, в том числе и Пётр Сергеевич Пушкин, праправнук дяди Александра Сергеевича, а также руководители государственных музеев Пушкина в Москве и С.-Петербурге.

12 июля 2008 года, в День Петра и Павла, в посёлке Красное-на-Волге, вотчине Петра Андреевича Вяземского, по инициативе главы Красносельского района Сергея Михайловича Ложникова прошли первые Дни Вяземского, ставшие затем традиционными и включавшие в себя краеведческие чтения и культурную программу. На сцене в Липовом саду (где когда-то была княжеская усадьба) звучали стихи, песни, местным литераторам вручались ежегодные премии имени Вяземского. На праздники в Красное-на-Волге также приезжало много гостей, были и руководители государственного музея Вяземского.

Костромичи бережно сохраняют память о Пушкине и Вяземском. Эти имена находились бы рядом на самом видном месте в экспозициях, если бы был возвращён к жизни неоправданно закрытый в своё время Литературный музей в Костроме. Хороший бы вышел подарок Александру Сергеевичу к юбилею.

II. КОСТРОМСКИЕ ПУШКИНЫ

ГАЛИНА КОРОТКОВА окончила Костромской педагогический институт имени Н.А.Некрасова, с 1975 года преподавала русский язык и литературу в средней школе. Прозаик, краевед, в творческом арсенале – 24 книги по краеведению. В 2019 году награждена почётным знаком «За вклад в краеведение». Член художественного совета ЛИТО «Волна» (г.Волгореченск).

ОЛЬГА ГУЩИНА в 1996 году окончила Костромское училище культуры («библиотечное дело»), педагог-библиотекарь высшей категории – зав. библиотекой МБОУ СОШ № 2 г. Волгореченска, ведёт учебный курс «Истоки». Литературное увлечение – краеведение. Написала значительное количество работ – авторских и в содружестве с Коротковой Г.А.

КОСТРОМСКИЕ ТРОПЫ К ПУШКИНУ

«Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой...»

А.С. Пушкин «Памятник»

ПРОЛОГ

Александр Сергеевич Пушкин, как писал некогда Н.В.Гоголь, – *«явление чрезвычайное и, быть может, единственное явление русского духа»*. Как точно сказано! Да, гений Пушкина непостижим...

225 лет прошло со дня рождения великого Поэта. Но, наверное, потребуется ещё несколько сот лет, чтобы осознать всё, что оставил нам в наследство этот замечательный Человек, Творец, Философ, Историк. Он и сегодня, в XXI веке, современен, ибо он, как писал ещё А.Н. Плещеев: *«В продажный век, век лжи и грубой силы, // Зовёт добру и истине служить»*.

А.С.Пушкин, несомненно, принадлежит всему миру, но прежде всего – России. Во многих городах поэт никогда не был, но связи его со всей страной так значительны и обширны, что «тропинки» к нему проложены из самых различных уголков русской земли. И наш Костромской край – не исключение.

Что же это за «тропинки»? Вероятно, их три. Во-первых, тропа через родственные связи (а их немало).

Во-вторых, Пушкин связан с нашим краем через друзей и близких знакомых, которые родились, имели усадьбы и жили на Костромской земле. Надо сказать, что А.С.Пушкин вообще был человеком очень общительным, быстро сходился с людьми. Дружеские отношения, как что-то важное и дорогое, бережно сохранялись поэтом в течение всей его жизни. С кем-то Пушкин сотрудничал в журнале, с кем-то его связывали длительные творческие отношения.

В-третьих, «тропинка» идёт через художественные связи: не обошёл наш край поэт в своих произведениях. Одним он адресовал стихи и послания, другим посвящал их. Кто-то узнавал себя в произведениях поэта, кто-то давал ему новый сюжет. Это и стихотворения, посвящённые друзьям, и поэмы, повести, романы, прообразами героев которых стали наши земляки.

Итак, начнём путешествие по этим неведомым пушкинским тропам, подробнее познакомимся с теми, кто был близок или знаком с великим поэтом и кто был тесно связан с Костромским краем. О всех, кто так или иначе соприкасался с великим А.С.Пушкиным, рассказать невозможно, но о некоторых из них постараемся поведать. Эти сведения мы сегодня знаем, благодаря воспоминаниям Юрия Николаевича Нелидова, потомка «костромских» Пушкиных, и изысканиям многих пушкиноведов, в том числе и наших краеведов: А.Григорова, В.Пашина, Е.Сапрыгиной, В.Бочкова, Б.Негорухина, В.Шпанченко.

*«И не найти в России города такого иль деревни,
Где б с именем поэта обрывалась связь».*
В. Матвеев

ПРЕДКИ «МАДОННЫ»

Наталья Николаевна Гончарова тоже имеет непосредственное отношение к Костромскому краю. Долгое время предками её считали Ивана Дементьева и его сына Абрама, калужских посадских людей, живших в конце XVII века и значащихся «горшечниками» (даже держали свою гончарную лавку). По роду их занятия, мол, и получили они впоследствии свою фамилию Гончаровы. Но, как показывают последние исследования, основатель фамилии – **Афанасий Абрамович** (1693-1788), прапрадед Натальи Николаевны, «мадонны» А.С.Пушкина. Как пишут сегодня, Афанасий был не сыном Абрама, а его пасынком и внебрачным сыном... Петра I. Пасынком он назван и в документе по разделу имущества в 1723 году. Не случайно на Полотняном заводе найдено письмо: *«Дорогой сын! Я слышал, ты*

разбогател и можешь вовсю заниматься парусным делом. Благословляю тебя. Пётр» (запись сверял проф. В.В.Соловьев).

К этому времени недалеко от Калуги на реке Суходрев Афанасий Абрамович имел полотняный завод и бумажную фабрику. Пётр I, создававший в это время флот, покровительствовал Гончарову, вёл с ним переписку. Он в 1717 году послал из Амстердама (Голландия) «парусного мастера», обязуясь самолично платить ему за работу. Парусные полотна Афанасия Абрамовича имели большой спрос не только в России. Особенно наживался Гончаров на войнах. Как он сам вспоминал, на него трижды шёл золотой дождь. Особенно он разбогател во время войны Франции и Англии за Канаду в 1756–1763 гг. Воспользовался он и спросом на бумагу, которая считалась лучшей в России.

Наряду с фабриками и заводами Гончаров имел 75 вотчин во многих губерниях России, в том числе и в Костромской. Он владел частью знаменитых римских лесов (другая часть принадлежала грузинскому царевичу Георгию Вахтангову). Они раскинулись по берегам реки Чёрный Лух (ныне в Макарьевском районе) и верховьям Керженца (ныне Нижегородская область). Звались так по имени деревень Большие и Малые Рымы. Леса были огромные и в старых грамотах величались «*лешими, дикими, чёрными*». При Петре I они были объявлены заповедными. Местному населению запрещалось рубить лес под угрозой «*смертной казнью, безо всякой пощады*». Здесь по указанию адмиралтейства заготавливали из сосен-великанов корабельные мачты, которые доставляли в Юрьевец, где строили суда для Персидского похода.

После смерти Петра I ему покровительствовала Елизавета. Афанасий Абрамович в 1744 г. «за *размножение полотняных заводов пожалован в коллежские асессоры*», что давало право на потомственное дворянство. Состояние Гончарова оценивалось в 3,5 миллиона рублей (баснословная сумма по тем временам!). Не надеясь, что потомки сохранят нажитое богатство, Гончаров всё своё состояние в 1778 г. превратил в майорат, который наследовал его старший сын **Николай Афанасьевич**. Он бережно сохранил и преумножил переданное наследство.

В 1789 г. Екатерина II подтвердила право внука Афанасия Абрамовича на потомственное дворянство. **Афанасий Николаевич Гончаров** (1760–1832) наследовал майорат деда, но не пошло богатство наследнику впрок. Он прокутил его и после смерти остался должен 1,5 миллиона долгу. В доме было около 300 слуг дворовых. Пиршества следовали один за другим.

Жена Надежда Платоновна Мусина-Пушкина (1765–1835) из древнего рода Пушкиных, о чём говорил и А.С.Пушкин. Из-за разгульной жизни Афанасия Николаевича супруги в 1808 г разъехались (муж выделял жене на содержание 200 тысяч рублей в год). В начале войны 1812 г. глава

семейства привёз любовницу – madam Babette, что не способствовало воссоединению семьи.

Николай Афанасьевич Гончаров (1787–1861) – единственный сын Афанасия Николаевича и Надежды Платоновны – любил музыку и играл на скрипке. В 1804 г. он был зачислен в Коллегию иностранных дел в Петербурге. Прекрасно образованный и одарённый, он был вхож во все великосветские гостиные, где и познакомился с Натальей Ивановной Загряжской (1785–1848), фрейлиной Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I. Она – правнучка Прасковьи Фёдоровны Пушкиной (по мужу Дорошенко), дочери Фёдора Матвеевича Пушкина. Свадьба состоялась в 1807 г., на ней

присутствовала вся царская фамилия (!). В 1808 г., получив чин коллежского асессора, Николай Афанасьевич перевёлся в Москву и поступил на должность секретаря к московскому губернатору. В 1815 г. Афанасий Николаевич отстранил сына от управления делами на Полотняном заводе, а Николай Афанасьевич, оказавшись не у дел, и видя, как гибнет всё, что ему удалось с большим трудом наладить, запил... Однажды он расшибся (упал с лошади) и повредился в уме. Умер в полном одиночестве на руках у старого слуги... В семье родилось 7 детей: Дмитрий (р.1808, получил майорат отца), Екатерина (1809), Иван (1810, унаследовал Яропольскую вотчину), Александра (1811), Наталья (1812), Сергей (1815), Софья (1815, умерла во младенчестве)

Его дочь **Наталья Николаевна Гончарова**

(1812–1863) оказалась бесприданницей. Её мать Наталья Ивановна не хотела выдавать дочь без приданого, однако денег у разорённых Гончаровых не было. В письме к будущей теще Пушкин писал, что он женится только на ней или не женится никогда. Поэт заложил имение Кистенёво и часть денег (11 тысяч) передал в долг Гончаровой-старшей.

Наталья Ивановна в качестве подарка к свадьбе дала закладную на свои бриллианты, дед невесты – медную статую Екатерины II, выполненную по заказу А.А. Гончарова в Германии. От суммы, полученной в залог Кистенёва, Пушкин оставил 17 тысяч «на обзаведение и житие годичное».

18 февраля 1831 г. в церкви Вознесения у Никитских ворот состоялось венчание с Александром Сергеевичем Пушкиным (1799–1837). *«И вот она теперь принуждена, совсем этого не желая, появиться при дворе»,* – пишет Надежда Осиповна, мать поэта, своей дочери Ольге. В другом письме сообщает, что двор в восторге от Натальи Николаевны, императрица назначила ей день, когда она должна к ней явиться: *«Это Наташе очень неприятно, но она должна будет подчиниться».*

О жизни Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Пушкиных, их детях, внуках, правнуках написано немало. Не будем это «ворошить». Скажем лишь, что после гибели поэта Натали 7 лет вдовствовала (немалый срок, тем более, когда на руках четверо малых детей). 16 июля 1844 г. в Стрельне состоялась её скромная вторая свадьба. Её муж Пётр Петрович Ланской (1799-1877), генерал от кавалерии, двоюродный брат Сергея Степановича Ланского, бывшего некогда костромским губернатором. На этот брак, кажется, сам Пушкин, будто предчувствуя близкую кончину, благословил её:

*Ужель лишь мне не ведать ясных дней?
Нет! и в слезах сокрыто наслажденье,
И жизни сей мне будет утешенье:
Мой скромный дар и счастье друзей...*

ПОЛУ - МИЛОРД

Родственные связи имел А.С.Пушкин с **Воронцовыми**. Крёстный отец поэта – Артемий Иванович Воронцов, о чём есть запись в метрической книге церкви Богоявления в Елохове. Граф Воронцов – внук знаменитого Артемия Петровича Волынского, казнённого в 1740 году по проискам Бирона. Его мать – Мария Артемьевна Волынская (1725–1792), отец – Иван Илларионович Воронцов (1719–1786). Артемий Иванович родился в 1748 году и назван был в честь своего деда. В 1773 году он женился на Прасковье Фёдоровне Квашниной-Самариной (1750–1797), войдя через неё в круг Пушкиных. Родство это очень тесное: его жена – двоюродная сестра Марии Алексеевны Ганнибал, урождённой Пушкиной, бабушки поэта (мать Марии – Сарра Юрьевна Пушкина и мать Прасковьи – Анна Юрьевна Квашнина-Самарина – родные сестры, дочери Юрия Алексеевича Ржевского, управителя Нижегородского края). Участие А.И.Воронцова в крещении маленького Александра – подтверждение тесных контактов, которые существовали между родственными семьями. Крёстных родителей в ту пору выбирали очень обдуманно, так как в случае внезапного сиротства ребенка его крёстные должны заменить ему родных мать и отца.

Карьера крёстного была успешной. Начав службу в 1773 году в качестве камер-юнкера, к концу века он получил чин действительного статского советника, стал сенатором. Не так успешно шла жизнь барина. Московский хлебосол, получив богатое наследство своих родителей и бездетного дяди Михаила Илларионовича Воронцова, к концу жизни умудрился почти разориться, осуществляя всевозможные фантазии в своих имениях. К 1810 году от огромного наследия осталось лишь великолепное Белкино Калужской губернии, которое было передано в 1793 году дочери Анне Артемьевне (1777–1854) в качестве приданого, когда она выходила замуж за своего троюродного брата Дмитрия Петровича Бутурлина (1763–

1829), директора Эрмитажа, библиофила, сенатора (Дмитрий рано осиротел и был воспитан братьями матери – посланником в Англии Семёном Романовичем и президентом Коммерц-коллегии Александром Романовичем Воронцовыми). В это село летом 1813 года приехал погостить Артемий Иванович, простудился и умер.

Род Воронцовых имел непосредственное отношение к Костромской земле. В 30-е годы XVIII столетия воеводой в Костроме был майор **Илларион (Ларион) Гаврилович Воронцов** (1674–1750), стольник и воевода в Ростове Великом, сенатор с 1742 г. За заслуги сына Михаила (он способствовал восшествию на престол императрицы Елизаветы Петровны, и был возведён императором Карлом VII в 1744 в графское достоинство Римской империи), возведён при коронации в дворянскую Бархатную книгу

Его сын **Роман Илларионович** (1717–1783) – действительный камергер (1746), генерал-аншеф, (1761), сенатор (1760); костромской, владимирский, пензенский и тамбовский генерал-губернатор (1778–1783); один из первых деятелей русского масонства, владелец костромских усадеб Андреевское и Опалихинская в 1797 г. внесён в число графских родов Российской империи. Воронцовы имели огромное костромское состояние.

Вотчина перешла **Семёну Романовичу** (1744–1832), сподвижнику А.В.Суворова, русскому дипломату, в 1784–1806 гг. послу России в Венеции и Англии. Он – один из наиболее последовательных русских англоманов, на протяжении полувека живший в Лондоне, автор обширной переписки с видными деятелями своего времени.

Затем костромские земли унаследовал **Михаил Семёнович Воронцов** (1782–1856), дальний родственник Анны Артемьевны Воронцовой-Бутурлиной, троюродной сестры Надежды Осиповны, матери поэта.

Он – Светлейший князь, государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1856), генерал-адъютант (1815), камергер (1798), герой войны 1812 года. В 1815–1818 годах – командир русского оккупационного корпуса во Франции. В 1823–1854 годах – новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (в этой должности много способствовал хозяйственному развитию края, строительству Одессы и других городов). Заказчик и первый хозяин Алупкинского дворца. Полноправный наместник на Кавказе (этот период его жизни описан Л.Н.Толстым в повести «Хаджи-Мурат»). В 1845 г. участвовал в боях против Шамиля, за что и получил титул светлейшего князя.

Он владел всей Опалихинской вотчиной, включающей в себя 25 деревень: Опалиха, Ребровка, Бочкино, Дубки, Щапово, Палкино, Ременниково, Пепелино (Фефелино), Козелино, Корково, Дьяконово и др. – и селом Минским с деревнями...

В июле 1823 года в Одессу прибыл А.С.Пушкин. Возможно, он надеялся на родственные связи с графом (М.С.Воронцов – двоюродный племянник А.И.Воронцова, крёстного отца поэта). Но произошло непредвиденное: генерал-губернатор приревновал к поэту Елизавету Ксавьеревну, жену-красавицу. Пушкин написал на Воронцова несколько эпиграмм: «Сказали раз царю», «Певец Давид был ростом мал» и др. Для Пушкина этот «полу-милорд», «полу-подлец» *«не хранил в своём запасе глубоких замыслов и дум; имел он не блестящий ум, душой не слишком был отважен»*. (Поэт оставил не только словесный, но «карандашный» портрет Воронцова). Однако советский писатель Всеволод Никанорович Иванов в своём исследовании «Александр Пушкин и его время» (М., 1977) отмечает: *«Граф Воронцов, воспитанный в Англии, в 20-летнем возрасте уже воевал на Кавказе, в Швеции, в Турции. Тяжело раненный при Бородине, Воронцов лечился в своём богатом имении, и вместе с ним за его счёт 50 раненых офицеров и 300 солдат его корпуса. После выздоровления Воронцов дерётся в «битве народов» под Лейпцигом, после победы над Наполеоном три года командует Оккупационным корпусом во Франции. Покидая Францию с уходящими русскими войсками, Воронцов рассчитался с французами за долги всех своих офицеров, что обошлось ему в полтора миллиона рублей... В политических воззрениях своих Воронцов был решительным противником крепостного права...»*. Вот так «полу-подлец»!.. В Одессе и Тифлисе М.С.Воронцову поставлены памятники...

Впрочем, полу-подлецом, как пишет Наталья Константиновна Телетова в книге «Забытые родственные связи А.С.Пушкина», поэт называет его, скорее всего, по другой причине. Бабушка графа – Марфа Ивановна Сурмина, дочь богатейшего волжского купца, юной выдана была замуж за Ю.Ю.Долгорукова (по другим источникам она – дочь конюшего патриаршего приказа). Она отказалась от мужа, попавшего в немилость при Анне Иоанновне. Несчастный в Сибири узнал, что предан женой: в 1736 г. она венчалась (при живом муже!) с графом Романом Илларионовичем Воронцовым, дядей крёстного А.С.Пушкина. Поведение внука купеческой дочери, по мысли поэта, выявило в нём тот же подлый практицизм бабки – отречься от ссыльного, чтобы не бросать тень на собственную карьеру...

Последним владельцем огромного костромского имения был сын Михаила Семёновича Воронцова – **Семён Михайлович** (1823–1882), генерал от инфантерии, участник Кавказских походов... В 1918 г. многочисленные усадьбы Воронцовых были национализированы. В больших господских домах открыли школы.

ВОИНЫЧ

Одним из друзей А.С.Пушкина, связанных с Костромской землёй, был и **Павел Воинович Нащокин** (1801–1854). Родом он из села Шишкино под Костромой.

Село это связано с именем видного прогрессивного деятеля XVII века Афанасия Ордын-Нащокина. В 1667 г. за успешное заключение Андрусовского мира с Польшей, по которому Украина воссоединилась с Россией, дипломату А.Ордын-Нащокину был пожалован царём Алексеем Михайловичем титул думного боярина и село Шишкино Костромского уезда, которое и переходило по наследству из рода в род Нащокиных.

Воспитывался П.В.Нащокин в Петербургском университетском Благородном пансионе вместе с братом Пушкина, Львом. После короткой военной службы в Измайловском полку вышел в отставку поручиком и поселился в Москве. А.С.Пушкин был знаком с ним ещё в Петербурге, но близко сошёлся только после возвращения из ссылки, в 1826 г. Приезжая в Москву, он подолгу жил у Нащокина, а, расставшись, был с ним в постоянной переписке, питал к нему исключительную привязанность, подробно посвящая его в свои творческие планы и личные переживания. П.В.Нащокин был на свадьбе у А.С.Пушкина, приезжал специально в Петербург крестить сына Пушкиных Сашу. Даже своих детей он назвал именем близких ему людей Александром и Натальей. А в собрании сочинений Пушкина имеется портрет Нащокина, нарисованный поэтом.

Отец П.В.Нащокина, Воин-Дормидонт Васильевич Нащокин, известный генерал времён Екатерины II, оставил после себя «Исторические записки» о жизни двора, нравах и быте дворянства, о походах и войнах». Эти записки от руки под диктовку Павла Воиновича переписывал в 1830 г. А.С.Пушкин (рукопись хранится в Костромском областном архиве). Об этих записках упоминается в примечаниях к 3-ей главе «Истории Пугачева»: *«Нащокин (Воин Васильевич) был одним из самых странных людей своего времени. Сын его написал его записки: отроду не читывал я ничего забавнее».*

П.В.Нащокин знал немало историй. Это он в 1832 г. рассказал А.С.Пушкину трагическую историю небогатого белорусского помещика Владимира Островского, у которого богатый сосед отсудил отцовское имение, по праву принадлежащее В.Островскому. Выгнанный из дома, доведённый до нищеты, В.Островский вместе со своими крестьянами начал мстить судебским чиновникам, ограбившим его. Потом стал грабить других. Так он стал разбойником. П.В.Нащокин видел Островского, когда тот сидел в остроге. Эта история и нашла отражение в фабуле повести Пушкина «Дубровский» (поэт даже оставил имя героя без изменения – Владимир). П.В.Нащокин знал, что история молодого Островского заинтересует А.С.Пушкина. Многие явления русской жизни волновали поэта: своеволие помещиков, бесправное положение крепостных крестьян, произвол царского суда, разбойничество. А.С.Пушкин уже написал в 1821–1822г.г. романтическую поэму «Братья-разбойники», в 1826г. – «Песни о Стеньке Разине». И вот теперь на основе конкретного факта (в основу была положена не только история В.Островского, но и история Ивана Яковлевича Муратого, ведшего тяжбу с Семёном Петровичем Крюковым в Тамбовской

губернии) была создана повесть «Дубровский», а «История Пугачёва» и «Капитанская дочка» продолжили тему «разбоя» на Руси.

Переписка Пушкина с Нащокиным – замечательный документ дружбы, взаимной привязанности. Даже деловые их письма сопровождаются изысканиями в дружбе и любви. *«Ты не можешь себе представить, какое худое влияние произвёл твой отъезд отсюда на меня, – я совершенно оробел... что со мной будет – право, не знаю – не стану говорить о привязанности моей к тебе – что же касается до привычки видеть и заниматься тобою, она без меры....не забудь меня, поминай меня, да не лихом – я с своей стороны тебе был друг искренний, по душе или по чему другому, всё равно»,* – писал Нащокин Пушкину, проводив его в Петербург в мае 1831 г... Гибель А.С.Пушкина (поэт венчался и похоронен в «счастливом фраке» Нащокина) настолько потрясла его, что, услышав страшную весть, он упал в обморок. Позднее Павел Воинович помогал Ивану Петровичу Витали, когда тот создавал бюст поэта. С его замечаниями и советами скульптор очень считался.

ЯЗВИТЕЛЬНЫЙ ПОЭТ, ОСТРЯК ЗАМЫСЛОВАТЫЙ

Многолетняя дружба связывала А.С.Пушкина и **Петра Андреевича Вяземского** (1792–1878), который имел большую вотчину в селе Красном с прилегающими к нему деревнями в Кинешемском уезде Костромской губернии. Часто бывал он и в Костроме, где у него был собственный дом (улица Русина, 38). Большую часть села Красного в 1774 году купил его дед, тайный советник, князь Иван Андреевич Вяземский, от которого имение перешло его сыну – князю Андрею Ивановичу, действительному статскому советнику. В 1807 году по завещанию вотчина (село Красное и прилегающие к нему деревни: Семёновское, Ивановское, Харитоново, Пазухино и др.) перешла Петру Андреевичу Вяземскому

Впервые он побывал в завещанных отцом владениях в 1812 г. Во время Бородинского сражения князь Вяземский был храбрым офицером. Во время битвы он под ожесточённым артиллерийским огнём неприятеля на своём плаще вынес из боя генерал-майора Алексея Николаевича Бахметева, которому ядром оторвало правую ногу ниже колена. В этот день адъютант генерала Милорадовича неоднократно рисковал жизнью: под ним пали две лошади. Не случайно он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, который вручил ему сам фельдмаршал князь Кутузов. После Бородина, рассказывают, князь ехал в вотчину и вёз с собой икону Воскресения Христова. По дороге напали на него разбойники. Верный конь ушёл от погони, но лихие люди успели выстрелить в спину. И погиб бы князь, но спасла его икона, а на доске, на

которой она писана, осталась большая дыра – след пули. С тех пор берега Волги он посещал постоянно, здесь написал немало стихов: «Вечер на Волге», «Утро на Волге», «Звезда на Волге» и др. Он полюбил Костромской край и в 1821 г. сообщил А.И. Тургеневу: «*Кострома и Париж оспаривают моё будущее*» (имея в виду Красное). Что за чудо этот край! Вот как о нём он сам писал:

*Здесь тёмный ряд лесов под ризою туманов!
Гряды воздушная синеющих курганов,
Вдали громада сёл, лежащих по горам,
Луга, платящие дань злачную стадам,
Поля, одетые волнующимся златом, –
И взор теряется с прибрежных вершин
В разнообразии богатом
Очаровательных картин.*

В 1827 году в Красном случился большой пожар, и обустроенная усадьба П.А.Вяземского сгорела вместе с селом. Вяземские пожертвовали средства на восстановление села, но свою усадьбу восстанавливать не стали. Сохранилось описание Красного 1832 года: «*Село Красное принадлежит Двора Его Императорского Величества Камергеру статскому советнику и кавалеру князю Петру Андреевичу Вяземскому. В селе Красном душ состоит 363, под оными крестьянами земли во владении с госпожой Горяковскою состоит 3580 десятин. В оном селе производятся торги в неделю в один день по понедельникам. Сего села крестьяне промышленность имеют, хлебопашествуют, и большим числом занимаются разным мастерством: деланием серёг, перстней, колец, и тому подобное вещей... К оному селу принадлежит судоходная река Волга и озеро Святое, где производится рыбная ловля. В оном селе имеются две крестьянские мукомольные ветряные мельницы. Господский дом со службами....Всего удобной и неудобной земли 8544 десятины*». В описи 1858 года сообщается: «... есть несколько домов каменных или деревянных двухэтажных на каменном фундаменте, устроенных довольно с большой роскошью, да и помещения приспособлены более к городской, нежели к деревенской постройке»...

Род Вяземских вёл начало от легендарного Рюрика, от потомков Мономаха. В 1494 г. князья Вяземские лишились удела и поступили в подданство Москвы. С тех пор выходцы из этого знатного рода традиционно занимали высокие должности и посты в истории России.

Детство и юность Петра прошли в подмосковном имении Остафьево. Отец приучал его к точным наукам, но мальчика больше интересовали история, литература, языки, философия. Этому способствовало то, что в доме князей часто гостил писатель и историк Николай Михайлович Карамзин, женатый на Екатерине Колывановой, сводной сестре Петра. Впоследствии, после смерти родителей (мать умерла в 1802, а отец – в

КОСМРОМА

1807г.), он заботился о юноше, став его опекуном. П.А.Вяземский воспитывался в кругу первостепенных талантов начала XIX века, перезнакомился чуть ли не со всеми литераторами и декабристами. Поэтическая культура, сформировавшая его, была близка культуре А.С.Пушкина. Обоих отличали тяготение к полезной государственной и гражданской деятельности, к разуму, любовь к просвещению. Литературные симпатии также были схожи. Поэтому П.А.Вяземский и А.С.Пушкин быстро подружились. Вот как отзывался о своём друге поэт в стихотворении «К портрету Вяземского»:

*Судьба свои дары явить желала в нём,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род – с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.*

А.С.Пушкин познакомился с Вяземским, когда учился ещё в лицее, в литературном обществе «Арзамас», и дружеские отношения между ними продолжались всю жизнь. В разлуке они вели непрерывную, деятельную переписку. При встречах много спорили. *«Со мною любил он спорить: и спорили мы до упаду, до охриплости»*, – вспоминал Пётр Андреевич. Часто обменивались они своими стихами. Очень дорожили мнением друг друга. *«Благодарю тебя, милый Вяземский! Ты не можешь себе представить, как приятно читать о себе суждение умного человека»*, – писал А.С.Пушкин 6 февраля 1823 года. Читая сочинения П.А.Вяземского, А.С.Пушкин делал на полях его книги свои заметки. В свою очередь П.А.Вяземский в «Воспоминаниях» писал, что А.С.Пушкин *«был и человек мне близкий... суд его был для меня многозначителен и дорог, он мог задирать меня и совесть мою за живое»*. Поэт оставил портрет друга в своём черновике, посвятил ему целый ряд стихотворений: «Блажен, кто в шуме городском», «Язвительный поэт», «Сатирик и поэт», «Так море, древний душегубец», «Любезный Вяземский», «К портрету Вяземского» и др. Замечательны такие его строки:

*Язвительный поэт, остряк замысловатый,
И блеском колких слов, и шутками богатый,
Счастливый Вяземский, завидую тебе.
Ты право получил, благодаря судьбе,
Смеяться весело над злобою ревнивой,
Невежество разить анафемой игривой.*

Восторженно отзывался Вяземский о произведениях друга. Так 6 ноября 1824 г. он писал: *«Твоё «Море» прелестно! Я затвердил его наизусть тотчас, а это по мне великая примета. Вообще стихи потеряли для меня это очарование, это очаровательство невыразимое. Прежде стихи действовали на меня почти физически, щекотали чувства, теперь надобно им задеть струны моего ума и сокровенные струны души, чтобы*

отозваться во мне. Ты играешь на мне на старый лад. Спасибо, мой милый виртуоз! Пожалуйста, почаще брянчи, чтоб я не вовсе разохся.

В последние месяцы жизни поэта П.А.Вяземский один из немногих был посвящён во все подробности интриги, окружавшей А.С.Пушкина, но – увы – ничего не предпринял, чтобы предотвратить трагическую развязку... Он присутствовал при кончине поэта. Великой скорбью отозвалась в его сердце гибель друга. В 1837 году он написал стихотворение «На память»:

*... Вам затвердит одно рыдающий мой стих:
Что яркая звезда с родного небосклона
Внезапно сорвана средь бури роковой,
Что песни лучшие поэзии родной
Внезапно замерли на лире онемелой.
Что пал во всей поре красы и славы зрелой
Наш лавр, наш векий лавр, улада наших дней,
Который трепетом и сладкозвучным шумом
От сна воспрянувших пророческих ветвей
Вещал глагол богов на севере угрюмом,
Что навсегда умолк любимый наш поэт,
Что скорбь постигла нас, что Пушкина уж нет.*

ШАЕВСКИЙ ЗАТВОРНИК

Вскоре после окончания лицея, в 1817 году, А.С.Пушкин познакомился с **Павлом Александровичем Катениным**. Это независимый, отважный, талантливый человек, замечательная личность в истории: герой Отечественной войны 1812 года, блестящий гвардейский офицер и опальный изгнанник, деревенский затворник, отбывавший ссылку, как впоследствии и Пушкин, в родовом имении. Известен П.А.Катенин и как самобытный поэт, драматург, переводчик, критик, искусствовед. Родился Катенин 11 декабря 1792 года, по утверждению костромского краеведа А.А.Григорова, в усадьбе Шаево Кологривского уезда Костромской губернии (ныне Межевской район, а селцо Клусеево Чухломского уезда – колыбель рода Катениных). Получив прекрасное домашнее образование, он в 14 лет был зачислен на службу по Министерству просвещения в Петербурге. В это время опубликованы его первые стихи, а в 1811 г. поставлена была трагедия «Ариадна» Корнеля в переводе молодого поэта. В 1810 г. поэт перешёл на военную службу. В 18 лет П.А.Катенин – портупей-прапорщик Преображенского полка. Военная служба и светская жизнь не помешали его увлечению литературой: он делал переводы Вергилия, Корнеля, Оссиана, писал пьесы для театра. В Отечественную войну 1812 года он проявил отменную храбрость под Бородином,

Люценом, Кульмом, Лейпцигом, и в 1814 году вместе с русским войсками вступил в Париж.

Послевоенная служба (в 1818 году он стал полковником) не мешала литературной деятельности. Он написал «Просто народные баллады», которые высоко оценили А.С.Пушкин, А.С.Грибоедов, позднее В.Г.Белинский. Катенин писал поэмы, трагедии, переводы с итальянского и французского языков. Дружеские отношения сложились у него с И.А.Крыловым, А.С.Грибоедовым, А.С.Пушкиным. Вот что рассказывал сам П.А.Катенин о первой встрече:

«Знакомство моё с А. С. Пушкиным началось летом в 1817 году. Был я в театре, Семёнова играла какую-то трагедию... в антракте увидел я Гнедича, сидящего в третьем ряду несколько левее середины, и как знакомые люди, мы с ним раскланялись издали. Не дожидаясь маленькой пиесы и проходя мимо меня, остановился он, чтобы познакомиться с молодым человеком, шедшим с ним вместе. «Вы его знаете по таланту», - сказал он мне: «это лицейский Пушкин». Я сказал новому знакомцу, что, к сожалению, послезавтра выступаю в поход, в Москву, куда шли тогда первые батальоны гвардейских полков; Пушкин отвечал, что и он вскоре отъезжает в чужие края; мы пожелали друг другу счастливого пути, и разошлись».

А вот как вспоминает Катенин о начале дружбы с великим поэтом: *«Пушкин встретил меня в дверях, подавая толстым концом свою палку и говоря: «Я пришёл к Вам, как Диоген к Витифену: побей, но выучи». «Ученого учить – только портить», – ответил я, взяв его руку, и повёл его в комнату». О дружеских отношениях П.А.Катенина и А.С.Пушкина говорит и письмо Павла Александровича к поэту. А вот строки из статьи «О сочинениях П.А.Катенина», свидетельствующие о том, что поэт ценил Катенина как критика: «Покамест, кроме тебя, нет у нас критика. Многие (в том числе и я) много тебе обязаны, ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях». Высокую оценку литературного дара даёт А.С.Пушкин в стихотворении «Ответ Катенину»:*

*Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед!
Товарищ милый, но лукавый,
Твой кубок полон не вином,
Но упоительной отравой:
Он заманит меня потом
Тебе во след опять за славой.
Не так ли опытный гусар,
Вербую рекрута, подносит
Ему веселый Вакха дар,*

*Пока воинственный угар
Его на месте не подкосит?
Я сам служивый – мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в стряхах Парнаса;
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай.*

Высоко ценил Пушкин Катенина и как переводчика. Особенно в большую заслугу ставил переводы Корнеля: *«Ты перевёл «Сиду», поздравляю тебя и старого моего Корнеля»*. И в первой главе «Евгения Онегина», говоря о петербургском театре 10-х годов XIX века, поэт писал: *«Волишебный край... Там наш Катенин воскресил Корнеля гений величавый...»* В статье «О сочинениях П.А.Катенина» Пушкин отмечал самобытность и элементы народности в его поэзии: *«Никогда не старался он угождать господствующему вкусу и публике, напротив: шёл всегда своим путём и был один из первых апостолов романтизма и первый введши в круг возвышенной поэзии и язык и предметы простонародные, он первый отрёкся от романтизма и обратился к классическим идолам»*.

П.А.Катенин сблизился с передовой молодёжью, явился одним из организаторов первых тайных обществ в России, за что и находился в подозрении у царского правительства. В полицейских доносах он характеризуется так: *«Оракул Преображенского полка, регулятор полкового мнения и действий... почитался в полку гением»*. Небольшого роста, необычно подвижный, остроумный и вспыльчивый, он мог вести диспуты с кем угодно и о чём угодно и своей неотразимой логикой сбивал с толку и обезоруживал любого противника. Прямых улик, чтоб избавиться от неуютного Катенина, не нашлось. И всё-таки его в 1820 г. уволили, а придравшись к пустяку (по его научению была ошукана артистка М.А.Азаревицева, протеже генерал-губернатора, истинной же причиной было столкновение с Великим князем Михаилом Павловичем и перевод гимна Буа «Отечество наше страдает»), через два года сослали в родную деревню Шаево. «Затворник» тяжело переживал ссылку. Спасала переписка с друзьями и знакомыми. Один из желанных корреспондентов был, конечно, Пушкин (поэт оставил портрет Катенина на страницах своих рукописей).

В августе 1825 года Катенину позволили вернуться в Петербург, но в событиях 14 декабря он не участвовал. После неудачной постановки «Андромахи» Павел Александрович снова уехал в Шаево и много писал. В это время он предпринял попытку издать свои сочинения и с помощью друзей открыл предварительную подписку. Большую помощь оказал ему А.С.Пушкин, который взял для раздачи 100 подписных листов. В 1823–1827 гг. Павел Александрович купил у родственников усадьбу Колотилово (продавец – Иван Юрьевич Лермонтов, сестра которого Ирина Юрьевна –

жена его дяди Андрея Фёдоровича Катенина). Кологривское имение довольно большое, в него входило несколько деревень и пустоши.

В 1833 году П.А.Катенин вместе с А.С.Пушкиным избраны действительными членами Российской Академии наук. Тогда же Катенин поступил на военную службу в карабинерский полк на Кавказе (по сути это была новая ссылка), Убеждения его по-прежнему отличались вольномыслием, а такой полковник не нужен правительству, и в 1838 году его без всякого повода уволили в отставку. Последние 15 лет жизни он провёл в Шаеве и Кологриве Костромской губернии. О его жизни можно прочесть в романе А.Ф.Писемского «Люди сороковых годов», где Катенин изображён в лице Александра Ивановича Коптина. Последней творческой работой его были «Воспоминания о Пушкине», которые он закончил 9 апреля 1852 года, за год до смерти. П.А.Катенин трагически погиб в мае 1853 года: он был разбит в Шаеве понесшими его лошадьми. Похоронен был на сельском кладбище в Бореаве. В 1955 году его прах перенесён в Чухлому, на могиле установлен памятник.

НЕУКРОТИМЫЙ ЛГУН

Сложными были отношения поэта с **Павлом Петровичем Свинымым**, родившимся в 1787 году в усадьбе Ефремово Галичского уезда. Матерью его была Екатерина Юрьевна, урождённая Лермонтова, родная сестра деда великого поэта М.Ю.Лермонтова – Петра Юрьевича Лермонтова. Бабушкой его была Анна Ивановна Лермонтова, урождённая Боборыкина, которая приходилась внучкой казнённого по приказу Петра I стольника Фёдора Матвеевича Пушкина. Следовательно, по утверждению костромского краеведа Александра Александровича Григорова, Свиньин приходился родственником и А.С.Пушкину, и М.Ю.Лермонтову.

Удивительна судьба этого человека! Наверное, на роду было у него написано, что постоянно существовали его двойники, всю жизнь его принимали за другого человека. Судьба позаботилась об этом с первых дней его появления на свет. В один год – 1788 – родились два тёзки – Павлы Ивановичи Свиныны, оба впоследствии статские советники и галичские помещики (даже поместья рядом – у одного д. Польская, у другого – д. Подольская). Но у одного отец – московский сенатор Пётр Сергеевич Свиньин, а у другого – захудалый костромской дворянин, служивший во флоте и вышедший в отставку в чине капитан-лейтенанта Пётр Никитич Свиньин. Ну, как тут не перепутать! Сенаторский сынок, человек кичливый и пустой, смешил Москву своими выходками, а счета частенько приносили нашему костромскому Павлу Петровичу, который в столице тоже был небезызвестен. Он получил прекрасное домашнее образование, позже учился в Благородном пансионе при Московском

университете, затем служил в коллегии иностранных дел, знал английский и французский языки, издавал журнал «Отечественные записки», работал некоторое время в Российском генеральном консульстве в США. Он побывал в Англии и Португалии, на Гибралтаре и на Мальте, в Испании и Северной Африке, Италии и Греции. Немало поездил и по России: был в Бессарабии, Украине, Кавказе, Крыму, Урале, на Волге, в Западной Сибири, в Прибалтике. Много писал, и его произведения пользовались популярностью, неплохо рисовал, открыл собственный музей с историческим и художественным отделами («Русский музей»), был опекуном молодых талантов, всячески помогал юным писателям и художникам (в том числе и братьям Чернецовым, о которых речь пойдёт дальше). Его дом – это литературный салон, где встречались и садились за один стол прославленные писатели и начинающие литераторы, только пробующие своё перо, князья-полиглоты и купцы-самоучки.

А самое непреложное свойство натуры П.П.Свиньина – лганьё. Это лжец, каких на свете мало, под стать Ф.И.Толстому – Американцу. Причём, лгал, сам веря в то, что говорил, потому лгал уверенно и самозабвенно. Да, немало талантов у П.П.Свиньина. Вот как охарактеризовал его С.М.Сомов в 1823 г. в «Сатире на северных поэтов»:

*Хвала, неукротимый лгун,
Свиньин неутомонный,
Бумаги дерзостный пачкун
Чужим житьея склонный!
Писатель, химик, астроном
И дипломатик славный,
Художник, врач и эконо́м,
Во всём нулю лишь равный.*

С «творениями» П.П.Свиньина поэт познакомился ещё в лицейские годы, когда читал «Вестник Европы», а личное знакомство (о родстве вряд ли знал) произошло в 1817 г., когда А.С.Пушкина зачислили в Коллегию иностранных дел, где служил и Свиньин. Но едва ли это знакомство произошло в присутственном месте, скорее они встретились у общих знакомых или на заседании литературного общества. В 1825 г. А.С.Пушкин и П.П.Свиньин отправились в Бессарабию. О курьёзах, случившихся там и позабавивших Александра Сергеевича, надо писать отдельно. Поэт смеялся над приключениями мнимого «ревизора», над легковесностью его публикаций. Свиньин же всегда относился к Пушкину с пиететом.

После поездки их личное знакомство стало достаточно тесным: они бывали друг у друга, участвовали в одних литературных мероприятиях, встречались на обедах и балах, свои произведения публиковали под одной обложкой в «Памятнике отечественных муз» (1827 г.), в «Невском альманахе» (1828 г.), в «Радуге» (1830 г.). В 1833 г. А.С.Пушкин даже

КОСТРОМА

позаимствовал у Свинына и его «Музеума» рукописи XVIII века для работы над «Капитанской дочкой», но отношения поэта к Свиныну остаётся всё-таки шутливо-пренебрежительное. Он даже написал эпиграмму «Собрание насекомых» (1827 г.), в котором назвал Свинына «российским жуком», и сказку о нём – «Маленький лжец» (1830 г.), но общительный Павел Петрович не обращал внимания на обидные шутки поэта.

Когда же Н.В.Гоголь обратился к А.С.Пушкину, чтобы тот дал ему какой-нибудь сюжет, Александр Сергеевич «подарил» ему живого героя, П.П.Свинына, описав и его характер, и его похождения в Бессарабии, и дав даже черновой набросок: *«Свинын Криспин приезжает на ярмонку в N губернию – его принимают за (слово неразборчиво). Губерн(атор) честный дурак, губ(ернаторша) с ним проказит – Крисп(ин) сватается за дочь»*. Гоголь прекрасно воплотил идею А.С.Пушкина в своей пьесе «Ревизор».

В последний раз А.С.Пушкин и П.П. Свинын встретились незадолго до гибели поэта: 21 января 1837 г. они обедали вместе у сенатора Ф.П.Лубяновского.

ХРАНИТЕЛЬ ЮНОСТИ

Среди наставников, «хранивших юность» лицеистов, был **Иван Петрович Шульгин** (1797–1869). Он родился в усадьбе Синцово Костромского уезда в древнейшем, но к XIX веку оскудевшем роду. В 1811 году окончил Костромскую гимназию и поступил в Петербургский педагогический институт. После смерти матери 14-летний студент взял на своё попечение малолетних сестёр. Он прославился как превосходный домашний учитель, как первый ученик института. В 16 лет он закончил обучение, получил временные уроки в различных учебных заведениях. В 1816 году при содействии профессора Константина Ивановича Арсеньева, автора пособия «Краткая всеобщая география», единственного учебника по географии в течение 30 лет, был принят гувернером и учителем истории и географии в Царскосельский лицей.

На первых же порах Иван Петрович зарекомендовал себя прирождённым педагогом, и в 1817 году его повысили в должности до адъюнкта профессора исторических наук. Он получил квартиру при лицее и перевёз семью из Костромы. Скромного жалования не хватало: с ним жили четыре брата, две сестры и престарелая родственница, он посылал часть денег остальным сёстрам, – поэтому постоянно искал приработок. С 1818 года Шульгин служил в лицее ещё и канцелярским чиновником, давал уроки в Петербурге (ходил туда пешком). При такой загруженности он ещё занимался самообразованием, много читал, изучал языки, следил за новинками литературы. Служба гувернёром, учителем сблизила его с лицеистами. М.Каховский так писал о нём: *«В старших классах мы особенно любили И.П.Шульгина»*.

К.Веселовский вспоминал: *«И.П.Шульгин был наиболее любимым нашим профессором. Человек с открытым характером, он невольно располагал к себе, в своих сношениях с воспитанниками проявил душевную приветливость и сердечное радушие. Он замечательно умён, талантлив... Его лекции были в числе тех, которые наиболее врезывались в память и обогащали понятия слушателей... Он читал лекции всегда свободным словом, не имея перед собой никаких записок...»*

Кюхельбекер и Дельвиг посвятили наставнику свои стихи. Со многими лицеистами первого выпуска Шульгин был дружен (они были сверстниками). К сожалению, Пушкин не оставил своих воспоминаний о нём, но можно предположить, что их отношения мало чем отличались от отношения, например, того же Дельвига. Может, именно он, а не только «мамушка» с её рассказами и сказками о старине, увлэк юного Пушкина историей Государства Российского...

В 1817 году поэт покинул лицей, а Шульгин остался и упрочился. В 1821 году вышла его книга «Руководство ко всеобщей географии», которая распространилась как учебник. В конце 20-х годах И.П.Шульгин стал ведущим профессором лицея, любимым и уважаемым воспитанниками. В 1832 году издана книга «Изображение характера и содержание трёх последних веков», удостоенная Демидовской премии, восторженно принятой Кюхельбекером в сибирской ссылке. В 1833 году Шульгин занял место профессора на кафедре всеобщей истории, утверждён деканом историко-филологического факультета. В 1834 году назначен ректором Петербургского университета (и был им до 1840 года), но с лицеем он был тесно связан до смерти: в 1840–1862 гг. – профессор всеобщей и русской истории, в 1851–1869 гг. – член Совета. В Петербурге он сблизился с профессором Петром Александровичем Плетнёвым, другом А.С.Пушкина. Здесь он вновь встретился и с поэтом, который приходил на лекции к Н.В.Гоголю. Само назначение писателя в университет не могло состояться без согласия ректора Шульгина – не Пушкин ли просил своего бывшего учителя об этом?

К концу 30-х годов И.П.Шульгин – признанный учёный, специалист по всеобщей истории. Издан его учебник по всеобщей истории, он часто публиковался в журналах. За свои научные труды Иван Петрович был избран членом Академии наук, членом-корреспондентом статистического отделения Министерства внутренних дел и учёного комитета Министерства государственных имуществ, затем членом Совета этого министерства, наставником-наблюдателем за преподаванием политических наук во всех военно-учебных заведениях. С 1839 года Шульгин преподавал историю великим князьям. В 1866 году был избран почётным членом Петербургского университета...

В 1869 году, 3 апреля, И.П.Шульгин скончался. Он, по словам биографа, *«до конца своих дней сохранял свежесть умственных сил и интерес к общественной жизни. Как человек Шульгин всегда отличался прямым, открытым характером, приветливостью и радушием»*. Близость

учителя к поэту подчеркнули братья Чернецовы в огромном полотне «Парад на Царицыном лугу»: они изобразили Шульгина стоящим на заднем плане между Пушкиным и Крыловым.

ОДНОКАШНИК ПУШКИНА

19 октября 1811 года близ Петербурга состоялось торжественное открытие Царскосельского лицея, нового учебного заведения для детей знатных семейств. 30 мальчиков сели за парты и стали одноклассниками. Как писал Пушкин, *«Вначале жизни школу помню я; Там нас, детей беспечных, было много; Неровная и резвая семья»*. Класс как класс? Нет! Особенный класс! Иначе как бы развился первейший поэт России из не лучшего ученика (26-й по успеваемости)? Без дружбы, без шуток, похвал, насмешек, писем, помощи, памяти?

Недаром Пушкин впоследствии в романе «Евгений Онегин», отмечая, что *«все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь»*, писал: *«...в садах Лицея я безмятежно расцветал»*. А одноклассники стали бы такими, какими мы их знаем, без Пушкина, без его мыслей и строчек, веселости и грусти, без того бессмертия, которым он так щедро с ними делился? Более всего здесь ценили дружбу: *«...я слышал, что божий свет Единой дружбою прекрасен, Что без неё отрады нет...»* Дружбу в Лицее не просто ценили, её боготворили, ставя на первое место, выше карьеры, удачи, даже любви. Крепки лицейские узы. И суть отношений лицеистов заключена в том, что они – СОЮЗ. Союз с правами уникальной духовной и душевной близости. Это, как пишут большинство исследователей, даже не дружба в обычном смысле слова, а нечто высшее, необычное явление невиданного ни до того, ни после того типа связи: *«Друзья мои, прекрасен наш союз! // Он как душа неразделим и вечен // – Неколебим, свободен и беспечен...»*

Для такого сообщества, по словам Н.Н.Скатова, *«действительно, весь остальной, **целый** мир – чужбина. Так что в конце концов исторический результат Лицеем достигнут: выработались **новые** люди **вообще**, возникла новая человеческая общность... И уже будучи выброшенными в чужбину всего громадного целого мира, лицеисты силились сохранить и себя, и эту общность, и это братство: Лицей стал паролем и залогом... В каждом лицеисте было воспитано такое чувство личного достоинства, непременной особенностью которого было в то же время уважение к другому, соотнесенность себя с другими, чувство дружбы, родства и братства»*.

Одним из сокурсников Пушкина был **Александр Павлович Бакунин** (1797–1862). Они не были друзьями, но они учились в одном лицее: сидели в одном классе, читали одни и те же книги, их учили одни и те же учителя (профессора!), они вместе занимались фехтованием и танцами, вели беседы и споры... Их многое объединяло. Даже имя у

обоих одно – Александр, что в переводе с греческого значит «защитник».

Александр Бакунин родился в семье просветителей. Его прадед был географом, дед не чуждался литературных занятий. Его отец Павел Петрович в Петербурге – приметное лицо. Камергер и дипломат, он три года был директором Петербургской Академии наук и Российской академии словесности. За заслуги перед Отечеством ему были даны земли в Костромской губернии, Кинешемском уезде: Марфино, Шелашиха (Райково), Потехино, Боровиха, Лемешиха, Степаниха, Чертовищи, Быстри и др. Мать, Екатерина Александровна, урождённая Саблукова, – дочь сенатора.

Словоохотливый, смешливый, пылкий и подвижный Саша – мальчик «как живое серебро». Когда ему исполнилось 12 лет, он, как и Пушкин, был направлен в привилегированное учебное заведение, где «готовилось юношество, особо предназначенное к важным частям службы государственной». Так Бакунин стал одноклассником Пушкина. У будущего поэта комната № 14, у Бакунина – № 42. В каждой «келье», по воспоминаниям Ивана Пущина, были «железная кровать, комод, конторка, зеркало, стул, стол для умывания, вместе и ночной. На конторке чернильница и подсвечник со щипцами». Но, впрочем, то

*Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здоровье надежды
И юности и всех её затей.*

9 июня 1817 г. – первый лицейский выпуск. Позади 2060 лицейских дней (6 неполных лет). Звучит гимн, написанный Дельвигом. Энгельгардт раздаёт выпускникам чугунные кольца – знак вечной и доброй памяти о лицее. Всерьёз и в шутку обсуждаются служебные назначения:

*Разлука ждёт нас у порогу,
Зовёт нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум...*

Разные пути-дороги ждут лицеистов, но для каждого из них пословица «Береги честь смолоду», выведенная впоследствии Пушкиным в качестве эпиграфа к «Капитанской дочке», – не отвлечённое нравственное поучение, а действенный жизненный принцип, вынесенный из лицея.

По «Табели о рангах» Пушкин получил 10 класс, что соответствовало чину коллежского секретаря или прапорщика в армии. Он хотел идти в гусары, но, за неимением средств, пришлось отказаться от этой мысли.

Пушкин зачислен на службу в коллегию иностранных дел, хотя, как сам он замечает, *«равны мне писари, уланы, равны законы, кивера, не рвусь я грудью в капитаны и не ползу в ассессора»*. Его стезя – поэзия, литература, творчество. Бакунин же стал военным. Он служил подпоручиком лейб-гвардии Семёновского полка, вскоре стал адъютантом героя Отечественной войны 1812 года Николая Николаевича Раевского-старшего в Киеве, затем – поручиком лейб-гвардии Финляндского полка. В пору декабристов состоял членом «Общества Семисторонней, или Семиугольной звезды».

В 1823 г. Александр Бакунин вышел в отставку и в звании камер-юнкера в течение нескольких лет служил чиновником при московском военном генерал-губернаторе Дмитрие Владимировиче Голицыне. В 1824 году женился на его племяннице Анне Борисовне Зеленской, внебрачной дочери Бориса Владимировича Голицына, брата губернатора, и уехал в своё имение. Начиная с 30-х годов, Александр Павлович жил в Кинешемском уезде Костромской губернии. Село Райково с деревнями перешло ему в наследство от отца. Здесь он был избран почётным попечителем Костромской гимназии. В Райкове родилось его пятеро детей: Татьяна (1827-1900, фрейлина), Николай (1828–1893, действительный статский советник), Екатерина (1833-1911, пианистка) и двое умерли во младенчестве. С 1829 года Александр полностью посвящает себя семье. Но счастье длилось недолго: в 1835 году от чахотки умирает Анна. Семья переезжает в Москву, где Александр был назначен советником в губернском правлении.

Живя в костромском поместье, он познакомился с семьей соседа-помещика, капитана флота в отставке Александра Сергеевича Щулепникова. Ему очень понравилась его дочь Мария, и состоялось венчание в 1838г. в Плесе в Успенском соборе, изображённом впоследствии Исааком Левитаном в картинах «Тихая обитель» (1890) и «Вечерний звон» (1892). В приданое «молодые» получили ещё ряд деревень Кинешемского уезда: Красные Горы, Савинскую, Закатново, Бабино. В семье родилось ещё двое детей: дочь Варвара (1842–1894), которая впоследствии вышла замуж за Александра Петровича Оленина, и сын Александр (1848-1849).

В 1838–1839 гг. Бакунин занимал пост новгородского вице-губернатора, чуть позже – вице-директора Первого департамента Министерства государственного имущества, затем – гражданского губернатора в Твери. Высокие должности, ответственные посты занимал выпускник лицея, между тем как Пушкин только «1833, декабря 29-го», через 16 лет после окончания лицея, пожалован в звание камер-юнкера, первый придворный чин. И вместе с тем Александр Пушкин – Первый поэт России, её гордость и слава на все времена, а Александр Бакунин – всего лишь бывший «однокашник» великого поэта, чиновник России, честно выполнявший свой долг. Несмотря на занятость на государственной службе, Бакунин не забывал костромское имение. Он регулярно наезжал

сюда. Здесь написан главный труд его жизни – «Управление общее для всех губерний Российской империи, не состоящих на особых положениях», вышедшем в печати в 1858 г. В августе 1862 г. здоровье Александра Бакунина резко ухудшилось. Он отправился на лечение в Ниццу, где и скончался.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ПОЭТА

Екатерина Павловна Бакунина (1795–1869), сестра товарища юношеских лет, была, как утверждают пушкинисты, первой любовью поэта. Она часто навещала брата и всегда приезжала на лицейские балы.

Бакуниной – 20 лет, Пушкину – 16. Эта первая любовь глубоко поразила Александра. В его дневнике в октябре 1815 г. появилась запись: «...Я счастлив был!.. нет, я вчера не был счастлив: поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу – её не было видно! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с ней на лестнице, – сладкая минута!.. Как она мила была! Как чёрное платье пристало милой Бакуниной! Но я не видел её 18 часов – ах! какое положение, какая мука! Но я счастлив был 5 минут...»

*Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался летом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вокруг меня угрюмой скуки тень!*

Любовь к Екатерине явилась источником большого цикла лицейских стихотворений Пушкина. Ей он посвятил 22 произведения разных лирических жанров: элегии, послания, романсы, мадригалы. В стихах он называл её Эвелиной, как звали прекрасную любовницу Парни (французскую поэзию Пушкин знал с детства). Потребность видеть её стало привычкой. Даже ночью он долго не ложился, глядел на деревья, из-за которых она всегда появлялась. На лист ложились печальные строки. Стихотворение «К живописцу» Михаил Яковлев и Николай Корсаков положили на музыку, и лицеисты распевали его как романс, который преподнесли избраннице с посвящением и шуточной припиской: «Трудами императорского Царскосельского лицея».

Однажды Пушкин был приглашён на бал к Бакуниным. Вот как пишет об этом Ю.Н.Тынянов: «Весь день Александр был в волнении: это был первый его выход в свет. А как встретится он с Екатериной? Весь день он был сумрачен и неловок. Он слишком много написал стихов Бакуниной, чтоб радоваться этой встрече или чего-нибудь ждать. Но вот трое приглашённых: А.Пушкин, И.Пуцин и С.Ломоносов – уже возле дома. Окна

КОСТЮМА

освещены, мелькают тени. Александр вдруг задохнулся, засмеялся, взял Жанно за руку и сказал, что сегодня будет танцевать... Бакунина встретила их с улыбкой, которой он так боялся. Может быть, она и не так прекрасна... Нет, она была прекрасна! С.Д.Камовский вспоминал позднее: «Прелестное лицо её, дивный стан и очаровательное обращение производило всеобщий восторг во всей лицейской молодежи».

По окончании Лицея Пушкин делился с А.Горчаковым грустными мыслями:

*Я знал любовь, но я не знал надежды,
Страдал один, в безмолвии любил.
Ужель моя пройдет пустынно младость?
Иль мне чужда счастливая любовь?*

24 ноября 1819 г., в день именин, поэт преподнёс Бакуниной мадригал:

*Напрасно воспевать мне ваши именины
При всем усердии послушности моей:
Вы не милее в день святой Екатерины
Затем, что никогда нельзя быть вас милей.*

К милому образу он вернулся через несколько лет. В октябре 1823 г., приступая ко второй части романа «Евгений Онегин», Пушкин вновь произнёс её имя:

*Она поэту подарила
Младых восторгов первый сон,
И мысль об ней одушевила
Его цевницы первый стон...*

В «главе осьмой», автобиографической, есть такие строки:

*Когда в забвенье перед классом
Порой терял я взор и слух,
И говорить старался басом,
И стриг над губой первый пух...
В те дни... в те дни, когда
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманом пылких снов,
Везде искал её следов,
Об ней задумывался нежно,
Весь день*

В 1830 г., задумывая «Программы записок», он вновь вспомнил свою первую любовь, а набрасывая в альбоме Ушаковой свой знаменитый «дон-жуанский список», поместил в нём и Бакунину под именем «Екатерины I».

А что же Катенька? Осенью 1817 г. Бакунина стала фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I. Красивая,

изящная, талантливая (прекрасно рисовала, пела, танцевала) Екатерина сразу стала заметной при дворе. В 1834 г. 39-летняя Бакунина вышла замуж за отставного капитана, бездетного вдовца Александра Полторацкого, двоюродного брата Анны Керн и Анны Олениной. Свадьба состоялась в Петербурге. На ней присутствовал Пушкин, о чём поэт писал жене в тот же день, 30 апреля. Полторацкому не простили участия в восстании в лейб-гвардии Семёновского полка, где он служил (примечательно, что во время восстания в полку капитан находился в трёхмесячном отпуске «для излечения от раны»). С 1821 г. Александр жил в своей вотчине в селе Рассказово Тамбовской губернии (имение купил его отец в 1812 году, незадолго до войны) на положении политического изгнания (за что сослали?). После свадьбы Полторацкому так и не удалось найти место службы. В 1837 г. семья уехала в деревню. Вскоре Александр Александрович был избран предводителем дворянства Тамбовской губернии. В семье родились дети: сын Александр и дочь Екатерина. Екатерина Павловна серьёзно увлеклась живописью (недаром же она брала уроки у Александра Брюллова). Целый альбом неплохих портретов мужа, матери, детей осталось после неё. Сохранился и её портрет с дочерью. Сохранилось и её признание, что в тамбовской вотчине она *«прожила 21 год счастливейшей жизни»*.

В 1855 г. Александр Полторацкий умер, и Екатерина Павловна покинула Рассказово, перебравшись в усадьбу Затишье на Костромскую землю (ныне Вичугский район Ивановской области). Имение, полученное в наследство от отца, находилось всего в 22 верстах (около 23,5 км.) от Райкова, усадьбы брата. Поместье раскинулось на взгорье, на берегу Пезохи, на полпути от Плёса до Кинешмы. Поблизости, недалеко от деревни Быстри, бил родник. Она наезжала сюда и раньше время от времени, чтобы утрясти поместные дела, повидать родню, брата. Оставшись одна, вернулась в свои пенаты. Брат и сестра часто навещали друг друга, подолгу разговаривали, вспоминали Пушкина.

После смерти Екатерины Павловны Бакуниной-Полторацкой усадьба Затишье перешло по наследству её дочери Екатерине Александровне Полторацкой-Левашовой (1838–1869). Жила она в большом каменном доме матери. У Екатерины и Ивана Левашовых были дочь Екатерина и сын Александр. Александр Иванович Левашов служил в лейб-гвардии Казачьем полку. Рано, трагически, погиб. Его малолетнюю дочь Веру удочерила сестра. Вера Александровна Левашова окончила Екатерининский институт в Петербурге, работала врачом. Она и её муж Е.К.Кох пережили страшные времена: революцию, гражданскую войну, смерть двоих детей, высылку (из-за немецкой фамилии) с родных мест во время Отечественной войны 1941–1945 гг. Последние годы Вера Александровна Кох жила в Тамбове, на родине прадеда, в маленьком деревянном доме, на Московской улице. Это она оставила воспоминания о том, как бережно хранила Екатерина Бакунина, её прабабушка, память о поэте и как реликвию – альбом юношеских лет с автографом поэта,

стихотворением «Напрасно воспевать мне ваши именины», и переписанное рукой Пушкина стихотворение П.А.Вяземского «Прощание с халатом».

Александр Александрович Полторацкий, сын Екатерины Бакуниной, прожил недолгую жизнь (1838–1871). Остались малолетние дети: Юлия, Вера, Варвара и Александр. Судьба соединила внуков Екатерины Павловны: Александра Александровича Полторацкого (3) и Екатерину Ивановну Левашову, двоюродных брата и сестру (оба прожили жизнь в Рассказове, Затишье также принадлежало им (дом в усадьбе в 30-е годы XX века крестьяне разобрали на кирпичи). У них родился Александр (4-й в роду Александр Александрович Полторацкий). Он долгое время преподавал в музыкальном училище Тамбова. Его единственная дочь Галина Александровна Полторацкая-Глушенкова пошла по стопам отца. Она окончила Московскую консерваторию и преподавала в музыкальном училище в Ижевске. Его внучка, Татьяна Леонидовна Глушенкова-Хржановская, окончив консерваторию в Казани, работала в музыкальном колледже в Новомосковске Тульской области.

СЕКУНДАНТ ПОЭТА

Не единожды А.С.Пушкин был участником дуэли. Одну из них удалось предотвратить нашему земляку – **Ивану Дмитриевичу Козловскому** (1811–1857). Как же это произошло? Зимой 1836 года граф Владимир Александрович Соллогуб встретился в Петербурге на балу с Натальей Николаевной и завёл с ней светский разговор. Всё было до крайности невинно, но присутствующие дамы соорудили из этого простого разговора целую сплетню. Поэту передали, что граф дерзко разговаривал с его женой. Пушкин, остро реагирующий на все кривотолки о Натали, вспылил и послал обидчику вызов на дуэль. Объяснение осложнилось тем, что после бала Соллогуб, служивший при Министерстве внутренних дел, был командирован в Тверскую губернию. Он понимал всю нелепость дуэли, но боялся, что его заподозрят в трусости. В данной ситуации многое значила личность секунданта. И Соллогуб остановил свой выбор на поручике Козловском, который был знаком с поэтом и который имел репутацию человека серьёзного и рассудительного. Преклоняясь перед гением поэта, костромич понимал, что должен сделать всё, чтобы уладить конфликт. Соллогуб перебрался в загородное имение, оставив письмо для Пушкина с извинениями за отлучку. Александр Сергеевич прибыл в Тверь 1 мая. К этому времени гнев его уже поостыл. Вероятно, он и сам понимал неуместность поединка. В таких условиях и состоялась встреча секунданта с поэтом. Поручик сумел выполнить миссию примирителя. На другой день Пушкин уехал в Москву, а через день за ним отправился и Соллогуб. После спокойного разговора, вспоминает Владимир Александрович, поэт *«тотчас же протянул мне руку, после чего сделался чрезвычайно весел и дружелюбен»*.

Кто же такой Иван Дмитриевич Козловский? Его родовое поместье – Борщёвка Кинешемского уезда Костромской губернии. Эта вотчина издавна принадлежала прославленному богатому роду Козловских (она была дана за ратные подвиги Василию Андреевичу Козловскому, участвующему в 1611 г. с дружиной в освобождении Верхнего Поволжья от разрозненных польско-литовских полчищ, в 1612г. был в числе ополченцев дружины Минина и Пожарского). Здесь переплелись многие известные русские имена. Прасковья Михайловна Козловская была женой окольного князя Ивана Дмитриевича Пожарского, единственного сына знаменитого полководца Дмитрия Михайловича Пожарского, одного из руководителей земского ополчения 1811 года. Анастасия Семёновна Козловская – жена генерал-аншефа Александра Ильича Бибикова, а сестра её деда Наталья Андреевна Козловская – жена капитан-поручика М.Ф.Кутузова, мать Алексея Михайловича Кутузова, основоположника русского сентиментализма и близкого Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову, женатого на Екатерине Ильиничне, сестре А.И.Бибикова. Мария Борисовна Козловская – поэтесса и мать композитора Александра Сергеевича Даргомыжского...

Вот такое переплетение имён и фамилий.... В Борщёвке побывала Екатерина Великая...

Дед «нашего» Ивана Дмитриевича Козловского Николай Иванович Козловский был женат на Елене Фёдоровне Нащокиной, двоюродной сестре В.А.Нащокина, внук которого Павел Воинович – друг А.С.Пушкина. Его отец Дмитрий Николаевич Козловский стал, по некоторым сведениям, прототипом «Князя К» в «Дядюшкином сне» Фёдора Михайловича Достоевского (в повести – и село Борщёвка – Духаново, и его обитатели). И не случайно. Светский волокита жил на широкую ногу и промотал состояние предков. Он, как пишет Достоевский, *«был ещё не бог знает какой старик, а между тем, смотря на него, невольно приходила мысль, что он сию минуту развалится: до того он обветшал, или, лучше сказать, износился»*. На склоне лет он оказался под каблуком Прасковьи Трофимовны (венчались в Костроме в 1814 г.), жены крепостного псаря Николки Александрова. Умная и хитрая, она стала крестной матерью Ф.М.Достоевского, а её сын Александр, один из первых костромских краеведов, – крестным отцом Веры и Любы, сестёр писателя. Она смогла всё и всех прибрать к своим рукам (в повести она выведена под именем Степаниды Матвеевны)... Таковы корни одного из секундантов Пушкина.

После смерти майора Козловские поселились в Костроме на Дворянской улице. Для занятий с детьми были приглашены учителя из гимназии. В 1820 году, когда дети Дмитрия Николаевича были признаны законными наследниками (т.е. получили княжеский титул и фамилию отца), мать определила Ивана в 1-й Московский кадетский корпус, откуда он был выпущен в 1828 году в чине прапорщика в 10-ю конно-армейскую роту, с которой он участвовал в войне с Турцией 1828–1829 гг., в 1831 г. –

в сражениях с польскими и литовскими повстанцами. О его храбрости свидетельствует орден Анны 3-й степени и польский знак отличия 4 класса. В 1832 году он назначен бригадным адъютантом 6-й конно-армейской бригады, а в конце следующего переведён в 14-ю легкую батарею 7-й конно-артиллерийской бригады, расквартированной в Твери. Здесь круг его знакомств был обширен: И.И.Лажечников, С.Н.Глинка, А.А.Шишков и др. Зимой 1833–1834 гг. жил у родственников А.Герцена – Татьяны Петровны и Вадима Васильевича Пассек.

Козловский много читал, пробовал свои силы в поэзии. Его кумир – А.С.Пушкин. Всё связано с именем поэта. Его бабка Елена Фёдоровна Козловская – близкая родня Павла Воиновича Нащокина, друга Пушкина. Троюродный брат Пётр Борисович Козловский, дипломат и литератор, прилежал с поэтом. И.Д.Козловский был дружен с Алексеем Николаевичем Вульфом, приятелем Пушкина. Сам Иван Дмитриевич Козловский был женат на Марии Александровне Пушкиной, троюродной сестре поэта Александра Сергеевича.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С каждым десятилетием всё дальше от нас пушкинская эпоха, а великий поэт всё ближе к нам как добрый наставник, учитель и друг – спутник всей нашей жизни, от рождения до старости. Парадокс? Нет, просто в стихах, поэмах, повестях, романах, исторических трудах, дневниковых записях, автобиографических заметках и письмах поэта вдумчивые читатели обнаруживают всё новые и новые грани его удивительного таланта, ранее не замеченные или должным образом не понятые мысли и думы Пушкина, его «*души прекрасные порывы*». Потому что, как писал Алексей Плещеев в далёком 1880 году,

*Все лучшие порывы посвятить
Отчизне ты зовёшь нас из могилы;
В продажный век, век лжи и грубой силы
Зовёшь добру и истине служить.
Вот почему, возлюбленный поэт,
Так дорог нам твой образ благородный;
Вот почему неизгладимый след
Тобой оставлен в памяти народной!*

А Белинский коротко утверждал: «*Читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека*». Мы обращаемся к ним ещё и потому, что через Пушкина, по словам А.Н.Островского, «*умнеет всё, что может поумнеть. Поэт ведёт нас в незнакомую страну изящного, где возвышается душа, улучшаются помыслы, утончаются чувства, каждому хочется возвышенно мыслить*». Поэтому сегодня А.С.Пушкин, как волшебный, никем не превзойдённый Мастер стиха, как

гениальный Мыслитель, прозорливый Историк и просто как Человек земной, становится для нас всё дороже, всё необходимее. В своём стихотворении – завещании – поэт обращался к далёким потомкам, к нам: *«Я памятник себе воздвиг нерукотворный, К нему не зарастет народная тропа...»* В наши дни, как никогда раньше, сбываются великие пушкинские слова. Та *«народная тропа»*, о которой мечтал поэт, становится всё шире и шире. В благодарном сердце народов крепнет неувядающая любовь к поэту. На поклон к Пушкину, на встречу с ним идут и едут в Михайловское и Кишинёв, в Каменку и Берново, в Петербург и Болдино... Да, другие времена, другие нравы, а к великим творениям Пушкина тропа не зарастает. И мы, жители Костромской земли, тоже ищем и находим «тропинки» к великому Поэту и Человеку – Александру Сергеевичу Пушкину.

1997-2000, 2012, 2018 гг.

АЛЕКСАНДР ХЛЯБИНОВ родился в 1957 году в д. Фатьянове Мантуровского района Костромской области. Первые рассказы написал в 13-14 лет. Будучи в армии, продолжал писать, был корреспондентом дивизионной газеты «Начеку». В 1982 году окончил филологический факультет Костромского педагогического института. В Союз писателей России принят в 2002 году после участия в областном и всероссийском литературных семинарах. Автор книг «Соседи», «Колодец», «Фольклорная практика», «Шире, дале, боле», «Подарок для Григорьевны» и др. Его произведения печатались в альманахах «Молодой Петербург», «Кострома», в коллективных сборниках «Созвездие», «Пусть будет зорче идущий следом», «Незабываемое», в хрестоматии для начальной школы. За достойное служение русской литературе в 2021 году награждён Почётной грамотой Союза писателей России.

ВОЗРОЖДЕНИЕ СВЯТЫНИ

В 2023 году исполнилось 220 лет со дня рождения Натальи Дмитриевны Апухтиной-Фонвизиной. Она появилась на свет в 1803 году (по другим данным в 1805 году) в родительском имении Отрада, расположенном на берегу реки Унжи.

Ей посвящали стихи В.А.Жуковский, Н.А.Некрасов. Многие литературоведы утверждают, что Ф.М. Достоевский писал с неё Соню Мармеладову, а Л.Н. Толстой – Наташу Ростову.

Сама же Наталья Дмитриевна считала себя прототипом пушкинской Татьяны Лариной и даже письма друзьям подписывала этим именем «Таня».

Среди жителей деревни Угоры близ города Мантурово бытует легенда, что при строительстве их Воскресенского храма использовался труд пленных французов, захваченных во время Отечественной войны 1812 года. Основная часть работ была завершена в августе 1816 года.

Самое яркое событие в истории Воскресенского прихода произошло 22 сентября 1822 года. Перед алтарём приходского сельского храма предстала необычная пара: прославленный 35-летний генерал Михаил Александрович Фонвизин (племянник автора «Недоросля») и 17-летняя Наталья Дмитриевна Апухтина.

Изначально Михаил Александрович приехал в дом Апухтиных по делам – он хотел получить долг с родственников. «Я увидел красавицу, полную огня, с оттенком какой-то грустной сосредоточенности», – писал позже Михаил Александрович в своих «Воспоминаниях».

Пройдёт менее 5 лет, и мимо Воскресенской церкви Фонвизина провезут в сибирскую ссылку. В письмах своей жене он писал: «Ты сможешь представить, с каким болезненным и вместе с тем восхитительным чувством я проехал мимо Воскресенской церкви». (Фонвизин М.А. Письма. Т.1, Иркутск, 1979. – С.135).

Наталья Дмитриевна, порвав с привычным укладом жизни, последовала за мужем подобно десяткам других жён декабристов.

В 1854 году Михаил Александрович вернулся из ссылки. У него подорвано здоровье, отнято будущее. В 1854 году он скончался. Наталья Дмитриевна осталась одна: четверо её сыновей умерли, не достигнув зрелого возраста.

Наталья Дмитриевна не забывает о сибирских друзьях, переписывается с ними, особенно с И. И. Пушным. Ониверяют друг другу сокровенные мысли, и 23 декабря 1855 года Пущин впервые обратился к ней на «ты».

В 1856 году Фонвизина уезжает в Тобольск. Там Пущин делает ей предложение. Она смутилась, сказала: «А люди что скажут? Ведь нам обоим около 100 лет». Он улыбнулся: «Не нам говорить о годах. Мы оба молодого свойства, а людей, что же мы обидим, если сочтемся?»

Они обвенчались 22 мая 1857 года, а через 2 года И. Пущин, успев опубликовать свои «Записки о Пушкине», скончался.

После его смерти Наталья Дмитриевна уедет в Москву, где и проживёт последние 10 лет. Там она напишет свою «Исповедь». Рукопись сегодня находится в одном из центральных архивов. Это действительно исповедь, написанная Натальей Дмитриевной своему духовнику.

Профессор Лебедев Ю.В. в статье «Художественный мир Пушкина», (Костромская писательская организация, 1999 г.) пишет: «Вдохновение мыслится Пушкиным как интеллектуальное прозрение. Такое прозрение нуждается прежде всего в даре восприимчивости, в «особом расположении души живейшему принятию впечатлений».

Конечно, А.С.Пушкина не могли не «впечатлить» некоторые факты биографии Фонвизинной. С уверенностью можно сказать, что он знал историю женитьбы Михаила Александровича и Натальи Дмитриевны.

Кстати, в первых черновых вариантах «Евгения Онегина» известные строки звучат так: «Её сестра звалась Наташа».

В 30 годы прошлого столетия Воскресенскую церковь постигла участь многих русских храмов. В августе 1940 года решением Мантуровского райсовета он был переоборудован под школу-десятилетку. С 1942 года по август 1944 года в здании церкви находился детский дом для эвакуированных из Ленинграда детей. Один из его воспитанников-известный скульптор член Союза художников России Лев Разумовский собрал и опубликовал воспоминания ленинградских детей, живших в Угорах во время Великой Отечественной войны. (Разумовский Л. Дети блокады. – Часть 2. – С. Петербург. – 2000г.).

КОСТЮМА

После войны здание церкви было передано местному колхозу, который использовал храм для своих производственных нужд. В середине 80-х гг. 20 века пожар разрушил крышу внутреннюю часть храма.

В последние два десятилетия усилиями местных властей, благотворителей и местных жителей храм постепенно восстанавливается. Сейчас в нём уже проходят службы. Старейшая в области обитель веры, красоты и благочестия продолжает жить как православный храм.

Постскриптум.

А.С. Пушкин полагал, что Православие накладывает свою печать на своеобразие русской национальной истории. «Поймите же и то, что Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европой, что история её требует другой мысли, другой формулы...»

Думается, что сегодня сказанное великим поэтом в начале 19 века как никогда актуально...

III. ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО КОСТРОМСКИХ АВТОРОВ

ПОЭЗИЯ

ОЛЬГА КОЛОВА родилась в 1965 г. в д. Григорово Парфеньевского района. Окончила Матвеевскую среднюю школу и шесть лет работала в сельской библиотеке. Стихи начала писать ещё в школьные годы. Публиковалась в альманахе «Остров» (СПб) и в журналах «Reflections» (North Carolina), «Русский путь на рубеже веков» (Ярославль), «Коростель» (М.), «Защити меня» (М.). Автор четырёх поэтических сборников: «Пугливая птица», «Здесь, в России», «Любовью и болью», «К светлой высоте» и книги историко-краеведческих очерков «Село Матвеево». В 2009 г. стала дипломантом международного Конкурса авторов художественной и научно-популярной литературы для детей и юношества имени А.К. Толстого. Живёт в Костроме. Член СП России.

Наш Пушкин

На стыке двух тысячелетий,
«Камо грядеши?» говоря,
К нам входит каждая заря,
И мы смущаемся, как дети.
Гадаем, спорим всё о том,
Куда идём, что с нами будет...
И вот сквозь сутолоку буден
Вдруг – Пушкина раскрытый том.
Взяв в руки: ладно, отдохнём,
Отбросив времени приметы.
Но явит наши же портреты
Вдруг Пушкина раскрытый том.
Да! мы себя в нём узнаём, –
Души волнения не спрячем.
И станет и живым, и зрячим
Вдруг Пушкина раскрытый том.
Там – всё: любовь, война и дом,
И... с доблестных времён Гомера...
И всех вещей ЦЕНА и МЕРА.
Да! – Пушкина – открытый том.

Из детства

*На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
А.С.Пушкин*

Помню, мама на взгорке косила траву за деревней.
Аромат земляники мешался с подвядшей травой.
Летний день мне казался всей будущей жизни безмерней.
Под черёмухой отдых блаженный в полуденный зной...
За дорогою рожь васильками задорно манила.
Ветер тёплый игриво в ней волны, как в море, гонял.
Деревенское детство моё очаровано было
Этой ширью и далью в присутствии светлых Начал.
А за нами – деревня с простым и привычным укладом.
В каждом доме хозяйка радушно на чай пригласит
И медком угостит, споро баньку спроворит (всё ладом!).
В поздний час заглянул, – сеновал для ночлега открыт.
С трёх сторон обнимали деревню таёжные дали:
Сотни вёрст распахнул перед взором лесной океан.
Меж уговоров две речки лесные проворно бежали,
По утрам пеленая округу в молочный туман.
Здесь бездонная синь опрокинулась в детскую душу,
А бескрайняя даль научила не ведать границ,
Окрылив и возвысив. И щедрый тот дар не нарушив,
Я стихи выпускаю, как детством завещанных птиц.

ВЛАДИМИР ПРОСКУРЯКОВ родился в 1952 г. в Костроме, окончил музыкальное училище, юридический институт, Академию МВД СССР. С 1997 года проживает в г. Волгореченске Костромской области. Поэт, прозаик, публицист, член СПР. Изданы сборники «Зеркало», «Просто – жить...», сборник пародий «Сыромятина», сборник прозы «Перепутье». Стихи опубликованы в журналах «Молодая гвардия» (Москва), «Русский писатель» (СПб), «Арина» (Н.Новгород), «Сура» (Пенза), «Кострома литературная»; интернет-изданиях «Великоросс» и «День литературы». В 2021 году за заслуги в области литературы награждён ведомственной наградой Министерства культуры РФ и СПР – медалью им. М.А.Шолохова Заместитель председателя Костромской областной писательской организации. Лауреат Областной премии имени А.Ф. Писемского 2022 г.

А.С. Пушкину

Прости, пиит, твоим сонетом,
Твоей изысканной строфой
Упьюсь я ныне, но при этом
Бесчестно краденой строкой
Не соблазнюсь для-ради славы,
Ведь до тебя, рассудим здраво,
Мне далеко, и даже лесть
Не даст забыть мне, кто я есть...
И вот, томим душевным зудом,
Рифмуя нужные слова,
Я нахожу с трудом, едва,
Те, что явились словно чудо,
Как откровенье в час ночной
Под безмятежною луной:

«Вы на меня взглянули строго –
И я вас вспомнил в тот же миг...
Не беспокойтесь, ради Бога –
К седым вискам бесстрастный лик
Давно примерил я и вида,
Что нами что-то пережито
В те сумасбродные года,
Что мы знакомы – не подам.

Расстались, не оставив сплетен,
Без обвинений и обид...
Никто о нас не говорит,
А это любят в нашем свете.
Ну, подыграйте ж мне, мадам –
Сейчас меня представят вам!»

Такая тайная интрига
И ваши трогала уста,
Любви прочитанная книга
У всех по-разному толста...
Когда б не мода на дуэли
(Какая дикость, в самом деле!),
Кто знает – сколько б новых лиц
На нас взглянуло со страниц
Той сокровенной книги вашей,
А сколько родилось поэм
(Для них достало б новых тем) –
Одна другой светлей и краше,
Стихов прекрасных добрый дух
Ласкал прелестниц нежный слух.

И пусть поэту славу прочат –
Увы, история права:
Чем выше стих, тем век короче,
Но тем бессмертнее слова.
Пусть у творца недолги годы –
Ему сложить успели оды,
И даже гибельный свинец
Не положил тому конец.
А я – почти два ваших века
Отмерил, но на свойский лад:
Шагал, не пятился назад,
Храня значенье человека,
Но не считал при этом, нет,
Что я – действительно поэт!

НАТАЛИЯ МУСИНОВА родилась и живёт в Костроме. Член СПР, доктор культурологии, профессор. Произведения печатались в журналах: «Юность», «Молодая гвардия», «Heimat» (Германия), «Русский путь на рубеже веков» (Ярославль), «Площадь Первоучителей» (Мурманск), «Арина» (Н.Новгород), «Литературный Тамбов», «Кострома литературная», «Губернский дом» (Кострома). Автор шести художественных книг: «Страна ветров», «Аллегория счастья», «Футуристические накурсии», «Дверь с серебряным колокольчиком», «Перформанс чувства», «Дедовы часы». Победитель международных литературных конкурсов: «Серебряный стрелец», «Deutsche aus Russland», «Новые писатели», «Золотая строфа». Лауреат премий имени А.Ф. Писемского и имени Д.С. Лихачёва, Всероссийской литературной премии «Слово» и издательства «Российский писатель» (2021, 2023 гг.). Председатель Костромской областной писательской организации.

КОСТРОМСКАЯ ОСЕНЬ

цикл стихов

к 225-летию со дня рождения А.С.Пушкина

*Каждый поэт имеет право
на свою Болдинскую осень...*

Солнце души

Всё – для тебя! Только пиши!
Золото листьев аллея...
В каждом из них – солнце души.
Хочешь? Сорви и проверь!

Ветер к твоим сыплет ногам
Сотни вселенских колец.
Тихо войди в Солнечный Храм,
Как просветлённый мудрец.

Пусть суета будничных дней
Мимо стремится рекой.
Ты не спеши. Просто поверь:
В каждом мгновеньи – покой.

«Времени нет!», – скажет поэт
И, улыбнувшись, уйдёт...
Ну, а за ним Осени след
Искрами смыслов блеснёт.

Многозвучие Осени

Многозвучие Осени –
Поднебесный оркестр.
В нашем городе с проседью
Много зрительных мест.

Всюду – зданья старинные –
Девятнадцатый век,
И аллеи картинные –
Траектории бег.

Между прошлым и будущим
Город будто завис.
Смотрит зритель чарующе
Из-под сводов кулис

Разноцветного пламени.
Дирижёр, подожди!
Так красиво и камерно!
Ну а завтра – дожди...

Октябрьские акварели

Октябрьские акварели
Размыты ночным дождём.
Иду по сырой аллее
И думаю, что потом?

А дальше – снега и стужа –
И вот уже минул год.
Осенний мотив не нужен.
Осенний контекст пройдёт.

Как так? Ведь сиюминутность
Не менее чем важна.
В ней – времени атрибутность,
В ней – памяти имена.

Нет большего откровенья,
Чем краткий октябрьский день.
А дальше – река забвенья
И зимней мороки тень.

Осенний мотив не нужен,
Октябрьский пейзаж размыт.
Иду по небесным лужам,
И плачет душа навзрыд.

Расколот мир

Расколот мир на «до» и «после».
Идут дожди.
Небесной армии Апостол,
Меня дождись.

Промозглость, гашеная снегом,
Болит в груди.
Не вижу больше смысла в беге –
Ты подожди.

Быть может, я ещё успею
На этот рейс.
В холодной «банковской» аллее
Оставлю кейс.

И, может, кто-то очень смелый
Его найдёт.
И смыслов личные пределы
С ним обретёт.

Вот только вечер – на исходе,
И смазан путь.
Да и нелётная погода,
Ну, как-нибудь

Сомкнушь до веточки кленовой
В который раз
И разомкнушь весною новой
Не напоказ.

И обрету другое имя,
Иной почёт,
Но ненадолго, вновь предзимье
Предъявит счёт.

А там запросы будут жёстче,
И боль сильней.
Смотри, как Осень клён полощет
В потоке дней.

Последние листья

Больше не надеюсь. Ожиданья смяты.
Вечером осенним падают утраты.
И ложатся тенью прямо к изголовью.
Ты пришел последним в серое безмолвье.

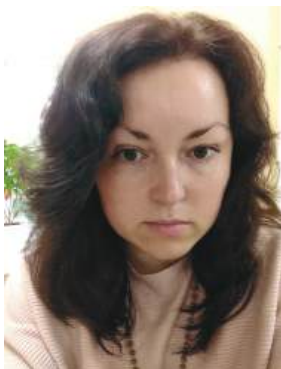
Там ни зим, ни вёсен, ни любви, ни страха,
Ни гуденья сосен, ни звучанья птахи,
Ни разливов млечных, ни сияний звёздных,
Только голос вечный: «Возвращаться поздно!»

И ложатся листья на мои ладони...
Ни обид, ни смыслов, ни тоски, ни воли.
Только – как молитва – стрелки циферблата
Отмеряют ритмы: «Я не виновата!».

Отчего же сердце бьётся в исступленьи
О твоём прощеньи, о твоём спасеньи?

Осень 2023 г.

ЕКАТЕРИНА КАРГОПОЛЬЦЕВА родилась в 1982 году в с. Верхнеспаское Пыщугского района Костромской области. Окончила филологический факультет КГУ им. Н.А. Некрасова. Живёт в Костроме, работает методистом в Костромском областном Центре «Одарённые школьники». Член Союза писателей России, руководитель Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации, член правления Костромской областной писательской организации. Автор поэтических сборников «Бессонница» (2011), «В уединении» (2018). Участница всероссийских совещаний молодых писателей в городе Химки (2018 - 2022 гг.). Стихи публиковались в региональных, всероссийских и зарубежных изданиях.

Из цикла «В Михайловском»

Дом у излучины.

Бликами, пятнами,
Лёгкой текучестью радужных линий
Млеет вода в тихий полдень.

Отрадно мне
Видеть всё это сейчас и отныне...
Чувствую, светлой печали покорная,
Будто всего лишь на прошлой неделе
В томную заводь и даль заозёрную
Тоже глаза его долго глядели...

12 августа 2017 г.

Стихотворение

Полюявь, как морок винный...
И сплетаются слова
Вязкой нитью паутинной
Тонко в сети-кружева.
И покорный лист безволен...
А спешащая рука
В сладкой прихоти раздолбя,
Точно бабочка, легка...

***

Над толпою изредка взлетая,
В тесноте гудящего Арбата
Голубей разбросанные стаи,
Словно войско ангелов крылатых.

Не хотела! Только вот попалась...
Как ни лги, душа совсем не камень...
Я иду смешная, озираясь,
Семена неровными шагами.
Всё слилось в едином долгом звуке,
Не видать сему конца и края:
Здесь поют о боли и разлуке,
Там же песня слышится другая.

Ах, Арбат! В растерянности взмокнув,
Битый час искала я не это...
Я пришла взглянуть хоть раз на окна
При царе опального поэта.

***

Ноябрь.

Четвёртый день подряд
Изорванное небо, скорчившись от боли,
Бросает в ярости то дождь, то снегопад
На голый лес и бронзовое поле.
Но на душе ни горя, ни тоски...
Забыты мелочи.

И в торжестве покоя
Всё больше кажется, что мы с тобой близки,
Как никогда!

...И нас на свете двое.

Гурзуф

С.Ю. Сахаровой

Закат опять безоблачно-лилов.
И тёплый бриз, подкрадываясь, вскоре
Наполнит кров дыханьем сквозняков
И в нём оставит волглый воздух моря.

А через час, накинув длинный плат,
Неслышно ночь придёт под окна с миром...
И станет вдруг янтарный виноград
Неотличим от спелого инжира.

Легнее

В бессвязном шёпоте ночном,
Совсем не следуя приметам,
Вошло легко в мой сонный дом
Преград незнающее лето.
Ликуя, радуясь, оно
В счастливом бреде – стоязыко!
И разве важно, как давно
Здесь тихо горе кто-то мыкал?
Глядит в глаза, глядит, глядит...
Щебечет рифмы не смолкая.
Как будто хочет, чтоб гранит
В душе моей, как лёд, растаял.
И я – притихшая – молчу.
В окно сочится свет пунцовый...
Ну, что ж, стоокое, врачуй!
Тебе довериться готова.

***

Влетела бабочка в окно.
Меня совсем не замечая,
Порхала солнечным пятном
Над кипой книг и чашкой чая,
По горсти брошенных конфет...
И ей в безмолвном царстве книжном,
Казалось, вовсе дела нет,
Что я слежу за ней недвижно.
Беспечной радости полна –
И своевольна, и дичлива –
Кружила в комнате она
И мнилась мне почти что дивом.
...Нарушив мой дневной покой,
Легко скользнула в полог белый
Гулявших штор, а я с тоской
До темноты в окно глядела.

***

Лёгкой тенью бестелесной
В странной яви полусна
Ангел Божий, светлый вестник,
Встал у тёмного окна.

И, познавши дух недужный,
Всё глядел в мои глаза,
Выстилая белью व्यужной
Невозвратный путь назад.

...Я, смиренная, молчала.
Тишиной со всех сторон –
Безглагольной, небывалой –
К сердцу шёл церковный звон.

Элегия

Время потоком стремящихся лет
Смоет ненужное, скроет недужное,
Сердце остудит...

И прошлого след
В лёд закуёт седовласая व्यужная
Поздняя осень –
глухая пора
Бренного возраста...

И оправданием
Тихой оседлости будет не страх
Смерти,
а просто её ожидание.

ТАТЬЯНА ЖИЛЬЦОВА родилась и проживает в городе Шарье. В 1989 году окончила Ярославский университет. Более двадцати лет работала директором Центра психолого-педагогической помощи. Первое стихотворение написала в 9 лет, но более осознанно начала писать уже в зрелом возрасте. Свои стихи размещает на сайте «Стихи.ру» под творческим псевдонимом Серафима Беляева. В 2020 году выпустила сборник стихов «Сквозь отражение». Публиковалась в журнале «Великоросс», альманахе «Кострома», альманахах РСП.

*Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!*
А.С. Пушкин

Ноябрьский вечер

В тумане ноября нагие силуэты
Взлохмаченных берёз теряются вдали...
Дорожки во дворах усеяны приметной,
Ржавеющей листвой. Немые фонари

Мерцают в тишине, взирают с состраданьем
На влажную листву, на голые стволы.
Повисло на ветвях немое ожиданье,
Опутало дома холодной сетью мглы.

У окна

Дождя серебряные струи на мокрый шёлковый асфальт
Стекают. Длинные фигуры кривых людей сбегать спешат

Из поля видимости окон. На теле тонкого стекла
Свободных мест от вдохновенья не оставляют небеса.

Дождя извилистые тропки с души моей смывают боль.
Водою внешне омоют жизнь, возрождённую весной.

С листвою яблоневого сада, в цветеньи розовой фаты
Лучом непрожитого счастья на краткий миг вернёшься ты...

Повторение темы

Меняются лица. Итожат морщины борьбу
Нетленного с бранным. Нетленное вновь побеждает.
А бранные лица с бредовым запалом рождает
Опять и опять. Но, увы, в этом мире всему

Приходит конец. Бесконечна лишь суть бытия,
Щемящая жажда законы постичь мироздания
И лезвием душ обнажённых царапать страдания
На коже жизни, в них увековечить себя.

Сквозь времени веки и памятных дат лабиринт,
Минуя изысканность вычурных фраз, изворотов,
Мне девочка-детство ладошку протянет так просто
И скажет наивно, доверчиво: «Надо любить».

Мы все спешим, торопимся

С утра спешим, торопимся.
А мудрая зима,
Вдоль, поперёк полотнищем,
Укутала дома.

Лохмотья, клочья рваные,
Пропахшие весной,
Разбитой в хлам, дырявою
Обрушились стеной.

Потупив взор, пингвинами
Прохожие снуют,
В такую рань покинули
Привычный им уют.

Ещё б лежать, и нежиться,
И кофе попивать
С хрустящей коркой свежую.
Опять нырнуть в кровать.

На остановке, съёжившись,
Поканепаассажир
О будущем тревожится,
Забыл, куда спешил.

И небо синее, и солнце лучезарно.
И на крыльце подтаял след едва-едва.
А все дороги – в рыхлой каше и коварно
Пестрят зияющими ранами из льда.
И так раз пять на дню: то медленной капелью,
Пока не громкой, прорывается весна;
То дикий танец разгулявшейся метели
Наш тихий дворик пробуждает ото сна.

Дождливо

Дождливо не по-летнему. Винил,
Качаясь, ретро-шлягером скрипит.
Унылые, засохшие цветы
Повисли в вазе. Мирно кошка спит
Под мерный стук по стеклам с высока.
Обыденность и сумрачный уют.
И с юности знакомая тоска,
Всецело заполняющая грудь,
Щемящая. Мельканье в зеркалах
Размытых лиц. Движение портьер.
И времени безмолвная волна
Стекает с неизбежностью потерь.

Лоскутки

Недели осыпаются со времени
И, канув в вечность, в прошлое летят,
Во след листве осенней. Ожерельями
Из бусин бурых наш усеян сад.
И трав пожухлость и опустошение,
И жирной точкой – чёрная земля.
Сияет даль в немом оцепенении,
И мчатся прочь седые облака.
Слоняется озлобленным отшельником
Холодный ветер, свой кидает взгляд
То вверх, то вниз. Скупые понедельники
Хандру и морось серую сулят.
Да ну их, понедельники – к бездельникам!
Украсим смыслом будни и холсты,
Соединим любви стежками мелкими
В орнамент яркий жизни лоскутки.

АННА АЛАПИЙ – поэт, прозаик, переводчик, член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации. Родилась в п. Лопарево, Галичского р-на в 1983 году. Участник Костромского областного фестиваля стихов 1997 года, дипломант и призёр конкурса по литературному краеведению, посвящённому 200-летию А.С.Пушкина (1999 г.). Стихотворения публиковались в региональных и муниципальных изданиях. Участник коллективного сборника «По зову слова» (г. Шарья). Участник I межрайонного литературного фестиваля имени Л.Н.Попова, призёр III Международного конкурса им. А.Н.Плещеева в номинации «художественный перевод». Член жюри IV областного литературного конкурса СМЛ «Литературный Дебют».

Письмо Александру Сергеевичу

Здравствуйте, любезный Александр Сергеевич,
Вот уже и тридцать седьмой мне миновал,
Не могли б прислать мне шляпу, что имели Вы,
Чтоб повыше быть мне и попасть на бал?

Доложите, милый Александр Сергеевич,
И картуз с черешней, спелой как рубин.
В споре, что за правду, буду даже злее Вас,
Но никто не будет косточкой убит.

Ох, везёт Вам, славный Александр Сергеевич,
В ссылку – к маме с папой, к няне – под крыло,
Острый свой язык я прикушу покрепче:
Было время дивное, да уже ушло.

Будем прощеваться, Александр Сергеевич,
Осенью, как водится, встретимся в стихах,
Ведь в снегу по пояс, что у Черной речки,
Пуля беспринципная не настигла Вас.

2020 г.

***

*... Ум ищет Божества,
а сердце не находит
А. С. Пушкин «Безверие»*

В минуты Богом данной тишины
Я преклоню колени ТАМ, где БУДУ.
О, Господи, прости, что как Иуда...
Молюсь я: «Ты Прииди и Вселися в ны...»

И дерзновенности – на маковое семя,
Прости меня, я, яко же разбойник,
Исповедаю Тя в такое время
И ставлю я свечу... на подоконник.

Во Храме Гроб Господень пуст:
Всепобеждающ Бог и Всеобъемлющ –
Не слышно мне, но Ангелы поют:
«Господь средь Вас, молитвам Вашим внимлет!»

Соделай дом наш скромный, яко Храм:
Времённый, малый, но необходимый,
Чтобы летала по сухим губам
Святая песнь – наследье Херувимов!

Христос из мёртвых встал и воссиял:
Любовью и Его Святою Кровью,
Он Смерть безмощных узников попрал,
Творя Его Отеческую Волю.

2020 г.

***

*Жеманный кот, на печке сидя,
Мурлыча, лапкой рыльце мыл,
То несомненный знак ей был,
Что едут гости....
А. С. Пушкин «Евгений Онегин»*

Ты не пришёл, а я не перестану ждать:
На звонкий визг залиvistый собачий
Я буду снова, снова выбегать...
Мой чуткий человек, друг в облике кошачьем,
Хочу я убедить себя: А вдруг...
Ты не пропал, а лишь, свободный по натуре,
Ушёл, чтобы прийти, закончив путь, как круг,
Мяukнув мне привет на утренней лазури.

2021 г.

ОЛЬГА УЛАНОВА - поэт, романист, член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации. Член жюри Областного конкурса юных поэтов и прозаиков «Литературный дебют», наставник начинающих авторов. Родилась в 1979 году в г. Долгопрудном Московской области. С 1993 года проживает в г. Солигаличе Костромской области. Член литературного объединения «Светица» (г.Солигалич), участница проекта «БиблиоЛига». Издан сборник стихотворений «В ожидании чуда», имеет публикации в литературных сборниках и журналах Костромской области.

*«Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел»
А.С. Пушкин «К Жуковскому»*

Маленький поэт

Мальчишка, где-то лет шести,
Выводит буковки, стараясь.
Он пишет первые стишки
Чему-то в мыслях улыбаясь.
Пусть строчки детские смешны,
Чуть-чуть наивны и нелепы,
Они души не лишены,
Они теплом его согреты...
Но вот чернильное пятно,
Упав, испачкало штанишки.
Он не заметит всё равно,
Ведь перед ним четверостишье!
Он слышит мать: «Diner, garçon!».
Зовут к обеду по-французски...
Последний штрих. Взмахнув пером,
Он подписался: «Саша Пушкин»

Зимний вечер

Мороз окутал окна в кружева,
И превратился в сказку зимний вечер.
Чтобы чуть-чуть добавить волшебства,
Давай зажжём сегодня в доме свечи?
Мы так давно не виделись с тобой.
Твой путь домой был долгим и тернистым.
Я знала, что вернёшься ты зимой,
Под Новый год, со снегом серебристым.

Давай немного посидим вдвоём?
И, наслаждаясь долгожданной встречей,
Горячий кофе в чашки разольём...
А я накину плед тебе на плечи.
Дрожат ресницы в отблеске свечи,
И кот пригрелся на твоих коленях.
Ты отдохни с дороги, помолчи,
В душе почувствуй умиротворенье.
Поверь, что я, всегда тебя ждала.
Мне показалось – пролетела вечность!
Мороз окутал окна в кружева
И превратился в сказку зимний вечер.

Осень

Распустила осень золотые косы,
Распрягла крылатых ветреных коней,
Потемнело небо, индевеют росы,
Дождик монотонный с каждым днём сильней.
Лист кленовый в луже вальс прощальный кружит,
Рядом пьёт водицу серый воробей.
Осень подарила сырость, слякоть, стужу,
Да охалку листьев у моих дверей.
Стройной вереницей улетели птицы
В страны, где всё время жарко и светло.
У людей с зонтами помрачнели лица,
И вздохнул прохожий, кутаясь в пальто.
Только вот природе в радость непогода.
Засыпают крепко реки и леса.
Хрусталём застыла влага в небосводе.
Даже в увяданьи есть своя краса.

Зимняя ночь

Мороз под тридцать, мёрзнут руки,
И я, как мученик науки,
Как седовласый звездочёт,
Считаю звёзды ради скуки,
Хотя давно потерял счёт.
Какая ночь! Кристально небо.
В мечтаньях я: умчаться мне бы
В его незаблемую даль,
На вкус свободы бы отведать...
За миг – полжизни мне не жаль.

А снег, под стать небесным чарам,
Сияет ледяным пожаром,
Готов всю землю он спалить.
Его сияние не даром
С алмазным пробуют сравнить.
Луны всевидящее око
С небес взирает одиноко
На этот сказочный пейзаж,
Где, подбоченьясь, клён высокий
Стоит, как королевский паж.
Где спят усталые берёзы,
Где я в свои впадаю грёзы,
От восхищения горю...
Почти не чувствуя мороза,
Заворожённая стою.

Святки

Зеркала я ставила,
У свечи воск плавила,
Сапожок кидала,
На него гадала.
Суженый мой ряженный,
Пиджачок наглаженный,
Приходи скорее,
Я тебя согрею.
На дне чашки с кофе
Я искала профиль,
В воска рваные края
Долго вглядывалась я.
Ряженный мой суженый,
Брючки отутюжены,
Нет тебя милее,
Приходи скорее...
Под подушкой кушачок,
Пусть приснится мужичок,
Статный да красивый,
Только б не ревнивый.
Только чтоб у молодца
Раньше не было б кольца,
В святки я просила
У нечистой силы.
В окна стужа вьюжила,
Не явился суженый.

Так и не узнала,
На кого гадала.
Только как-то по весне
Подошёл вдруг ты ко мне...
И живём мы слаженно,
Суженый мой, ряженный.

О поэзии

Писать легко, непринуждённо,
Меня учил один поэт,
Чтоб песня строк новорождённых
В сердцах хранилась много лет.
Чтоб томных слов переплетенье
Слиянием слащавых фраз
В мои мгновенья вдохновенья
Переливались как алмаз.
И чтобы я не ради скуки
Вникала в нужды бытия,
Впадая в творческие муки,
А ради собственного «Я»!
Но, Боже мой, к чему мне слава,
Зачем мне лавры и почёт?
Моя поэзия, как лава,
Рекою бурною течёт.
Неуправляемое русло
Разбушевавшейся стихии:
Слагать по-своему, по-русски;
И о любви, и о России!

АННА ХОЗИЕВА – поэт, руководитель молодёжной литературной студии им. В. Ильиной, член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации. В 2015 году заняла 2 место в конкурсе «Поэтическое ристалище» (Карелия). Участвовала в мероприятиях: «Библионочь», «Ночь искусств», «БиблиоЛига», «Ночь музеев» в Костромском архитектурно-этнографическом музее-заповеднике «Костромская слобода»; в тематических вечерах, посвящённых поэзии Серебряного века; в вечере памяти В. Пашина; в фестивале «Дыхание города». В 2016 году награждена Благодарственным письмом департамента культуры Костромской области «За активное участие в мероприятиях Года литературы». В 2020 году вышел первый сборник стихов «Исполненное». Заняла 3 место в Областном конкурсе поэзии имени А.В. Беляева в номинации «Война и Мир» (2023 г.).

*Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить, и глядь – как раз умрём.
А.С. Пушкин*

***

Любить бы тех, кто любит нас,
Не обмануть того, кто нам поверил,
Согласно с прошлым жить сейчас,
Не отходя от благородной цели.

Не обмануть того, кто нас простил,
За чистоту бороться покаянья,
И тех, кто в душу нас свою впустил,
Беречь обиды, радости, страданья.

Пусть будет так, по Божьему велению:
Великому лишь отдавать бы честь,
По милосердию – благодаренье,
По ожиданию – благая весть!

2011 г.

Философское

То, что хотел сказать и думал, всё сказал,
И смыслов никаких не ощущаю.
А если кто меня когда не понимал,
То за непонимание прощаю.

К чему искать какой-то скрытый смысл,
Когда и так довольно всяких смыслов?
Я прост и чист, как тот бумажный лист,
Который не измят и не исписан.

Я где-то чёрств и где-то даже груб
И не всегда готов на сострадание.
Я иногда бываю слеп, бываю глух,
По обстоятельствам, скорей, не по желанию.

И что с того, что, как Пигмалион,
Люблю свои труды, свои творенья? –
Зачем бы матерью ребёнок был рождён,
В которой не было б к любви стремленья?

2015 г.

***

Я вижу отблеск бело-лунный
И слышу звук надрывных струн,
Как мост качается чугунный
Под бури ежедневных дум,
Как в поворот за перекрёстком
За сапогом метнулась шаль,
Как разлетелось отголоском
Увы, беспомощное «жаль».
Рассвет, наверное, не встретит
Восторженных влюблённых лиц...
Луна белеет, а не светит
Из-под опущенных ресниц.

7.11.2018 г.

***

Мы сами жить по-божьи не умеем,
Мы ждём, когда яснее станет воля Божья.
От ожидания – открытие ценнее
И отношение теплей и осторожней.
Ничто не поглощает так, как мысли,
В блуждании дум быстрее заблудиться.
Мы думаем о некоем скрытом смысле,
А надо бы пойти и помолиться...

2017 г.

***

Ругай себя как можно чаще
И перемалывай внутри.
Тебе бы сахара послаще,
А нет же, – соли пуда три!

Жалей других ты, сколько хочешь,
Не зная жалости ничьей.
Ты, господин, – чернорабочий,
И вряд ли выразусь точнее.

2019 г.

АЛИНА РАЗГУЛЯЕВА (Коногорова) окончила институт им. К.Д. Ушинского, журналист. Поэт, член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации, член жюри Областного конкурса «Литературный дебют», участница областной литературной онлайн-гостиной «Живое слово» для молодых авторов. Стихи публиковались в литературном альманахе «Кострома», международном литературном альманахе современных авторов «Лили Марлен», в одном из сборников «Литературная Евразия», в литературном сборнике «Раны» (издательство «Перископ-Волга»).

***

*Она с величием, он с разумом в очах –
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.
Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.
А.С. Пушкин «Мадонна»*

Такая нежная и родная,
Одновременно своя, чужая,
Передо мной словно сахар таеть
И я – в ответ.
Такая страстная к жизни, к миру,
Ко мне магнитом, ты словно лира,
И вкупе с честностью и улыбкой,
Ты ясный свет!
Смотрю в глаза, и я снова дома,
И чувства наши, что аксиома,
И ты целуешь душой и сердцем,
А я – в ответ!

***

В ней совокупность всего, что только может быть в этом мире!
От трагедии до самой глубокой лирики!
Она словно огромный роман-эпопея,
Она – фарс, шарм, фея!
За ней сложно угнаться, она не стоит на месте,
Сегодня она здесь, а завтра в Испании на фиесте.
Ею хочется надышаться, напиться,
Она – та самая, неуловимая птица.
И ты бы весь мир положил у её ног,

Но ты далёк от неё, очень далёк.
И не потому, что ты «не дотягиваешь»,
Тебе нравится быть зрителем, ты рассматриваешь.
И думаешь, что однажды она сядет рядом,
Устанет летать по миру и собирать взгляды.
Что ей надоест собирать моменты и впечатления,
Она оставит всё, ради тебя, гения!
И вдруг поймёт, что её преданный зритель,
На самом деле, лучший её сожитель!
Перестанет порхать, станет сидеть на месте
И наконец, вы будете с нею вместе!

Но, по-настоящему, мудрой, прекрасной женщине
Не нужен мужчина, который бездействует!

***

Она пахнет тёплым и влажным летом,
Когда наступает вечер, ладони ещё сырые.
На ней отражаются звёзды холодным светом,
И кажется, чувствуешь всё впервые.
А нежный вздох её шелковых прядей
Порхает словно бабочка среди поля,
И ты говоришь себе: «Мы засядем...»
И понимаешь, как будет больно,
Если закончится всё вот на этой ноте
И незнакомка останется лишь прохожей.
Не бойся вдруг закричать: «Постойте!»,
Если чувствуешь дрожь по коже.

***

Девушка без адреса, отчества, имени,
Она прошла мимо, мимо тебя и твоей фамилии.
Ты не успел к сердцу её, как на поезд дальнего следования.
И она уехала, не оставив даже и следа.
Зато она оставила отпечаток
На руке твоей, будучи без перчаток.
Случайно задев тебя, прошла сквозь твою страницу,
Перечеркнув её, вспыхнула как зарница.
И из головы теперь не выходит
Девушка, что без перчаток ходит.
С нежными, ласковыми руками
Будет отныне с другим, не с вами.
Милая, добрая незнакомка
Могла быть твоей,
Но ты думал долго.

ДМИТРИЙ СОБОЛЕВ – поэт, композитор, педагог, член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации. Лауреат музыкальных и поэтических конкурсов. Автор четырёх сборников песен для хоровых коллективов и сборника композиций для фортепианных ансамблей. В 2012 году окончил музыкально-педагогический факультет КГУ им. Н.А.Некрасова по специальности «Музыкальное образование». В 2016 году стал членом Российского союза писателей. С 2016 года работает преподавателем фортепиано и концертмейстером в ДМШ № 8 г. Костромы. Его произведения исполняются на концертах и конкурсах творческими коллективами в России (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург) и за рубежом (Казахстан, Беларусь).

*Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами — себя
А. С. Пушкин «Евгений Онегин»
Глава II. Строфа XIV*

Искусство

Я тогда не ценил это время
Беззаботных наивных утех,
Где дружить можно было «не с теми»,
Да и не было рядом «не тех».

И не то чтоб сейчас сердцу грустно,
Или в душу закралась печаль,
Но дружить – это тоже искусство,
Что не ценят порою... А жаль.

Я хочу сохранить это время
Беззаботных наивных утех,
Где, бывало, дружил я не с теми,
И любил очень часто не тех.

Бродяга

Давным-давно устав от лжи,
От клеветы и злобы,
Решил я в странствиях прожить
Все отведённые мне годы.

И много лет прошло с тех пор...
Изведал я немало
Степей, лесов, скалистых гор.
Но легче ли мне стало?!

Печаль сбивала с ног меня,
Тоска закралась в сердце,
Как раньше, сидя у огня,
Уже не мог согреться;

По дому загрустил душой,
Знакомых вспомнил лица...
И понял я, что час пришёл
Вновь к людям возвратиться!

И с той поры я стал все дни
Томиться без общения.
Зашёл однажды по пути
В какое-то селенье

И стал во все дома стучать,
И говорил чуть слышно:
«Я не хотел вам помешать,
Простите, что так вышло.

Я далеко держу свой путь –
Трудна моя дорога...
У вас недолго отдохнуть
Позвольте, ради Бога!

Еды в котомке больше нет,
И опустела фляга».
Но слышал я везде в ответ:
«Уйди с крыльца, бродяга!»

И так пройдя через село,
Побрёл я что есть силы...
Но было на сердце светло:
Дорога – дом мой милый!

Они

Они жестокими бывают,
Обидеть могут без труда,

Слова и клятвы забывают,
Их обещания – вода.

Они душой бывают лживы,
Не видят мира красоту;
Бегут по жизни за наживой,
Жизнь пропуская на лету.

Они не ценят, что имеют,
Живут как будто впопыхах;
Они раздор и злобу сеют,
В округе всё стирая в прах.

Они не могут жить в покое –
Им войны ближе и родней...
Но, несмотря на всё плохое,
Я всё равно люблю людей!

Во имя доброты

Как много мир нам дарит счастья,
Но из-за злобы и вражды
Мы, разрушая мир на части,
Теряем все его дары.

Не замечаем, как красиво
Сияют звёзды в поздний час...
И часто мы проходим мимо
Просящих помощи у нас.

Но если сердцем будет каждый
Всегда открыт беде чужой,
То исцелится мир однажды
Чудесной вечной добротой!

Хоть пусть бушуют бури с градом
Во время ссор между людьми,
Всё меркнет пред одним ударом
Всеобщей искренней любви.

Любовь жизнь делает светлее
И помогает осознать,
Что нужно быть ко всем добрее,
Что сердце может всё прощать.

Мы все в душе всё те же дети,
А у детей сердца чисты,
И как они, мы жить на свете
Должны во имя доброты!

Люблю

Люблю рассветы и закаты.
Люблю и солнце и луну,
И грома вешнего раскаты,
И ночи тёмной тишину.
Люблю я вой седой метели
И краснощёкий листопад,
И дробь застенчивой капли,
И весь в цветах зелёный сад.
Люблю я даль степи бескрайней
И высоту скалистых гор.
Люблю туман порою ранней.
Люблю спокойствие озёр.
Ни перед кем, и это точно,
Глубоких чувств не утаю...
Не стыдно мне признаться в том, что
Я мир люблю и жизнь люблю!

АЛЕКСЕЙ ШАРЛАЙ родился в 1957 г. в п. Долинка Карагандинской области (Казахстан). По образованию – гидротехник. Автор 29 книг стихотворений: детских, лирических, военных, а также книги басен «Медведь на царстве». Дипломант открытого Всероссийского конкурса, посвященного 250-летию со дня рождения И.А.Крылова В 2016 году стал лауреатом Всероссийского конкурса авторской песни и поэзии «Гринландия», в 2019 г. – лауреатом межрегионального фестиваля «Созвучие». Член Союза писателей России.

Усадьба Пушкиных – осколочек Руси былых времён

Давыдково – лишь часть того кристалла,
Осколочек Руси былых времён.
А сколь подобных миражами стало
Без мест, без документов, без имён.

Хвала неравнодушным; их стараньем
Не сотворён ещё один мираж.
И наше «Я» в гармонии с сознанием
Впадает здесь в духовный светлый раж.

Немало мест духовной русской силы,
Которых впору нам искать лозой.
Ах, сколько их в измученной России
Омыто поэтической слезой.

Душа моя тут Пушкина встречала,
Того. В сомненьях не ломайте бровь.
В таких местах берут свои начала
Поэзия, духовность и любовь!

31.05.2019 г.

***

*«Весну я не люблю; Весной я болен...
О, лето красное любил бы я тебя
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи»
А. С. Пушкин*

К началу ноября черней, прозрачней рощи.
На ветках кое-где последние листы
Студеный сиверко без усталости полещет.
Поля селянские унылы и пусты.

Ручей почти застыл, промоина на стрежне,
Над вязкою водой курит седым парком.
Всё больше тут и там виднеется заснежин,
Огромных, тёмных луж, покрывшихся ледком.

Не знаю как кому, но осень мне милее;
Спасение от мошек, комаров и мух.
Хожу по обнажившимся аллеям
И холод утренников взбадривает дух.

Как манна Божьей жду зимы грядущей
И помысли мои к прищелице чисты.
Зимой здоровья ради, как поэт – наш Пушкин,
Утрами кожу снегом тру до красноты.

Как любо походить по свежим хрустким снегам,
В сиянии луны их белый цвет нежней
И, отложив перо, заняться лыжным бегом
По кем-то загода проторенной лыжне.

Пора осенняя мне с юных лет за счастье!
Предтечу любых зимних холодов –
Туманов молоко как Божие причастие.
Душой поэта впитывать готов.

16.10.2023 г.

ДМИТРИЙ ХАЧАТУРОВ родился в 1975 году в Костроме. Учёба в школе с физико-математическим уклоном продолжилась выбором инженерной специальности в институте. Постепенно тяга к поэзии возобладала, перейдя в основное творческое занятие. Побуждением к литературному творчеству служит связь с Домом поэзии Андрея Дементьева в Твери. Публикуется со стихами и очерками в областном историко-культурном краеведческом журнале «Губернский дом», областной газете «Северная правда». Участвует в историко-культурном проекте «Костромичи – взгляд через столетие» (руководитель экс-мэр г. Костромы Б.К.Коробов).

За советом – к Пушкину...

*Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
А. С. Пушкин*

Александр Сергеевич,
Через два столетия
Жизни переменчивой –
Вновь к Вам за советом я...

Увлечён поэмами,
Вчитываюсь в прозу я –
С вечными проблемами,
С главными вопросами...

О судьбе и случае,
О любви и совести –
Ваш рассказ задумчивый...
Сквозь стихи и повести.

Времена московские...
И Петра творение –
Невское... Чуть броское
Общества строение:

С праздностью Онегина
И с мечтами Ленского...
Повесть и элегия
Распорядка светского.

Несмотря на сложности, –
Ваш поклон Отечеству...
Мысли о возможностях,
Данных человечеству!

Словно о теперешнем, –
Ваших строф истории...
С чувством жизни бережным –
Ваши аллегории.

С ритмом слога лёгкого –
Ваши озарения...
С мощью слова ёмкого –
Ваши откровения.

Искренний иронией
Нас Вы ободряете!
К истинной гармонии
Вы нас направляете.

Сказки – вровень с былями:
О князьях и подданных...
Чтобы дорожили мы
Темами народными.

Радость чтоб делили мы...
В горе вместе б плакали...
И добро творили бы –
Ближним вновь на благо мы!

Александр Сергеевич,
Движутся столетия...
Мы – в противоречиях –
Вновь к Вам за советами!..

27 ноября - 17 декабря 2023 г.

ЛАРИСА НОСЕНКО родилась в 1971 году в городе Буге Костромской области. Поэтическим творчеством занимается с 2016 года. Через издательскую систему «Ridero» опубликовала четыре сборника стихотворений. Печаталась в литературно-художественном издании «Авторы 21 века» (г. Саратов), в поэтическом альманахе «Слово Любви» (г. Барнаул, 2021 г.). Получила Диплом номинанта национальной литературной премии «Поэт года» за 2022 г. на всероссийском портале «Стихи. Ру». От Российского союза писателей получила свидетельство № 20230125-1 от 25.01.2023 года о праве ношения медали «Марина Цветаева». Член ЛИТО «Буйские голоса» имени В.М. Дробышева.

ВСЁ РАНЬШЕ БЫЛО ПО-ДРУГОМУ ...

*Настали святки. То-то радость!
Гадает ветреная младость ...
А.С. Пушкин «Евгений Онегин»*

I

Всё раньше было по-другому –
Как будто в сказке, только по-земному.
В сочельник – в небе яркая звезда,
И зимних праздников старинных череда.

Сначала Рождество, а после святки,
Да с шутками бродячие колядки.
Работать запрещалось, шить, вязать:
Обычай полагалось почитать!

Мелькали ряженные улицей, дворами,
Заваливать спешили вечерами!
Детей крестьянских озорные лица,
В Крещение в церквях – чиста водица.

В домах топились очень жарко печки,
Давно сковало льдом уже все речки.
При свечках в баньке девушки гадали,
Да в зазеркалье суженых искали.

Забавы зимние – прекрасные мгновения!
С начинкой пироги да вкусные соленья.
По чарке водочки согреться наливали –
В забытом прошлом весело гуляли!

II

Всё раньше было по-другому –
Как будто в сказке, только по-земному.
Мороз крепчает, в радость – ширь полей!
Раздолье! Мчится тройка лошадей!

Пусть всем порой давала стужа взбучки,
Но муфты тёплые спасали дамам ручки.
Накинутой горжеткой грело спинку,
Когда в каретах ехали на вечеринку.

Как восхитительны, красивы интерьеры!
Закрыты окна, с кисточкой портьеры...
Резные канделябры украшали зал,
И начинался настоящий русский бал.

На скрипках музыку творили музыканты,
Мужчины в сюртуках были галантны,
И, к дамам проявляя интерес,
Торжественно танцуют полонез.

А после вальсы, польки и кадрили,
Мазурку быструю особенно любили,
Изыски кухни, званые обеды,
И увлечённые, и пылкие беседы.

Колода карт, разложены пасьянсы,
С волненьем пела барышня романсы.
Ей подпевали... Нежно льются звуки,
И там в помине нет хандры и скуки!

Уж утро брезжит, разъезжаются домой,
И дребезжит в пути бубенчик удалой.

ИЛЬЯ ВОРОБЬЁВ родился в 1997 году в г. Костроме, окончил отделение журналистики Костромского государственного университета. Член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации. Участник Областной литературной гостиной «Живое слово». В 2021 году принял участие в межрегиональном литературном семинаре «Девять озёр» (Н.Новгород) и творческой программе Международной литературной конференции «Дни литературы в Костроме», в 2022 году стал участником Межрегионального совещания молодых литераторов «Посадский ЭкспрессЪ» (Сергиев Посад). Занял 3 место в Областном конкурсе поэзии им. А.В. Беляева в номинации «Философская лирика» (2023 г.).

День лицеиста

День лицеиста...
Ветки упали обломком шуршащим,
Музыка близко
Звоном играет витрино-дрожащим.

В библиотеке
Лицами детскими зал переполнен.
Всюду – коллеги!
Праздник мне детство немного напомнил.

Пушкин и Дельвиг –
Две основные сегодня фигуры.
Жизнь их в лицее –
Темы любимые в литературе.

Матовым светом
Лампы горят подвесные, качаясь,
Мы незаметно
В Пушкинском веке на час оказались.

Целые жизни
В строчки учебников наших стекались.
Кажется, ближе
К творчеству мы тех людей подобрались.

Старые ели
Шишкой упавшей в окно постучали.
Там, у лица,
Может, их прадеды раньше стояли.

ТАТЬЯНА ГОЛЯТИНА родилась в Солигаличе, Костромской области. Образование высшее, член Союза журналистов России с 1983 года. Работала в районных и областных СМИ. Проза и стихи опубликованы в коллективных сборниках, областных и российских изданиях. Выпустила несколько книг, среди которых книги стихов «Когда душа обнажена...» и «Я не умею, слышишь, без тебя...». Собрала пишущих нейчан в литературное объединение «Вдохновение» (г. Нея), выпустила два коллективных сборника «За грустью радость находить» и «Отзвуки сомнений и любви».

Позволь душе моей открыться пред тобою...
А.С. Пушкин

Мойка, 12

Спешу, касаясь вековых перил,
Что помнят поколения его предков.
Здесь Пушкин к Чёрной речке уходил,
Качалась вслед заснеженная ветка...

Кем для интриги выбрана мишень?
Подметных писем жало прилетело.
Глубокий снег, что выпал в этот день,
В объятья принял раненое тело.

И все усилья лучших лекарей
Не увенчались радостью успеха...
Народ толпился у его дверей,
Не торопясь уйти или уехать...

Невольник чести, как сказал поэт,
Чьё слово путешествует по миру,
Народы будит, воскрешает свет,
Жива его «душа в заветной лире».

***

*Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...
А.С. Пушкин*

Опять пронзительна тоска
Легла на плечи.
Ну, что тот ведал, кто сказал,
Что время лечит?!
Болит, ещё сильнее болит,
И с новой силой
Любая мелочь мне кричит:
Ты где, мой милый?!
Ты понимаешь, я одна
В огромном мире!
Виски сжимает тишина
В пустой квартире.
Пропали радости. И сон
Со мной не дружит.
Рассвет холодный – из окон.
Ты очень нужен!
Хочу я капельку тепла
Твоей ладони.
Твоя забота сберегла
От всех агоний.
Что этот мир сегодня есть –
Твоя заслуга.
Скажи, что рядом ты, что здесь,
Верни из круга
Тревоги и беды с тоской,
Что как мантилья.
Ты обними и успокой,
Расправь мне крылья.

***

Украдём у близких четверть суток
И с тобой останемся вдвоём.
Замолчать заставим мы рассудок
И осенним Питером бредём.

И погода пусть не для прогулок,
Моросящий дождь – союзник наш.
Зал огромный сумрачен и гулок,
Ото всех нас спрячет Эрмитаж.

И тихонько пальцы наши вздрогнут,
Словно невзначай прошёлся ток.
Мир вокруг сейчас для нас отторгнут.
Четверть суток – в космосе виток!

***

Стелет осень орнаменты
Ярких листьев коврами.
На прогулку по памяти
Я спешу вечерами.

Что ищу я, заблудшая,
Отчего мне не спится?
А была ли та лучшею
В моей жизни страница?

Вновь отчаянно бесится
Ветер злой по дубраве,
Отражение месяца
На речной переправе.

Берег тот, здесь он, рядышком.
Фонарей свет закружит,
Что сверкают, как ядрышки.
Только он ли мне нужен?

***

Прощаюсь с городом, прощаюсь,
Мне грусть не выплеснуть до дна.
К былому снова возвращаюсь,
Где вместе мы, я не одна.

Мир новый чужд и насторожен,
И для него я инородна,
Немало нужно зим и вёсен,
Чтобы надёжно и свободно

Нам руки протянуть друг другу
И прорасти заботой, счастьем.
Не дай Господь бежать по кругу,
Будь добр ко мне ты и участлив!

НИКОЛАЙ САМОУКОВ родился в 1949 году в деревне Гусево Мантуровского района Костромской области. Умение и желание найти своё единственное слово привели его в районную газету «Авангард», где и прошла его трудовая биография. Стихи начал писать ещё в школе, позднее появилась и проза. Публикации в районной и областной газетах читатели встречали с интересом. Его книга «А жизнь – то проза, то поэзия...», выпущенная небольшим тиражом, разошлась очень быстро. Стихотворные строки автора, как он считает, рождаются в любви.

***

*Могу ль на красоту взирать без умиления,
Без робкой нежности и тайного волнения...
А.С.Пушкин*

Она бесподобно красива,
Немыслимо схожа с мечтой.
Я ей – миллионы «спасибо» –
Смеётся: «А мне-то за что?!»
Она крыляет, как Муза,
Такою б – у сердца беречь...
И самой желанной из музык
Звучит её нежная речь.
Такою, как счастьем, задарен,
А бездну веков до неё
Я был и бескрыл, и бездарен,
А голуби все – вороньём.
Она и земна, и святая,
И я обожаю таких,
Сияю, ликую, летаю
И ей посвящаю стихи.
И нет драгоценней награды –
Умеет лишь только она –
Улыбкою сердце погладить
И взглядом пьянить без вина.
Теперь я доподлинно знаю:
На самой чумной из планет
Есть женщина – всё понимает
И тёплый спасительный свет.
Я солнечным током ударен,
Судьбой познакомлен с мечтой,
Почти как люблю – благодарен.
...Она не узнает – за что...

Два огня

Хоть, наверное, слюбились –
Не смотри так на меня.
В наших душах притаились
Два несдержанных огня.
А с огнём плохие шутки –
Тут недолго и пропасть,
Хоть до сладостного жутко
В пламя гулкое упасть.
Потому при встречах редких
Не смотри так на меня –
Пусть уж будут в прочных клетках
Два прирученных огня.
...Но, себе противореча,
Я однажды не сдержусь,
Обниму тебя за плечи,
Яду сладкого напьюсь.
И, в любви тебе признаюсь,
Изумлюсь: как были врозь?!
Как безумно обжигаящ
Водопад твоих волос!

***

...И глаза – обманы,
И слова – как плеть...
Нестерпима рана –
Не переболеть.
Пусть не подал виду,
Только как уснуть?
Глубока обида –
Не перешагнуть.
Подождать немножко,
Не вредить судьбе...
Но одна дорожка
Разошлась на две.
...Мне б на это место
Потайком взглянуть
И, себе из мести,
Боль перешагнуть.
Но следов не видно,
Утекла вода...
Где была обида –
Там теперь беда...

ИГОРЬ СМІРНОВ (1971–2003 гг.) – талантливый поэт, проживший короткую и, как часто случается в русской поэзии, не слишком благополучную и обустроенную жизнь. Родился в г. Чухломе Костромской области, окончил Московский институт стали и сплавов. Работал церковным сторожем, школьным учителем, инженером-технологом на Костромской ГРЭС. Не стремился к известности, не издал ни одного сборника.

ВЛАДИМИР ЛЕНСКИЙ

(отрывок из поэмы)

*Владимир Ленский здесь лежит,
Погибший рано смертью смелых,
В такой-то год, таких-то лет.
Покойся, юноша-поэт!
А.С. Пушкин «Евгений Онегин»*

Что день грядущий мне готовит:
Явь наяву иль сон во сне?
Зачем напрасно суесловит
Толпа злосчастная по мне?
Когда бы разрешить задачу
И, положившись на удачу,
Одно из двух, но – верный путь
Избрать и по нему шагнуть!
Когда бы мне не оглянуться
На тех, кто позади меня,
В себе самом себя ценя...
Иль жертвой рока вдруг проснуться?
Увы, боясь Христа гневить,
Я в землю врос. Куда ж нам плыть...

Ночь наступает, и дубравы
Вздыхают о гнилой листве.
Увядающие вкушают травы
Скоты в хлеву, на помеле
Летает ведьма молодая;
Бразды правления вздымая,
Решает царь дела страны...
Пред ним все звания равны!

Бегут законными путями
Планеты то вперёд, то вспять;
Науки юношей питать
Хотят, а не хлестать плетями...
Нешадно юноши вопят
И ходят строем на парад.

Ужели суждено судьбою
Мне не тащиться никуда?
Зачем же поднимал трубою
Я хвост заносчивый тогда?
Зачем кричал об идеалах,
Зачем смущал детишек малых
Презреньем твари ко Творцу?
Подобно юному борцу
Я слишком чувствам отдавался
И очень навредил себе
Слепым стремлением к борьбе...
Горел и на бобах остался.
Пожар угас, зола вокруг
И нет спасения от мук.

Подайте бедному калеке
Отдохновение от дум
Иль басней о сверхчеловеке
Потешьте посрамлённый ум.
Скажите мне, что идеалам
Пристало возвышаться в малом,
Рождать, а вовсе не родить...
Да, кстати, графомана прыть
Во мне убить не позабудьте,
Охолоните бойкий стиль
Словами, что стихов утиль
Не выражает мира сути,
Чтоб был я весел и здоров,
Прияв от суетных даров.

Покрова Майи, пчёлки шустрой,
Я всё-таки не подниму,
Не стану новым Заратустрой
И не пойду писать «Муму».
Субъективистским кретинизмом –
Столь модным ныне солипсизмом
Заняться мне не суждено,
Признаться, он достал давно.

Я во главу угла смирение
Не выставлю, в конце концов,
Хотя смиренных мудрецов
Так не хватает населению!
Я знаю то, чего хочу,
Но перед вами промолчу.

Решайте и гадайте сами,
Когда я уйду от вас
И под какими небесами
Я отыщу последний час.
На перегнивших досках Клио
Вперегонки и торопливо
Пишите ваши имена.
На коже толстого слона
Автографы свои оставьте
И радуйтесь, что горячи
Признанья чистые лучи...
Кривляйтесь, а меня оставьте.
Невольник хитрый был таков,
Бежав от собственных оков.

1997 г.

НА ПУШКИНСКОМ БАЛУ...

«Клуб поэтов» (г. Кострома)

ГАЛИНА БОЖКОВА

***

Есть временность, которая вне нас,
лишь современность совпадает с нами.
Событий ряд: когда закат угас,
землетрясение, война или цунами –
всё метки человеческого дня,
отметины на панцире Планеты.
Мерцающая магия огня
ритм задаёт часам, как кастаньеты
рождают танец. Я и тем горда,
что различаю образы, причуды.
Так в логику ложится чехарда,
в меридианы прячутся Бермуды,
волна приходит, ей на смену – бег
её сестры, волны единокровной.
События слагают новый век,
где «лес и дол» давно «видений полны».
Мне память, опыт знания дают
не для пустого времяпровожденья.
И мастерство я вкладываю в труд
с Природой бесконечного творенья.

18. 06. 2013 г.

ТАТЬЯНА БОРИСОВА

***

*И сердце бьётся в упоенье...
А.С. Пушкин*

Мне часто снятся лабиринты
Чужих безликих городов,
И не могу никак я выйти
Из них к тебе, моя любовь.

Ты был таким родным и близким!
Я каждый миг тобой жила.
Мой статус оценил ты низко.
Твоя ромашка отцвела.

Слепой любви разбилась чаша.
Погас к тебе мой Млечный Путь.
Не склеить больше счастье наше
И чувств ушедших не вернуть.

Да, я не Ларина Татьяна,
И красотою не блещу,
Имею множество изъянов
И перед Музой трепещу.

Ты тоже, друг мой, не Евгений,
Мне Богом посланный на грех,
Источник всех моих волнений,
И слёз, и страсти, и утех...

Вся жизнь проходит кинолентой.
В ней ты – мой вечный визави.
Я заблудилась в лабиринтах
Моей отчаянной любви.

ТАТЬЯНА БРОВИНА

*Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу...
А. С. Пушкин «Евгений Онегин»*

О, нет!

О, нет! Весна не для меня!
Всё, как у Пушкина: болею.
Хандру и лень в себе кляня,
Себя, любимую, лелею.
И вновь с тоской смотрю в окно.
И снова отменяю встречи.
И вот уж за окном темно.
Приходит долгожданный вечер.
Потёмки скроют грязный снег:
И эти воды, эту сырость,
Когда весна берёт разбег,
Пейзажа – блеклость, красок – серость.
Не надо никуда спешить.
Родные стены защищают.
И можно жить без суеты,
Любимой книгой восхищаясь.

АЛИНА КУЗНЕЦОВА

Из цикла «Байковые сказки»

**Другая сказка,
или сказка о неразбуженном зле**

Вопрошала, тонко млея: «Я ль на свете всех милее?»
И учивое зеркало утвердительно кивало.
В то же время за лесами, за горами и долами
без помпезности и спешки подрастали Белоснежки –
белолицы, чернобровы, с нравом кротким, но суровы:
«Нам царица не указка! Наше время! Наша сказка!»

...Вновь царица у окна. Ночь пространна, даль темна.
Что же зеркальце ответит?

«Ты прекрасней всех на свете...»

Двадцать лет уже прошло –

врёт паршивое стекло!

Так без травы и без слежки постарели Белоснежки.
А под амальгамой тонкой благодарные потомки
при постройке коммунизма обнаружат механизма
полустлевшие останки в обветшалом этом замке
с хриплой фразой на кассете:

«Ты прекрасней всех на свете...»

***

Е. Наливаевой

Мы пришли на лукоморье за каким-то интересом...
Там волна с волною, споря, завивались мелким бесом.
Мы стояли одиноко на излучине столетий –
постаревшие до срока недовыросшие дети.
Неотрывно мы глядели на леса окрест и горы –
мы не ведали пределов этих сказочных просторов.
...Есть ли жизнь иная? Полно! Где портал для нас с тобою?
Что ни день – прихлынут волны, что ни вечер – буря мглою.
И звучит под пенье прялки голос старческий, утешный...
Я сказала: «Там – русалки...». Ты ответила: «Конечно».

2021 г.

ЕЛЕНА НАЛИВАЕВА

Вечерняя мечта у палатки

Залит вечер светом лунным,
Лишь костёр не догорает.
Ты бесшумно гладишь струны,
Что-то внутренне играя.

Расскажи мне сказку на ночь?
Расскажи!.. Лазурной краской
Нарисуй! Ты слишком знаешь:
Я равнодушна к сказкам.

...Далеко, у Лукоморья
Кот учёный песнь заводит;
В древнем царстве, в синем море
Много дней Синдбад в походе...

Я – девчонкой – всё мечтала
Быть на Золушку похожей,
Стать хоть раз царевной бала...
Скажешь, странная? Так что же!

За рисунки, замечтавшись,
Я садилась и просила
Свой потёртый карандашик
Оживить их чудной силой!

Воскреси мне сон о прошлом! –
Детективный жанр – затаскан,
О любви теперь всё пошло...
Мне нужна сегодня сказка –

О делах минувших, замках
Зачарованных, о принцах...
Жизнь длинна, в её изнанку
Мы с тобой ещё взглядымся,

Там немало пятен будет –
Лжи, предательства, обмана...
Но сейчас – давай... о чуде!
Расскажи мне сказку на ночь?

ЕЛЕНА ОРЛОВА

*перевод с французского языка
стихотворения А.С. Пушкина лицейских лет*

Mon portrait

Vous me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature;
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson,
Encore dans les classes;
Point sot, je le dis sans façon
Et sans fades grimaces.

Onc il ne fut de babillard,
Ni docteur en Sorbonne –
Plus ennuyeux et plus braillard.
Que moi-même en personne.

Ma taille à celles des plus longs
Ne peut être égalee;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et le tête bouclée.

J'aime et le monde et son fracas,
Je hais la solitude;
J'abhorre et noises, et débats,
Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plaisent fort,
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encor...
Si n'étais au Lycée.

Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui! tel que le bon dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie.
Ma foi, voilà Pouchkine.

1814 г.

Мой портрет

Вы просите правдивый мой портрет.
Что ж, за беседою приватной
Изобразю тотчас, труда большого нет.
Простите, если выйдет мелковатым.

Судите сами – юный сердцеед,
Который по утрам зевает в классах.
Не глуп, хоть скромности во мне в помине нет,
Но нет и глупого жеманства.

Доселе не бывало болтуна,
И не бывало доктора в Сорбонне,
Что по крикливости соперник был сполна
Моей назойливой персоне.

Меж самых долговязых ни с одним
Не поравняюсь ростом явно;
Зато я свеж лицом, почти блондин,
И голова моя кудрява.

Наедине с собой мне тяжело,
Я в шуме Света обретаю счастье;
Бегу раздоров, в спорах вижу зло,
Как, впрочем, и в учении отчасти.

Зато люблю спектакли, званый бал,
И откровенность разумея целью,
Я кое-что ещё бы наболтал...
Когда б не числился в Лицее.

Довольно сказано затем, чтоб каждый смог
Меня узнать, и может стать ся,
Каким меня великий создал Бог,
Таким я и хочу казаться.

Проказничать мне вряд ли надоест.
Пушай лицом я просто обезьяна,
Но кроме ветрености не найти изъяна,
Вам в Пушкине. Таков он, этот бес.

СВЕТЛАНА ПИСАРЕВА

***

*Я Вас любил. Любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем...*

А.С. Пушкин

Быть только другом для тебя
Мне очень трудно, но возможно.
Страдая, мучаясь, любя,
Веду себя неосторожно:
То прикоснусь к руке, к плечу,
То взглядом вдаль уставлюсь слепо,
То вдруг растерянню молчу,
Рискуя выглядеть нелепо.
В подушку плакать по ночам,
Рукой тянуться к валидолу
Мне стыдно и не по годам:
Давно прошла я эту школу...
Быть только другом, и любить,
И жить надеждою на встречу...
Когда смогу тебя забыть,
Как праздник, этот день отмечу!

АЛЛА СОБРОВИНА

В музее

Успела до закрытия в музей
На Мойку, дом двенадцать. Здравствуй, Пушкин!
Здесь ты погиб, но нет тебя живой:
Касался локон шёлковой подушки.
Сжимали пальцы белые листы,
Когда на ум не те слова летели,
И взгляд ловил настольные часы,
Которые сегодня онемели.
На окнах шторы тёмные сейчас
(От света вещи всё-таки желтеют).
От гибели тебя никто не спас,
Так пусть хоть экспонаты уцелеют:
Жилет дуэльный, рамки, зеркала
И локон чёрный, что с тех пор хранится.
Как будто сердце, жизнь здесь замерла,
Но шаг твой повторяют половицы.
Закроется вот-вот музей на ключ.
Застынут в полумраке экспонаты,
А утром всё же прокрадётся луч,
Листов коснётся, словно ты когда-то.

***

Читала я, что Пушкин – *донжуан*,
И женщин обнимал не только словом:
Стихов обворожительный дурман
Окутал и меня платком пуховым.
И «*буря мглою*» если закружит,
Укроюсь в поэтические строки.
А в них и «*печь затоплена трещит*»,
И комната с оттенком позолоты

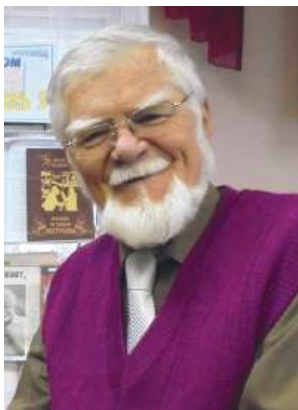
Вбирает все волнения души,
Одно желанье где – обнять колени
И каяться, чтобы опять грешить
И строки повторять стихотворений.

Да, был горяч поэт, и чувства, как тогда,
Пленяют. Ничего не изменилось.
Пока читала я, смотрю: одна звезда
На небосводе вновь воспламенилась.

ЕЛЕНА ШЕСТАКОВА

***

По каналу Грибоедова,
Под мостами, не спеша,
Наш баркас, куда – неведомо,
Плыл, и тешилась душа.
Восхищаясь колоннадами
Дивных каменных дворцов,
Наслаждалась я прохладой,
Ветром, брызгами в лицо.
Петербург, в каналах узеньких,
У гранитных берегов.
Я, осиянная музами,
Сочиняла про любовь
К веку дальнему, что Пушкина
На балах своих кружил,
А потом литыми пушками
И картечью ворожил
Он гвардейским юным мальчикам
И поэтам у Невы:
Их звезда в ночи – обманчива,
Не сносить им головы.
Чижик-пыжик, счастья краткого
В струях трепетных дождя
Подарил бы для порядка ты
И поэтам, и вождям.
Петербург, твои узорные
Фонари «под старину»,
Словно стражники придворные,
Стерегут меня одну.
Будто свечки, зажигаются
И хотят напомнить мне:
Где-то лебеди купаются
В петербургской старине.
Буду помнить сны и музыку,
Росчерк юного пера,
Встречи с пушкинскою музою,
Рой фантазий до утра.

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЕНКО родился в 1938 году в г. Тбилиси, сорок пять лет жил и работал в Ереване: окончил филфак университета, служил в погранвойсках. После демобилизации – работа в газете и заочная учёба на сценарном факультете ВГИКа. Член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР и РФ с 1965 года, лауреат многих журналистских премий, победитель Всесоюзных и Всероссийских конкурсов. В Костроме – с 1991 года. Был главным редактором журнала «Кострома литературная». В Костроме активно начал писать публицистику, позднее перешёл на историческую прозу. Вышли в свет шесть исторических романов, три повести. Удостоен областной премии имени А.Ф. Писемского и муниципальной премии имени Д.С. Лихачёва.

СКАЖИ-КА, ДЯДЯ...

рассказ

Аробщик гортанно что-то кричал, причитал, воздевал руки к небу и речь его, пересыпаемая многочисленным повторением имени Аллаха, воспринималась сидящими на камнях офицерами и нижними чинами одним бурлящим потоком: ала-ла-ла-ла... Повод для такого извержения был, с точки зрения русского человека, пустяшный: у перегруженной арбы сломался деревянный штырь, запиравший колесо на оси, и вот это самое колесо – огромное, сажень в диаметре – отвалилось и лежало теперь на дороге, а если точнее, то на том корявом, в каких-то буграх и ямах пространстве, что здесь называют дорогой. Двухколёсная арба почти перевернулась, на каменное крошево, по которому она ехала только что, свалились неуклюжие мешки, высоченные плетёные корзины. В России в такой ситуации уже давно высыпала бы вся ближайшая, пусть самая захудалая деревня – помогать, налаживать воз, а здесь хозяин обращаться за помощью к неверным, расположившимся на отдых как раз возле этого места, не желал, а сам справиться не мог. А родная его деревня спряталась где-то далеко в скалах и ущельях. Потому-то фонтан молений и жалоб продолжал изливаться, но направлялся только к Аллаху, а безразличные ко всему серые буйволы опустили свои приплюснутые головы с откинутыми назад плоскими рогами и жевали, жевали...

Почти так же безучастно наблюдал сцену драгунский прапорщик. Страданий арбакеша он не разделял, слов не понимал, а просто приглядывался к живописности картины, впечатывая её в сознание: может быть, когда-нибудь надумается написать картину «Случай в горах»... И ещё думал о том, что надо бы выучить татарский язык, без которого на Кавказе, – как в Европе без французского!

Солдаты, отдохавшие тут же, близ дороги, всё же остались верны своей расейской натуре: несколько человек поднялись неторопливо, подошли к арбе, посбрасывали остатки груза и подняли арбу. Дело нехитрое: насадить колесо на ось, вытесать топором запирающий клин, вставить его, загрузить арбу заново. И только-то. Но колесо было очень большим и тяжёлым. Поднять одному, конечно, поспособнее было бы, но одному – не по силам, а двоим никак не удавалось точно его посадить. Разморённые жарой и усталостью, остальные солдаты наблюдали за неудачными манипуляциями, потом всё же растолкали спавшего гренадёра:

– Петрович! Без тебя не обойтись, наверно!

Тот хмуро глянул из-под косматых седых бровей, проворчал:

– Ну что за черти! И вздремнуть не дадут...

Уяснив ситуацию, поднялся, разогнал всех собравшихся у арбы, велел придерживать только, чтобы не заваливалась повозка. Взял колесо за две ступицы, крикнул, поднял и одним движением насадил колесо на ось. Сказал только:

– Что за слабый народ пошёл нынче...Остальное сами доделайте.

Прапорщик уже с любопытством слушал, как подначивали молодые солдаты гренадёра:

– Чего это – «слабые»! Можно подумать, что раньше одни богатыри были. Что-то не слышали мы про таких! Святой Илия Муромский с товарищами давно жил, тогда, может, и были ещё богатыри. А сейчас все одинаковые!

Нет, это было, действительно, чрезвычайно интересно. На слуху прапорщика разворачивался диалог, ещё недавно придуманный им самим: «Да-а, были люди в наше время, не то что нынешнее племя... Богатыри – не вы...». Впрочем, этот гренадёр на участника Бородинского сражения, несмотря на солидный возраст, никак не похож – в тот 1812 год ему, вероятно, едва исполнилось пятнадцать лет...

– А ты всех не равняй даже! Богатыри были совсем недавно, есть и сейчас. Только по сторонам получше смотри. Я тебе не совру – уж один такой точно был. Из наших мест, между прочим. Я со Стрельни родом, так вот там про него все знают, даже песни поют.

– Ну и что же он такого сделал?

– А ты не скажи, как блоха на печи! Прыткий какой! Сейчас всё и обскажу.

Петрович неторопливо расположился, так же неспешно достал табак, трубку набил, ловко высек кресалом об кремьень искры на трут, раскурил.

Прапорщик смотрел на это действо с затаённым восхищением: уж настолько вся повадка гренадёра была наполнена силой и уверенностью в этой силе. Видно было и другое: солдаты явно признавали за Петровичем право на такое поведение. То ли за боевые заслуги, то ли рассказчик он был хорош, то ли верным старшим товарищем был всем – кто знает? Прапорщик тоже устроился поудобнее, снял офицерский сюртук, оставшись в одной красной канаусовой рубахе. Белую свою неформенную фуражку, однако, не снимал, а черкесскую саблю на тонком ремешке, в красивых, с серебром ножнах придержал тоже при себе. Приготовился слушать. Арбакеш всё кланялся солдатам, уложившим его скарб, всё благодарил не по-русски, но по жестам и интонациям каждому было понятно, что русские люди – люди хорошие. Но точно так же каждый, кто видел и слышал всё это, прекрасно понимал, что пожилой мужичонка, с ног до головы обросший тёмными густыми волосами, в одну минуту может превратиться в умелого и жестокого воина, который при другом случае ни секунды не помедлит, увидев лицо того же самого доброго русского солдата, только что помогавшего ему, и тут же выстрелит прямо в это же самое лицо.

А ведь вот такой же мужичок на такой же самой дороге, мог встретить не так уж давно верхового Пушкина в чёрной бурке по пути в Арзрум... Мог бы и выстрелить в спину – одним неверным на земле стало бы меньше. Впрочем, и в столице российской немало таких, кто готов был к подобному выстрелу. На сверкающих паркетах, в расшитых золотом мундирах... Ах, Пушкин! При всём твоём светлом уме ты так до конца и не постиг низости многих окружавших тебя людей, не сумел прочесть тайные мысли и действия. И коварная пуля тебя нашла.

Прапорщик, ещё недавно бывший корнетом привилегированного лейб-гвардии гусарского полка, за несколько месяцев, проведённых на Кавказе, во время участия в боях и мелких стычках, уже успел понять многое в этом мире. В том числе и то, что правители России, вероятно, не понимали никогда и не поймут в ближайшие столетия: эта земля – земля войны, эти люди – люди войны. Здесь нет иного служения, иных занятий, иных мыслей кроме войны. Веками складывался этот образ жизни, когда пропитание и достаток добывались у соседей оружием, а не ежедневным трудом. Покорить их нельзя никакой силой, можно заставить их сложить оружие, но покорности пусть не ждёт победитель, потому что память о лихой хищной жизни, как костёр, гаснет очень долго. Ты думаешь, что перед тобой остывший пепел, но пошевели его – и всегда найдёшь под ним непогасший уголёк... Ермолов был прав, ставя здесь казачьи поселения, крепость Грозную: сила – против силы, обычаи против адатов. И принуждение, да, именно принуждение, постепенное, десятками, если не сотнями лет, к мысли, что нормальная жизнь возможна только в мире и в постоянном труде...

Такие вот размышления увели прапорщика далеко, и он не заметил, что по соседству степенный рассказ уже идёт, что у Петровича

прибавилось слушателей, а сам прапорщик уже не возле пыльной дороги находится, на смертоносном Кавказе, а вслед за рассказчиком где-то далеко к северу, в куда более близких ему местах.

– ...А тогда, значаща, с Наполеоном воевать наш император стал. А раз воевать, так, понятно, служивые нужны, новые полки, новая армия. И пошла коса косить по сёлам и деревням! Я совсем малой был, меня тогда не скосило, а вообще-то у нас, в наших краях, это возле Стрельни, всех мужиков императорских вотчин, а там все земли – императорские, собрали в один новый полк. И назвали его Финляндским зачем-то, будто мы чухня какая, а не русские люди. Да и то сказать – не совсем полк настоящий получился, а как бы ополченский. Как-то его ещё... О! Ми-ли-цейским батальоном называли! А главным начальником был у них Великий князь Константин Павлович. Крепкий батальон был – пять рот, одна из них гренадёрская, четыре мушкетёрских да ещё полурота артиллерийская была – людей больше ста, пушек с десятков...

– И погнали в Бородино? – встрял молодой солдатик с красным, облупленным от здешнего беспощадного солнца носом.

– Дурень ты, Терентий. Если не знаешь чего, – так не высовывайся, слушай, на ус наматывай, чтоб быстрее рос, чтоб крутой мужской ус был... Какое Бородино, когда с французом война началась ещё годов за пять-шесть до того! Но воевали, правда, не в России, это потом Наполеон попёр на нас. А тогда всех наших в Ригу направили. Обучиться немного, – и давай, войей от души. И состоял там наш мужик, Левонтий. Вот про него-то и речь у нас. Мне сродственник много про него рассказывал. Ещё дед его, Михаил Прокофьич, знаменит был по всем соседним деревням силой своей. Рассказывали, что на праздниках во время гуляний понасажает полный воз девок, чуть не со всей деревни, да и катает их, – что в горку, что под горку! А сам вместо жеребца, да без пристяжных, один! Его за те катания так и прозвали – Коренной. А он и вправду во всём коренником был. Во всём. К примеру, если у кого изба покосилась, то сразу его звали. Походит он вокруг, посмотрит, потом возьмёт слегу потолще, почти бревно, и загоняет её под нижний венец. Забьёт, поднатужится да и поднимет всю избу, слышь, чтоб перекося не было. Только заранее предупреждал, чтоб стояли наготове с камнем большим, который под угол подставить надобно. И только потом туда чурбаки забивали, выравнивали... До баб лютый был, ни одну не пропускал. Глянется какая, разговор быстрый: как увидел, так и сгрёб, а где сгрёб, там и... в лоб! Пытались его уговорить, наваливались разом, да только бестолку: раскидает всех, тем дело и кончалось. И опять всё сызнава. У нас вообще народ в кости широк да в плечах, а в том селе да в окрестных деревнях, как летом грибным: куда ни загляни – молитвами Коренного белая, крепкая братия подрастает под каждым кустом! Ну, да это – дед. А Леонтий, родной внук его, по-нашему, по-деревенски Левонтием звали, тоже той породы: рост – гренадёрского поболее, подкову смять – раз плюнуть. И вот когда, значит, в Финляндский батальон народ собирали с

императорской земли, все молодцы были, как один. Но Левонтий, конечно, на правый фланг! Так и пошла у них солдатская работа. Не за себя, а за кого-то. Два года воевали с этим Бонапартием на чужой земле. И, видно, неплохо воевали, потому что уже через эти два года стрельнинский наш Финляндский стал гвардейским, и начали его называть лейб-гвардии батальоном Императорской милиции. А ещё через три года, как раз незадолго до того, как французы на нашу землю пришли, кончилась милицейская жизнь, батальон стал Финляндским лейб-гвардии полком из трёх егерских батальонов.

Разгоревшееся было любопытство прапорщика стало постепенно тускнеть. Он никогда не разделял дотошного интереса русского воинства к истории своих полков ли, батальонов... Можно было, впрочем, понять некую словесную конкуренцию между элитными частями. Он, в недавнем прошлом гусар, и сам грешил этим делом: поглядывал на не-гусаров свысока. Но всё это было в прошлом, в другой жизни. Тогда он ещё гусарствовал: пил, дрался, принимал мрачные позы, писал первые стихи, которые, после прочтения стихов Александра Сергеевича, показались ему тусклыми и неумелыми. Стал писать по-другому. Написал «Бородино». Потом Пушкина убили. После его смерти вылил, как кровь на бумагу, по-настоящему мощные строки, куда вместил всю свою подспудно накапливавшуюся злость на этот мир, где можно гасить солнце, чтобы удобнее было спать.

Здесь, на Кавказе, в незримом присутствии тени Пушкина, сознание прапорщика продолжало открывать новые дали. Здесь война уравнила всех. Теперь, казалось ему, знание прошлых заслуг своей части не так важно, как память об истинных героях, о людях, которые и составляли славу русской армии. Вот и в этом случае он ожидал интересного рассказа, сюжета, а не перечисления переформирований пусть даже одного из лучших русских полков. Он уже потерял нить рассказа, уже прикрыл глаза, уставшие от яркого солнца, но до слуха донеслась фраза Петровича:

– А прозвище было у него в полку Дядя...

«Что за чёрт! Опять эта мистика! «Скажи-ка, дядя, ведь недаром»... А может быть, правильное было бы «Скажи-ка, Дядя»?

Он снова прислушался.

– Он под Бородином хорошо бился. Да и полк отличился весь: егеря стояли насмерть, никак французы и поляки не могли их одолеть. Что? Да, поляки. Они ведь тоже на нас шли с Наполеоном.

Да, конечно, поляки. Прапорщик попытался посчитать, сколько раз Польша сама или с кем-то в союзе оказывалась на исконно русских землях. Веками! Даже Москву захватывали, своего польского царя сажали. Грабили, жгли, убивали... И это – единство духа славян? При чём тут славяне? Католики и православие – вот причина, вот движущая сила этой неугасимой ненависти, напитанной высокомерием. Утвердить Крыз вместо Креста, и повелевать, заставлять работать на себя. И, главное, во всей истории непонятное в том кроется, что самих этих гордых панов

давили все, кому не лень: шведы и прочие европейцы, но всё равно они неизменно устремлялись на Россию, усматривали причину всех своих бед именно в России, присоединялись ко всем, кто был против России! Каждый раз, так и не урвав кусок, получали сполна по заслугам, но всё равно – снова и снова устремлялись на восток. Вот и с Бонапартом – то же самое...

– ...И поляки обошли наших, по ихнему взгляду – справа, а если с нашей стороны, то слева, пришлось даже отступить. Там два самых стойких полка держали оборону – измайловцы и финляндцы, на опушке леса, в кустах. Кавалерия в зарослях почти бесполезна, верхом поляки дальше пройти не могли, а пехоту польскую били и ружейно, и из пушек. Вперёд, правда, сами не шли. Уже к полковнику солдаты обращались: наступать-то будем или нет? А он им отвечал, мол, нет приказа. Вот тогда-то наш Дядя и отличился. Позвал его командир и велел взять нескольких добровольцев-товарищей, чтобы они на самый край пробрались и были как бы сигнальщиками, на случай, если поляки ещё глубже захотят обойти и с фланга или с тыла ударить. Конечно, Дядя наших, стрельнинских набрал, из самых близких друзей. Перед уходом договорились стоять насмерть один за одного. И, слышь-ко, как в воду полковник Крыжановский глядел: сам-то он, говорят, из поляков был, так натуру ихнюю хорошо знал, наверно. Не успели наши посланные лесом пробраться на место, им сказанное, как Коренной остановился вдруг и сказал всем за деревья спрятаться. Оказалось, стороной большой польский отряд тоже подбирается к опушке.

Дядя наш тут сразу смикитил, в чём полковник ошибся. Велено было открыть стрельбу, тогда, мол, полк услышит непорядок на фланге и развернётся каким-нибудь батальоном навстречу. А дозорные, боевое охранение, то есть, быстренько отступить должны к своим. А того полковник не учёл, сообразил Дядя, что вокруг тысячи пушек стреляют, войска палят друг в друга, кони эскадронами несутся, а рядом – штыковая и «ура!», а чуть в сторону подайся, – там рубка идёт, кони ржут истошно, чуя смерть... И всё заволокло дымом пороховым, густым, без продыху, да на измайловцев и финляндцев уже и французский противник прёт... Где уж там услышать за полверсты залп шести ружей!.. Пусть даже и дружный. Одна надежда: солнце к закату идёт, скоро начнёт темнеть. Если до темноты выстоять, то можно будет гонца послать к полковнику за подмогой. Залегли они в кустах. Ещё раз наставил Дядя товарищей своих:

– Видно, братцы, не уйти нам отсюда живыми. Потому как велено нам стоять здесь. И будем мы сполнять приказ. А заряды будем беречь до последнего, целить по офицерам да по заводилам, за кем солдаты идут. Ежели, паче чаяния, наши услышат стрельбу, Бога возблагодарим. Не услышат, – всё, идём навстречу той судьбе, какая нам предназначена!

Петрович рассказывал, и перед слушателями вставала, как наяву, картина боя. Несколько дружных залпов изрядно покосили строй поляков.

Они остановились, пытаясь понять: сколько их там, этих русских, сидят в засаде, что предпринимать будут... А залпы продолжались: плотные, смертоносные. Потеряв десятка два человек, отряд дрогнул, попятился. И в этот момент из кустов встали шестеро финляндцев. Грозно выглядели они, неся перед собой блестящие острия штыков, шагая широкой поступью. Впереди, не оглядываясь, уверенный в том, что за ним поднялись все, шёл Дядя. В сумерках, в дыму не было видно, сколько русских идёт за первыми храбрецами. А за ними никого не было.

Поляки даже перестали стрелять, и лихорадочно начали изготавливаться к штыковой атаке. И вот в этот момент сзади, из леса, раздалось громкое «ура!», выбежали посланные на подмогу егеря-однополчане... Отряд был разбит окончательно, немногие оставшиеся в живых бежали с места этой маленькой битвы на поле большого сражения.

– Так откуда ж подкрепление пришло? – снова высунулся Терёшка. – Сам говоришь: не услышать ничего!

– Да откуда я знаю! Меня ж там не было. Я говорю, как у нас в деревне рассказывали. Наверно, полковник сам понял, что за грохотом можно и не заметить сигнала, и послал на помощь. А Дядя не посрамил лейб-гвардии егерский Финляндский полк. Все шестеро первыми в штыковую пошли и начали гнать поляков. Потом уж, когда песню сложили в полку, так и пели:

*Мы помним Дядю Коренного
Он в нашей памяти живёт.
Бывало, на врага какого
В штыки с ребятами пойдёт,
Тогда булат зашевелится,
Бой рукопашный закипит,
Ручьём кровь вражья заструится,
А Коренной вперёд валит!*

– А наградили?

– Врать не буду, точно не знаю. Слышал, что вроде солдатским знаком отличия Георгиевского ордена. Но вообще-то у Дяди много таких случаев было. За один из них он такой чести удостоился, какой, наверно, в русской армии никто не имел.

– Ну да?

– А вот и точно! Сейчас перекурю, расскажу. О том небываемом, которое бывает.

Прапорщик насторожился: что за солдат этот Петрович, что вот так просто повторяет слова Петра Великого, отчеканенные на медали за великую победу? Нет, наверно, заурядное совпадение. Или это император где-то у народа выражение позаимствовал?

Небываемое... Бывает оно, бывает... Несколько месяцев назад корнет блестящего лейб-гвардии гусарского полка, злой остроумец, природные

свои недостатки роста и стройности исправлявший славой искусного фехтовальщика, успехами у дам и мало кому известным пиитическим даром, разве он мог предположить, что всё своё зло, всю свою ненависть он выплеснет в двух десятках строк, бросит их в лицо обществу, как вызов на дуэль... Ах, Пушкин, Пушкин! И божество, и вдохновенье... Уж не вернутся они. Нет Пушкина. Ради кого другого сложились бы те строки? Ради кого другого он как награду принял бы эту ссылку на Кавказ? А ведь жизнь казалась такой благополучной! Теперь же помогла ему в недолгих кавказских странствованиях воспитанная с юнкерского училища способность слиться с обстоятельствами жизни, не покоряться им, не раболепствовать перед ними, а умение принять эти обстоятельства как единственно возможные в этот момент. Вот и сейчас: есть Кавказ, точнее – предкавказье, дорога, на которой уже нет исправленной арбы, отдыхающие солдаты и неторопливый рассказ о недалёком прошлом... И ничего больше нет в мире! Впрочем, ещё в этом мире может быть очередной набег горцев...

Он посмотрел по сторонам, однако, не только не увидел, но и не почувствовал ничего тревожного. Прислушался. За отдалённые вершины цеплялись облака и, наверно, шептались при этом... Оказаться бы там, в этом шёпоте. Но на таком расстоянии всё равно ничего не слышно. Только басовитый шмель Петрович гудит и гудит, иногда приостанавливаясь и присасываясь на затяжку-другую к своей обгоревшей самодельной трубке из какого-то корня...

– ...К этому времени уже давно Бонапартия за Березину погнали, уже и Кутузов не командовал, а дело было возле города Лейпцига. Тогда император наш Александр договорился с двумя другими императорами покончить разом с императором четвёртым – Наполеоном. Всё, вроде, приготовили, чтоб замкнуть его, а вышло-то не совсем так: уж больно ловкий и умелый был вояка. Да что я говорю! Уж если б не был он сильным, разве дошёл бы он до Москвы? Тем и славно Бородино, что наполовину разбили там французов, хотя до того они сколько стран подмяли под себя. Но живуч был супостат! Из России бежал без оглядки, а ведь сумел снова войско собрать. Я не знаю – как уж там получилось: то ли измена между союзниками прошла, то ли кони в разные стороны поскакали, то ли каждый хотел себе всю славу забрать, про других забывая. Но не получилась тогда эта битва так, как было задумано. Говорят, многими языками и непониманием наказал Господь людей, и не достроили они Вавилонскую башню, не достигли неба, не сравнялись с теми, на небесах... Сражение то потом называли битвой народов. А ведь не народы там бились. Ну, какое дело тому же рядовому третьей роты егерского полка гренадеру Коренному до французов, если из своей страны он их уже выгнал? Бились там императоры. У каждого своя амуниция, у каждого своя амбиция. А Наполеон здорово дрался. Рассказывали, что тогда был даже момент, случай такой, когда три императора совет держали, как его всё же скорей dokonать. А он, слышь, их всех чуть в плен

не взял. Только русские солдаты и выручили! Уж не знаю – правда или неправда... А с Левонтием Коренным дело так обстояло. Битва эта очень долгой была – три дня подряд да потом ещё мелкие сражения. И хотя разгромили французов, но Бонапартый этот ещё довольно много войска сохранил и сумел из окружения уйти. А вначале-то никто и не знал, что всё так закончится. Слава-то великая у него была, вот и побаивались, осторожничали союзники. А перед этим городом Лейпцигом деревня была – Госса или Госсе, точно не скажу, там как раз наше войско было, и сам наш император Александр там тоже находился...

Прапорщик в который уже раз прикрыл глаза, давая волю воображению, и видел холм, где рядом с императором стояла немногочисленная свита. Александр смотрел на село. Каменные дома, из которых французов очень трудно выкурить, мощёные улочки, садики с желтеющей октябрьской листвой. Меж домов прячутся пушки, далеко не все из них ведут огонь, дожидаясь своего часа. Стрельба пехотинцев – редкая, отпугивающая. Кажется, место удобное для прорыва. Но это только кажется, потому что и французы отлично понимают, что если Госса, а точнее – госсинский холм, будет взят, то до Лейпцига уже нет никаких населённых пунктов, можно будет наступать широким фронтом. Но Финляндский полк, осадивший село, продвигается что-то медленно. И русский император уже подумывает: а не поторопились ли мы месяц назад, присвоив полковнику Крыжановскому звание генерал-майора? Нужно послать роту-другую в разведку боем, чтобы убедиться, что за каменной оградой, опоясывающей деревню, не кроется засада... Император, не отрываясь от трубы, сказал:

– Немедленно послать к Максиму Константиновичу распоряжение пойти в атаку. И чтобы с тыла зашли. Кто там у нас на фланге?

– Те же финляндцы. Егерский батальон, Ваше Императорское Величество!

– Пусть демонстративно идут в лоб на ограду, берут часть сил противника, если они там есть, на себя. Отвлечь, отвлечь от главного направления! В случае серьёзного неравенства сил разрешаю отступить!

И вот верховой уже влетает на позицию:

– Приказ Его Императорского Величества командиру батальона полковнику Жерве! ...А Петрович тем временем поёт полковую:

*Молвил Царь: «Финляндцы, в дело!»
И Финляндский полк готов.
Сердце каждого кипело
Исполнять священный долг.
Командир всегда удалый,
Крыжановский наш орёл,
Молодцов своих со славой
В Госсу на врага повёл.*

И сразу – шевеление, беготня, построение. Все офицеры впереди. Ещё бы! Приказ самого императора, который, как сообщил ординарец, будет лично наблюдать за действиями егерей и гренадёров.

Жерве обернулся к строю:

– Третья рота преодолевает ограду прежде всех, сразу за офицерами. Остальным ждать сигнала. И помните: на нас смотрит сам император! Вперёд! В атаку!

Пошли. Ускоренным шагом, почти бегом. Где-то впереди, на другой стороне села, идёт бой, слышны ружейные залпы, гремят орудия. А здесь – каменная ограда и ни одного выстрела. Только тогда, когда офицеры вместе с передовыми егерями спрыгнули на землю, они поняли, что попали в засаду. Французы были готовы встретить противника и с этого направления, но ничем себя не проявляли до поры, до удобного момента. И вот этот момент наступил.

Растерянность Жерве. Он со своей обнажённой шпагой суетливо оглядывается по сторонам: французы радостно бегут к ним. Ещё бы! Так повезло! Сразу несколько офицеров можно взять в плен. Егеря стали полуколомом, защищая командиров, но французов намного больше, и шансов уйти – никаких, сзади – стена... Коренной перебрался одним из первых, ловил прыгающих сверху товарищей, помогал офицерам. Одним из первых заметил противника...

– ...И пошёл он на этих французов! А за ним – его земляки, друзья. А враги вначале не сразу поняли, с кем им придётся дело иметь. Увидели, конечно, что здоровенный мужик на них идёт, но их-то много, смеются, пальцами показывают, что-то кричат. Наверно, чтоб сдавались наши. А особенно Леонтия они хотели в плен взять, чтоб потом на площадях показывать: вот, мол, с кем приходилось нам воевать, вот зверина! Ну, вид у него, конечно, был в бою страшный. Пару раз он успел выстрелить, а они уже тут как тут с багинетами своими. Но с Дядей так шутить было нельзя, а они этого не знали. Полетели в разные стороны: кто проколот, кого прикладом по башке... А он уже на помощь офицерам побежал. Несколько егерей остались на месте, дрались геройски, но плетью обух не перешибёшь: погибли все друзья Левонтия там же. На том же месте. А офицерам-то совсем туго пришлось, прижали их французы к стене с несколькими егерями; уже вокруг много мёртвых, что наших, что врагов, но дело безнадежное: французы, конечно, могли их всех расстрелять возле этой стены, но уж очень хотелось пленных привести своему начальству.

И вот тут-то сбоку на них, как медведь взъярённый, наваливается Коренной и расшвыривает их как котят. Своим штыком, будто вилами орудует! Один, другой, третий... Попятились они в страхе, а Левонтий – к своим:

– Чего стали? Офицеров спасайте!

Егеря замешкались – как, мол, спасти!? А Дядя как гаркнет:

– Кто из офицеров если ранен, то спину подставьте, чтоб перелезть. Ну, а если кто цел-здоров, просто перебрасывайте!

Сам подхватил полковника Жерве под колени, толкнул вверх, тот и перевалился через ограду, как куль с мукой. Потом тем же путём ещё двоих перебросил. Двух раненых егеря аккуратно перетащили. О себе они, наверно, в тот момент не думали, потому как среди них уже многие убиты были да почти все поранены. И стали они у той стены, богатыри русские, и дали свой последний в жизни бой. Ни одного выстрела! Нет времени заряжать. Только дышат тяжело, только стоны да ругань на двух языках. Пали они на землю, которая им и матушкой-то не была, не могла она им сил придать, и умирали. Многие, может, успевали подумать, что враг тоже дорогую цену заплатил. А ведь так оно и было!

Вскоре Дядя остался один. Да ещё такая незадача: штык сломался. Да другая незадача – кровь из проколотой руки течёт, третья – из плеча кровь льётся, четвёртая... Восемнадцать таких незадач кровавых навалилось на Дядю Коренного, а он взял ружьё за ствол и всё бил и бил прикладом по головам, отбрасывал свору, но она вновь бросалась на великана, вновь кусала больно, а кровь всё текла и текла из ран. Он много крови потерял. Закружилась под ним земля, и упал он, уже не сознавая, что с ним. Когда русская рота вся, наконец, ворвалась за ограду, когда погнали французов, егеря с помутнённым от горя разумом бросились искать Левонтия, героя этой битвы. Не нашли. У ограды лежали несколько десятков трупов врагов. Нашли тела и трёх последних егерей, кто ещё оставался с Коренным. А его самого нигде не было... Значит, решил полковник Жерве, попал его спаситель в плен. А это уже нехорошо, когда здорового солдата, не израненного, берут в плен, пусть даже он герой из героев, пусть даже он всё время кричал соратникам: «Не сдавайтесь!»

Слушавший рассказ Петровича прапорщик при этих словах незаметно для себя кивал согласно головой: так у нас бывает часто. Человека какого-то уважают, ценят, любят, что-то очень нужное он делает. Всё нормально. Но стоит ему... нет, не оступиться, не предать, не украсть, не убить невинного – сделать что-то, что окружающие не в состоянии понять или просто не знают всех подробностей, мотивов поступка, и сразу всё кончается: обходят стороной, как заразного больного, как зачумлённого, не зовут, не приглашают, боясь, как бы высокое недовольство не передалось бы случайно им... И это – в жизни вполне мирной! А тут – война! Тут поиск предательства. Только что израненный человек спас тебе жизнь, а ты, Жерве, назначаешь его здоровым человеком, сдавшимся добровольно в плен! Ну, неужели вот такое сидит в русском характере, и будет продолжаться и продолжаться из поколения в поколение? Впрочем, тебе, судя по фамилии – французу, трудно быть справедливым, воюя с французами.

А Петрович продолжал:

– Офицеры говорили полковнику, что Леонтий – герой, что не мог он сдаться в плен, на что полковник ответил, что он ещё не встречал случая, когда с поля боя забирали бы в плен израненного противника. В лучшем случае его оставят там, где он бился: если выживет – его Бог! В худшем же

случае просто добивают тех, кто всё равно умрёт. А посему, закончил полковник Жерве, вывод может быть только один: Коренной не ранен, и он сдался сам, спасая свою жизнь. И обидно, что сделал это один из самых уважаемых солдат не только в роте, но и во всём полку... Эх, не знал господин полковник, что имя Левонтия по всей армии русской разнесётся. Да он и не хотел в это верить. А дело было вот как... Когда Коренной очнулся, вокруг него были только чужие мундиры, говорили не по-русски. Быстро понял. Так. Французы. Плен. Он попытался шевельнуться, но увидел, что весь он – от головы до ног – в повязках, во многих местах сквозь них проступает кровь. Движение его было замечено, и над ним склонился офицер, спросивший по-русски:

– Как тебя имя?

Коренной ответил, и сам поразился тому, как слабо звучал его голос, который всегда можно было услышать за версту. А по палатке лазаретной уже пошли перекрикивания, стали подтягиваться поближе люди, они разглядывали его и переговаривались. На лицах – восхищение, сочувствие, что угодно, но только не ненависть! Говоривший по-русски объяснил, что офицеры и солдаты пришли посмотреть на человека, который, имея восемнадцать штыковых ранений, продолжал биться до того момента, когда силы совсем оставили его.

К тому времени молва о русском богатыре уже прошла по всем уцелевшим частям французской армии. Доложили Наполеону. Он резко вскочил:

– Я должен это посмотреть!

И уже через несколько минут у полевого лазарета раздались крики:

– Слава Императору! Слава Императору!

Он стремительно вошёл под полог перевязочного пункта, остановился возле израненного:

– Как этот русский оказался здесь?

Врач склонил голову в вежливом поклоне:

– Так же, сир, как и все остальные – доставлен с поля боя на носилках.

– Сколько ранений?

– Восемнадцать, сир. Все штыковые и ни одного пулевого.

– Как же он дрался? – дрогнул голос. – Как дрался!.. Кто приказал доставить его сюда?

Молодой офицер сделал шаг вперёд:

– Я, Ваше Императорское Величество!

– Почему? И не смей лгать!

– Вы вправе меня наказать, но я это сделал в знак огромного уважения к такому великому воину.

Бонапарт рванулся к офицеру, обнял его:

– Браво! Молодец. Вы оказались очень достойным человеком!

И вышел из перевязочной. Уже на следующий день в войсках зачитывался приказ императора, где простой русский солдат назывался героем, ставился в пример исполнения воинского долга и верности своему

Отечеству. Император призывал всех французов быть верными и бесстрашными, как русский рядовой Леонтий Коренной.

Вернулся Дядя через несколько дней: бледный, похудевший, весь в повязках, которые за время пути уже и испачкались, Мундир был распорот во многих местах французскими штыками. Провели его к полковнику. Увидев грязного и оборванного Коренного, Жерве нахмурился и нетерпеливо сказал:

– Н-ну-с-с... Докладывай. Где пропадал, дезертир? Коренной недоумевающее похлопал глазами, потом всё же ответил:

– Никак нет, не дезертир, ваше скобродие! Честь имею явиться. Из плена и по приказу лично самого Бонапартия...

И у Жерве отвалилась челюсть!

Петрович после своего рассказа сделал эффектную паузу, а потом добавил:

– Потом, конечно, всё и прояснилось. Из пленных нашлись свидетели, полностью подтвердили. А Коренной всё это время, пока выясняли, всё маялся под арестом. Зато потом! Наш император произвёл его в подпрапорщики, стал он знаменосцем полка. А наградили его такой наградой, какой, наверно, ни у кого больше нет. Такая большая серебряная медаль на шею. А на ней написано: «За любовь к Отечеству».

Прапорщик дослушал Петровича, чуть заметно улыбаясь: слава Богу, хоть одному повезло, не утонул в несправедливости. Впрочем, сейчас, почти четверть века спустя, героям нашего времени везёт совсем не часто. Вот и Пушкин... Уж скольких врагов заклеил, уж как высоко славу России поднял во всём мире! И всё это обернулось облачком дыма после выстрела. А в те времена, не такие уж далёкие, ещё сохранялись остатки рыцарства.

Где-то не очень далеко раздалось несколько выстрелов. Все вскочили на ноги. Куда девалась расслабленность, висевшая над ними всего минуту назад. Здесь почти каждый знает, что в любую минуту может случиться что-то неожиданное. Вот и сейчас все одновременно поняли, что боевое охранение, выставленное перед привалом и вверх, и вниз по дороге, подало сигнал тревоги. На сей раз какая-то опасность исходила снизу. Что там? Кто знает? Петрович, экономными движениями быстро отряхнулся, заправился, подтянул ремни, проверил оружие – привычный набор самых необходимых сейчас действий. Молодые занимались тем же самым, тем не менее, поглядывая на старого служаку. Они ещё продолжали сбор, а Петрович уже стоял посреди дороги. Если бы художнику нужно было нарисовать картину «Солдат накануне похода», то, конечно же, натурщиком он взял бы Петровича. Подтянут, чист, всё, что нужно, – блеснит. А если б кто-то сказал, что на самом деле так выглядит солдат в середине тяжёлого перехода, то его, несомненно, обвинили бы в приукрашивании действительности...

КОСТЮМА

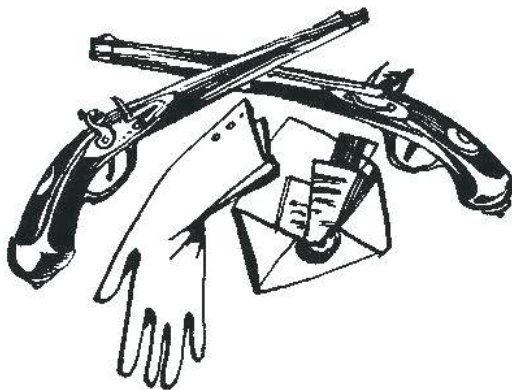
Через минуту, когда все почти были готовы что в поход, что в бой, прапорщик, тоже уже в мундире, держал под уздцы своего коня и слушал, как Петрович негромко говорил соседям по строю:

– Забыл ещё про Коренного сказать. Про полковую песню сказал, а вот про припев забыл. Думаю, что он нам сейчас и пригодится, даром что мы не финляндцы...

И запел негромко:

*Ура! Ура! Финляндцы!
Вы стяжали славу
Повсюду, где ходили в бой,
В сраженьях видели забаву,
Там каждый был из вас герой!*

Прапорщик незаметно вздохнул: «Да уж, забавы. Забавы девятнадцатого века!»

ЛИЛИЯ БОЛЬШАКОВА родилась в селе Карелино Томской области Верхнекетского района. В 1964 году семья переехала в город Нерехту Костромской области. В 1999 году заочно окончила Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова. В 1981–1993 гг. работала на механическом заводе техником-конструктором, в 1994–2013 гг. – в «Доме творчества юных» педагогом-организатором, методистом, педагогом дополнительного образования. В 2010 году награждена дипломом за 1 место в областном конкурсе работников образования «Талантов нам учительских не счесть! Учитель будет, был и есть!» в номинации «Поэтические произведения. Проза». С 2007 года – член Нерехтского литературного объединения «Лира».

СОВЕТ ИЗ ПРОШЛОГО

рассказ

В провинциальном городке «Н», расположенном на 261 километре от столицы, в одной частной компании проходил шумный, весёлый корпоратив по поводу её первого юбилея. От лица руководителя звучали хвалебные речи в адрес сотрудников компании и соответственно ответные – в его честь. Звенели бокалы, искрилось шампанское, играла чарующая музыка, проводились забавные конкурсы и, конечно, танцевальные минуты, во время которых приглушался свет для раскрепощения и более близкого общения коллег.

Из всего этого дружного, сплочённого коллектива выделялась молодая сотрудница – Лидия. Одета она была просто, тёмное платье по фигуре и белый воротничок. Русые волосы с пепельным оттенком были густыми и сбегали по плечам красивыми волнами, украшая её скромный облик. Выражение серо-голубых глаз было задумчивым, в них отражалась мечтательность и отстранённость от всего происходящего. Вместо того чтобы кружиться в танцах с коллегами, она подошла к окну и в своих раздумьях наблюдала за вечерним небом и качающими от ветра ветками берёз, чем привлекла гостя столицы, друга руководителя компании. Она показалось ему загадочной и недостижимой, но всё же он был не из робкого десятка и осмелился пригласить её на медленный танец.

Лидия не была настроена танцевать, её взор был туманен, казалось, она смотрела сквозь гостя, но его галантно протянутая рука и правила приличия заставили её согласиться. Танцуя с ним, она была холодна и безразлична. Но, надо отдать должное терпеливому кавалеру, он дотанцевал танец, не проронив ни слова упрёка, и вежливо проводил даму

на место. Прощаясь с ней, он всё-таки не выдержал и с какой-то непонятной интонацией, то ли обиды, то ли назидания сказал: «Знаете, мне кажется, вы родились не в ту эпоху. Вам бы жить во времена Пушкина, а я, извините, из этого времени, пойду веселиться дальше. Спасибо за танец».

Слова гостя (Лидия не запомнила его имя) не расстроили её, она была уверена, что осталась к ним равнодушной. Но это ей только показалось... Уйдя по-английски с вечеринки, открыв дверь квартиры, она загорелась желанием срочно найти старую семейную книгу «А.С.Пушкин», доставшуюся ей по наследству от бабушки, как будто книга могла открыть глаза на происходящее... Но книги нигде не было: ни на книжных полках; ни в прикроватных тумбочках; ни в стеллажах коридора. «Неужели я её кому-то подарила?» – с досадой рассуждала Лида.

Почти отчаявшись, она решила заглянуть на балкон, вспомнив, что убирала туда несколько книг во время ремонта. И действительно, книга обособленно лежала на шкафу сверху, будто ждала своего часа.

– Господи! – воскликнула Лида. – Такую ценную, уникальную книгу 1948 года издания я оставила на балконе!

Книга была внушительных размеров. Переплёт был жёсткий тёмно-синего цвета, обложку украшал лишь скромный веночек из цветов нежно-розового цвета с инициалами «А.С. Пушкин».

Лидии вдруг захотелось измерить книгу, такой она показалась значительной и весомой. Оказалось – двадцать один сантиметр на двадцать семь. Внутри – пожелтевшие страницы со стихами, драматическими произведениями, прозой, критикой и публицистикой – толщиной шесть сантиметров! Но разве важны размеры книги?! Важнее, кто её написал и какое содержание на её страницах, которое Лиде вновь захотелось прочесть. Она включила ночник, удобно устроилась на диване, подложив большую подушку себе под спину, поменьше – на колени, и на них с большим трепетом раскрыла бесценную книгу великого Поэта. Страницы этой книги она когда-то листала каждый день перед сном. Особенно понравившиеся стихи отмечала для себя карандашом, подчёркивала интересные мысли.

И перед ней вновь замелькали знакомые, дорогие сердцу волшебные строки, которые закружили её в вихре Пушкинской лирики: «Я вас любил, любовь ещё быть может...», «Ваш лёгкий шаг, иль платья шум...», «Всё в ней гармония, всё диво..», «Я вам пишу, чего же боле...».

Во время чтения глаза Лидии потихоньку стали закрываться, и она незаметно для себя погрузилась в волшебный сон...

В нём было всё, как наяву! Она в великолепном платье из шуршащего шёлка, украшенного тонкими, изящными кружевами ручной работы, с красивой причёской, уложенной с двух сторон локонами, в которых загадочно мерцал жемчуг, находилась в центре чудесного зала, наполненного гостями: изящными дамами, галантными кавалерами. Как и положено, все были охвачены светскими беседами, раздавались голоса, смех, шелест платьев и вееров.

Но вот двери залы распахнулись, и вошёл Он – Александр Пушкин! Все притихли. Он был необычайной внешности, смешение эфиопских и русских корней отражалась в ней одновременно. Александр был невысок, но с безупречной фигурой, тонкая талия, широкие плечи. Небесно-голубые глаза выделялись, как два сапфира, на смуглом лице, обрамлённом тёмно-каштановыми непослушными кудрями. А самое главное – от всего его облика исходила притягательная энергетика, было件нятно, что человек он особенный.

Пушкин осмотрелся, заметив Лидию, с большим радушием приветственно кивнул и направился в её сторону. Лиде хотелось сорваться с места и побежать ему навстречу, но от нахлынувшего волнения она оцепенела и не могла приподняться с дивана. К тому же на её коленях лежал открытый салонный альбом, неременный атрибут светских вечеров, приготовленный для откликов и пожеланий гостей. В середине альбома, в виде закладки, лежал засушенный цветок ландыша. Пушкин подошёл к Лидии, заметил цветок, изящно взял его, чтобы получше рассмотреть, и радостное выражение лица сменилось грустью.

– Увы, это уже не живой цветок, – печально произнёс он и продемонстрировал гостям выцветший, пожелтевший от времени ландыш. Затем он наклонился к Лидии и шёпотом добавил: «Лидия, не создавайте для себя гербарии прошлого, цените каждый миг настоящего!».

Вдруг раздался сильный хлопок! Лидя вздрогнула и от испуга открыла глаза. Когда окончательно пришла в себя, она поняла, что всё происходило во сне и, что с её колен соскользнула и с оглушительным грохотом упала на пол книга произведений Пушкина. Засохший цветок ландыша, который она когда-то решила сохранить в память о первой любви между 146 и 147 страницами, где было напечатано стихотворение поэта «Цветок засохший, безуханный^{*}, забытый в книге вижу я...», не сожалеению, рассыпался. «А может, к счастью?» – подумала Лидя.

Она подняла книгу, положила её на журнальный столик, аккуратно собрала остатки цветка, стряхнула их в мусорное ведро вместе с горькими воспоминаниями и несбывшимися мечтами о первой любви...

Чашечка ароматного кофе окончательно её взбодрила, она взглянула на часы, стрелки показывали – пора собираться на пробежку в городской парк! Она быстро переоделась и отправилась в путь, на душе как никогда было радостно и легко, ведь сегодня ночью, во сне она открыла для себя что-то самое важное, о чём не догадывалась раньше, и в этом ей помог Пушкин! Да, да! Именно он! В этом не было сомнений!

По дороге в парк находился небольшой базар, на котором любители-цветоводы вели бойкую торговлю разнообразными цветами с весны до осени. Был выходной день, цветов было много. Среди них Лидия заметила, у пожилой приятной женщины пионы чистейшей, снежной белизны с

---

^{*} безуханный – устар. поэт. – утративший аромат, не пахнущий (в современной речи не используется)

пушистыми шапочками. Она пожалела, что не прихватила с собой денег, на обратном пути она могла бы выбрать себе один из чудесных цветов. Но пройти мимо такой красоты было невозможно, и она решила хотя бы полюбоваться пышными цветами. В это же время подошёл молодой человек и терпеливо стал ждать, когда Лидия насладится красотой белоснежных пионов.

– Какие красавцы! А какой аромат! – воскликнула Лида с восторгом и обратилась к приветливой продавщице – А завтра вы придёте?

– Приду, только таких пионов больше не осталось, все здесь, день только начинается, выходной, сами понимаете, думаю, все разберут, – ответила женщина.

– Обидно, – вздохнула Лидия. – Не взяла с собой денег, пошла на пробежку в парк...

Мельком, с небольшой завистью она посмотрела на молодого человека, среднего роста с пышной шевелюрой, который стал выбирать цветы, ещё раз глубоко вздохнула и продолжила свой путь дальше.

– Постойте! – услышала она позади себя и обернулась.

– Это вы мне? – удивленно спросила она и ещё больше удивилась, когда увидела, что молодой человек, только что выбиравший цветы, протягивал цветок ей.

– Да, вам – ответил он просто.

Она не стала жеманничать, скрывать свою радость и с большим удовольствием приняла подарок незнакомца.

– Лидия, – неожиданно для самой себя она решила представиться и первой протянула руку навстречу.

– Александр, – ответил он и пожал её ладонь.

– Из этого красивого пиона я точно не буду делать гербарий, – продолжила Лида, уткнувшись носом в цветок, вдыхая его аромат.

– Что вы имеете в виду? – не понял Александр.

– Да, так, ничего, – махнула она рукой.

И они продолжили свой путь вместе.

ВЛАДИМИР СТАРАТЕЛЕВ (Смирнов) родился в 1938 г. в Ленинградской области. Окончил Ленинградский промышленно-музыкальный техникум, Ленинградское музыкальное училище, Ярославский педагогический институт. В Кострому приехал в качестве молодого специалиста в 1969 году. Печататься начал с 1971 года. На костромском материале написаны книги: «Еду к Варе», «Чай вдвоём», «Вмятина», «Я не обольщаюсь...», «Мне что доллар, мне что евро...», «Не Брут, не Цезарь, не Иов...» и др. Музыкальные пристрастия выразились в сочинении песен и романсов на стихи поэтов золотого, серебряного веков, поэтов-современников и костромских поэтов. Всего набралось свыше девятисот произведений данного жанра. Член СПР, лауреат муниципальной премии имени Д.С. Лихачёва, областных премий имени И.А. Дедкова, имени А.Ф.Писемского.

ПУШКИН

рассказ

Получил я муниципальную премию и решил не распылать её, а приобрести что-нибудь существенное. Хорошую гитару, например, со шнуром. Во время записи звук идёт по шнуру, что очень удобно.

Так я оказался в Москве, нашёл магазин, где этих гитар – видимо-невидимо, выбрал подходящую, сунул в чехол, который мне предложили, и, счастливый, вышел из магазина. Не помню, как оказался на Тверском бульваре, заметил памятник Есенину и решил порадовать Серёгу новым прочтением его стихов. Только расположился, как подошёл милиционер и посоветовал не продолжать, потому что мои действия будут считаться нарушением общественного порядка. Я, конечно, огорчился, но спорить не стал. Двинул по бульвару с ощущением некоего душевного облома и вскоре заметил надпись: «Кафе Пушкин». Уж тут-то меня примут за своего! Особенно Пушкин обрадуется: я его тоже по-новому прочёл, сейчас отчитаюсь!

Охранник, плотный мужчина с незапоминающимся лицом, наблюдая за моими действиями, спросил:

- Что вы собираетесь делать?
- Романс исполню на стихи Пушкина.
- Здесь такого не предусмотрено.
- Но музыка звучит, я же слышу.
- Это фоновая музыка.

- А я – вместо фоновой.
- Нельзя.
- Хорошо. Сообщите начальству, что возник такой прецедент.
- Хозяин ещё не приехал.
- Ужели тут и стихов не читают?
- Тут кафе, понимаете? Едят и пьют.
- Зачем же кафе назвали «Пушкин»?
- Это не наше дело.
- Можно мне пройти как посетителю?
- С гитарой?
- Я её в гардеробе оставлю.
- А вдруг вы там запоёте?
- Конечно. Ведь я Пушкина люблю.
- Гражданин, уходите-ка подобру-поздорову.
- А то что?
- А то вышвырну вас с вашей гитарой.
- Я-то уйду. А вы тут в какой роли, кого и что вы охраняете?

Выйдя из кафе, я долго не мог поверить, что это случилось со мной, что Москва превратилась в город охранников и блюстителей порядка, а я – самый главный нарушитель. Взор у меня стал стеклянным от подступивших слёз, название кафе, когда я посмотрел на него, исказилось, и, вместо «Пушкин», я прочёл: «Пшукин».

ЭССЕИСТИКА

ЗИНАИДА САВИНА родилась в 1955 году в Макарьевском районе Костромской области. Образование высшее – Тюменский государственный университет, филология. Работала на кафедре русского языка в ЮКГУ имени М. Ауэзова (Чимкент, Казахстан), последние двадцать лет связана с журналистикой. В настоящее время живёт в Костроме. Лауреат Международного литературного конкурса имени А.Н. Плещеева в номинации «Поэзия» (2021 г.).

И ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛА...

эссе

Та поездка в Питер была от отчаяния. Пандемийный август сорвал долгожданную встречу с родными из дальней дали и неминуемо обрекал меня на долгую горечь. Этого не хотелось. Нужна была если не равновеликая, то хотя бы частичная замена утрате. Но что? Решение пришло в одночасье – к Пушкину! Да, туда, в ту сторону, на север. К брегам Невы сквозь завирусованные вёрсты. В то лето я ехала к Пушкину за утешением.

Близость забронированного отеля к Александро-Невской лавре определила первый визит – на Лазаревский погост. Пятьдесят рублей по пенсионному удостоверению, и я в одиночестве иду выбранным маршрутом. Мимо Ломоносова, Фонвизина, затем налево – и вот она, Гончарова-Пушкина-Ланская. Здравуюсь, несмотря на всю нелепость такого приветствия в некрополе.

Лаконичное надгробие из габбро, обнесённое кованой решёткой – на двоих, её и мужа. Полоска розовых цветов, в гущу которых я воткнула иерусалимскую свечу. Не зная правил, зажечь не осмелилась – дозволено ли?

По сей день дата смерти Пушкина не обходится без упоминания её имени. Мир продолжает спорить: виновна – не виновна? Яростные обвинители, включая Марину Цветаеву, видят в ней холодную красавицу, равнодушную теребящую сердце поэта. Светскую куклу, роковую женщину, которая своим легкомыслием довела ситуацию до гибельного конца.

Защитники не менее последовательны в её оправдании, и в доказательство ссылаются на многочисленные письменные свидетельства

современников. И прежде всего, на самого поэта. Вот он вскоре после свадьбы с восторгом пишет другу Плетнёву: «Я женат – и счастлив; одно желание моё, чтоб ничего в жизни моей не изменилось – лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился». А когда позади были уже три года брака, Пушкин признался жене в письме: «Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив». Куда ещё убедительней?! Он и на смертном одре оберегал свою «жёнку» от волнений – просил не пускать её в кабинет в минуты наивысших телесных страданий и старался не стонать, дабы она не услышала. Врач Спасский, поочерёдно с доктором Арендтом дежуривший у постели раненого поэта, записал его слабеющие сожаления: «Она, бедная, безвинно терпит и может ещё потерпеть во мнении людском». И тут же добавил: «Пожалуйста, не давайте больших надежд жене, не скрывайте от неё, в чём дело, она не притворщица, она должна всё знать».

«Она не притворщица» – это главный вывод Пушкина после шести лет совместной жизни. Ему ли не доверять в оценке Гончаровой. Ему, который был сейсмически чувствителен ко лжи. «Не упрекай себя моей смертью: это дело, которое касалось одного меня», – были последние слова, адресованные жене.

А она, по свидетельству Василия Жуковского, «как привидение иногда подкрадывалась к той комнате, где лежал её умирающий муж», то забывалась тяжёлым бесчувственным сном, то исступленно кричала «*Tu vivras!*» («Ты будешь жить!»), а когда всё кончилось, забилась в страшных конвульсиях, от которых расшатались зубы и которые не прекращались в течение нескольких дней.

За год до свадьбы шестнадцатилетнюю Наташу все отговаривали идти замуж за неблагонадёжного и небогатого поэта. Особенно противилась мать. Но влюблённая, она стала искать защиты у деда и написала ему в Полотняный завод: «Любезный дедушка! Я с прискорбием узнала те худые мнения, которые вам о нём внушают, и умоляю вас по любви вашей ко мне не верить оным, потому что они суть не что иное, как лишь низкая клевета». Вот с такой искренностью бросилась защищать Пушкина, и всю жизнь вступалась за него по разным поводам. А потому стоило бы навсегда отринуть дурные домыслы в отношении Гончаровой. И он сам до рокового часа оставался ею «огончарован».

Пушкин, навеки прощаясь, завещал жене: «Постарайся, чтоб забыли про тебя... Ступай в деревню, носи по мне траур два года, и потом выходи замуж, но за человека порядочного».

Ему не суждено было узнать, что его «ангел Таша», двадцатичетырехлетняя вдова с четырьмя малолетними детьми, будет носить по нему траур ровно семь с половиной лет. Её будущий супруг, генерал-майор Ланской, такой её и встретит: в чёрном бархатном платье, убитую горем. И влюбится тотчас.

Наталия Николаевна трепетно отнеслась к архиву поэта и целиком завещала его старшему сыну. Благодаря её стараниям вышло полное

издание сочинений Александра Сергеевича – ничего не было утрачено. Она и тут осталась безупречной – «чистейшей прелести чистейшим образом».

В эти полчаса на Лазаревском кладбище меня не покидало странное ощущение, что Пушкин здесь бывал, стоял у могилы своей мадонны. И так же, как я, ревновал её к Ланскому. Хотя бы надгробия – раздельно... Похоже, в этом ревнивом чувстве – отголосок судьбы Нины Чавчавадзе: нам эгоистически хочется неутолимой печали.

От Петербурга до Царского Села тридцать километров. При Пушкине дорога занимала больше трёх часов. Нынешний транспорт существенно сокращает время. Особенно электричка. Но я намеренно поехала автобусом из желания налюбоваться городом. К тому же путь следовал вдоль Московского проспекта, мимо застывшего в скорби памятника героическим защитникам Ленинграда на Пулковских высотах – того района, где когда-то жила: хотелось увидиться с ним хотя бы через стекло салона.

Пушкин, он же бывшее Царское Село, встретил длинной, как сколопендра, очередью в Екатерининский дворец. Мне не было интереса до его великолепия. Мне – в лицей, в сад, к зелёным, в густой ряске, прудам с их затейливыми мостиками, в дубравы. Готовясь к поездке, перечла всё, что было навеяно «в сени уединенья» родных пенат. Я искала и находила эти места, и были они исполнены благоговения.

А вот и дубы. Старовозрастные, с глубокими отметинами десятилетий. «Мне ещё можно с ними сфотографироваться – не так глубоки мои морщины», – успокоительно мелькнуло в голове. Делаю селфи, а также подбираю с земли опавший кусок коры. Радость конченной фетишистки, которая из любого места возвращается с набитыми карманами – кореньев, камушков, ракушек, чтобы рассовать потом по альбомам, мешочкам и изредка доставать, оживляя память.

Эти несколько великанов – с подпорками, заплатами, стяжками – были посажены в правление Николая I, пережившего Пушкина на восемнадцать лет. И значит, он мог их видеть, трогать, укрываться в тени их крон.

Дубравы тех мест вдохновляли юного Пушкина. И вовсе не исключено, что именно дубы Екатерининского и Александровского парков, которыми был окружен лицей, стали прообразом самого знаменитого в истории отечественной литературы дуба – лукоморного.

Они величественны и многое помнят. Я обнялась со всеми ветхозаветными дубами Царского Села.

У Пушкина с дубом связана таинственная история. Но уже не с Царскосельским – из Тульской губернии. Он занесен в Национальный реестр уникальных деревьев России под № 700. Рядом с ним поэт стоял в мае 1826 года, приехав в провинциальный город Белёв, где скончалась императрица Елизавета Алексеевна Романова. У пушкиноведов есть все

основания полагать, что Елизавета могла быть той самой «потайной любовью», музой поэта и идеалом женщины, благоговейное отношение к которой Пушкин пронёс через всю жизнь. Он так и не открыл имени той, кого зашифровал в своем шутивно-откровенном «донжуанском списке» под инициалами «NN». И если это обстоятельство по-прежнему остается загадкой, то – безусловный факт, что Александр Сергеевич по дороге на Кавказ специально сделал изрядный крюк, чтобы заехать в Белёв склонить колено и голову ровно в трехлетнюю годовщину смерти императрицы. Но тамошний дуб хранит интригу.

Нет свидетельств, какой именно дуб вдохновил поэта на эти строки:

*Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.*

Царского ли Села, или Москвы, или Белёва? Они все пережили поэта. Но в память о нём потомки сажают дубы. Сажают их в парках и скверах – там, где установлены рукотворные памятники русскому гению. Вот и Кострома долгожданно обзавелась Пушкинским местом. И наш Пушкин тоже устремляет взор на роскошный дуб, которым оживлено всё окрест. Присмотритесь – меж ними диалог.

«Февраль. Достать чернил и плакать». Десятого числа. Каждого года. День неумолимо возвращает нас к всенародному трауру, коим обернулся трагический уход первого поэта России. Возвращает к тем драматическим событиям, движимым недоброй волей многих современников Пушкина.

Всякий раз, бывая в Ленинграде – Петербурге, я еду привычным маршрутом по синей ветке метрополитена. Считанные минуты. А тогда дуэлянтам требовалось преодолеть девять километров в одну сторону. Есть грустная ирония в том, что нынче по наземному пути к печальному месту пересекаешь Ланское шоссе.

Там, у Комендантской дачи, в огородах, которые арендовал некто Мякишев, и сошлись двое непримиримых. Вот как рисуется картина места дуэли очевидно: «Прибежал к старику Мякишеву впопыхах дворник Комендантской дачи Матвей Фомич и сказал, что за комендантским гумном какие-то господа стрелялись. Старик выбежал на улицу и увидел, что одного господина вели двое под руки, посадили в карету и повезли в город. Сейчас же он по следам пошёл на то место, где стрелялись: на дорожке, которая шла через огород, возле берёзы. Так как дорожка к месту поединка шла кружно, около сарая и гумна, и вести по ней же назад раненого было бы слишком для него мучительно и долго, то господа повели его прямо к дороге, куда подъехала карета. Изгородь же, бывшую здесь, разобрали, чтобы пройти». Это свидетельство и стало ориентиром

для установки гранитного обелиска как места последней дуэли русского гения.

Их у Пушкина насчитано двадцать девять. Двадцать четыре были назначены и не состоялись по примирению сторон. В четырех стрелялись, но без кровопролития – вверх или намеренно в сторону. И наконец, роковая, когда оба противника были ранены. Дантесу пуля пробила руку и остановилась, угодив в металлическую пуговицу мундира. В поэта пуля вошла через бедро, раздробила его и разворотила живот. Рана, в оценке современной хирургии, не являлась смертельной. Но в то время она была роковой. Жить оставалось 46 часов 15 минут.

Можно ли считать Пушкина бретёром – человеком, готовым драться по всякому, даже незначительному поводу? Наверное, да. Но только в пору молодости. Обладая пылким характером, он и правда взрывался чересчур эмоционально. К примеру, в семнадцать лет бросил перчатку родному дяде Павлу Ганнибалу за то, что тот увёл на балу барышню, с которой намеревался танцевать племянник. Ссоры, сплетни, уличения в шулерстве становились причиной вызова на дуэль со стороны Пушкина. Но и его не раз приглашали к барьеру за эпиграммы и насмешки.

Причиной вызова Жоржа Дантеса стали его настойчивые и дерзкие ухаживания за Натальей Гончаровой. Натали по молодости не смогла разглядеть в них угрозы семейному благополучию. О чём горько сожалела и, ломая себе пальцы, кричала в полубеспамятстве: «Это я его убила!»

Не она. Совсем скоро после трагедии молодой Лермонтов напишет стихотворение «Смерть поэта», в котором с юношеской горячностью бросит обвинения обидчикам первого в России поэтического гения. Михаил Юрьевич был прекрасно осведомлён и о преследовании Пушкина официальной властью за вольнодумство, и о травле со стороны светских вельмож. И, разумеется, он был в курсе той интриги, за которой следил весь Петербург: Дантес и Гончарова. Гневные слова брошены Лермонтовым им в лицо именно по этому поводу: «Не вы ль...для потехи раздували чуть затаившийся пожар?» Ещё как раздували. Именно потехи ради. Поганный пасквиль, разосланный по адресам, стал последней каплей.

Пушкин ехал на Чёрную Речку стреляться не только за честь нежно любимой жены, не только защищать собственное достоинство. Он знал, что любим Россией, и на этом поединке от имени себя отстаивал честь той части русского народа, которому был абсолютно чужд потомок завоевателя в войне восемьсот двенадцатого года, который «смеясь,... дерзко презирал земли чужой язык и нравы». И раненый Пушкин метился не в соперника по любовным коллизиям, он наводил пистолет на врага, в лице которого была вся ложь, всё ханжество, всё лицемерие света, коленопреклонённого перед иностранщиной.

В другой приезд, майский, я вновь посетила место дуэли. Ехала без цветов – так вышло: оказалась под запретом привычная торговля ими с асфальта у входа в метро. По пути сорвала несколько жёлтых первоцветов

на зазеленевших лужайках, всё ещё местами сохранившихся в уже густо населённом и обжитом районе вблизи Чёрной речки.

Где-то недалеко цвела черёмуха. Её не было видно, но узнаваемый аромат добавлял весеннего ощущения мира. Подумалось: «Любил ли он её?». В стихах – лилея, роза, ландыш, фиалка. Даже василёк. Так и не вспомнив, живёт ли в стихах Пушкина черёмуха, подошла к обелиску. Всё тот же, со следами прошедшего дождя. Несколько ступенек к подножию, чтобы положить цветы. Мои желто-весенние – к двум алым гвоздикам, из-под которых выглядывал карандаш. Подняла его. Новый, остро заточен. По чёрному гляncy золотым бисером букв уведомлялось: «ПодольскКабель».

Чьё подношение?! Кто протянул эту кабельную связь между Подольском и Петербургом, между современниками и тем, кого уже нет почти два столетия? Я поразилась находке, сочла её далёким приветом мне – именно мне! – и унесла с собой.

Поглощённая своим, не сразу заметила фрагмент строительного забора в стороне от обелиска. На нём поверх граффити каллиграфической рукой было выведено: «Я что – Пушкин стреляться из-за тебя». И знак вопроса в конце.

Племя молодое, незнакомое...

ЕЛЕНА БАЛАШОВА родилась в 1949 г. в д. Галузино Галичского района Костромской области. Её стихи печатались в газетах «Литературная Россия», «Сельская жизнь», в журналах «Нева», «Русский путь», «Вертикаль», «Аврора», «Роман – журнал XXI век», в альманахе «Слова, слова, слова...» (Москва-Чикаго). Руководитель ЛИТО «Приозерье» (г. Чухлома). Автор поэтических книг «Заколдованный круг», «Высокий свет», «Моя провинция», «Рядом с вами». Член Союза писателей России. Лауреат областной премии главы администрации области «Признание», лауреат издательства «Российский писатель» 2023 г. в номинации «поэзия».

ВОЙТИ В МУЗЕЙ

эссе

Однажды в юности мне приснился А.С.Пушкин. Как именно, сейчас я уже не вспомню, но что приснился, – это я запомнила на всю жизнь. Тогда я ещё только пыталась что-то рифмовать, много читала и, конечно, очень хотелось знать про Пушкина всё.

Только позднее я стала мечтать о том, чтобы побывать хотя бы в Ленинграде, в музее Пушкина на Мойке. Утверждают, что мечты исполняются, если очень-очень желать их исполнения. Наверное, это правда. И потому, когда однажды в зимний, холодный день стояли мы с папой перед домом Пушкина на Мойке, я поверила в то, что желания могут исполняться. Правда, на этот раз желание моё исполнялось с великим трудом: выяснилось, что именно в этот морозный декабрьский день вход в музей начинался не с девяти (сейчас уже не помню, так ли) часов, а намного позже. Причину этого тоже не знаю, но мы решили стоять до победного конца. И не одни мы. Некоторые из пришедших в музей ушли, а мы и ещё несколько человек остались ждать открытия.

Мороз был... Ну, хотя он не трещал, однако же стоять на таком морозе было отнюдь не жарко. У папы, когда мы поехали с ним из Приозерска, был уже насморк, а тут прямо-таки ручьём полилось из его носа так, что большой носовой платок мгновенно стал мокрым. Хорошо, что бабушка догадалась на всякий случай дать нам с собой небольшое полотенце. Пришлось пустить в дело его, хотя стоящие рядом люди, жаждающие попасть в музей, слегка косились, когда папа невозмутимо доставал из кармана полотенце и промокал свой текущий нос.

Так мы стояли и стояли, музей всё не открывался, и некоторые люди стали потихоньку исчезать. А тут ещё вышла служительница музея и

объявила, что, скорее всего музей сегодня вообще не откроется. Толпа возле входа заметно поредела. Но мы и кто-то ещё, видимо, так же жаждущие всё-таки попасть в музей, не расходились.

И (о, счастье!) вышла вновь та же служительница и громко сказала, что сейчас музей откроется, а те, кто ушёл, наверное, не слишком и стремились попасть в музей, а те, кто остался, – молодцы, не ушли.

И вот двери музея открылись для посетителей. Мы прошли туда, разделились и с великим трепетом вошли, наконец-то, в «святая святых» для каждого, кто любит и читает А.С.Пушкина.

Не стану описывать квартиру, потому что сейчас можно легко зайти на сайт музея и прослушать экскурсию по нему. Я долго не могла себя заставить уйти из кабинета, где стоял диван, на котором умер поэт. Как он воскликнул вот здесь: «Прощайте, друзья!», прощаясь со своими книгами или с живыми друзьями? Здесь он попросил перед смертью мочёной морошки... И книги, книги кругом! Хотелось прикоснуться хотя бы к одной из книг. Может быть, именно эту книгу держал когда-то в руках поэт. Всё здесь, каждая вещица, говорило и уму, и сердцу.

После этого ещё не раз побывала я в музее Пушкина на Мойке. Посчастливилось увидеть и Лицей, и даже Болдино. Но нигде не испытывала я такого внутреннего волнения, какое испытываю всегда в последней квартире Пушкина. Если бы была такая возможность, я бы простояла, кажется, в кабинете Александра Сергеевича и час, и два... Здесь он писал! Здесь его письменный стол, чернильница, часы (всё – подлинное!) Здесь – дух его времени, того времени. И на подлинных часах Пушкина стрелки застыли на 14-45. Часы показывают время, когда скончался Поэт.

В Лицее, конечно, тоже интересно было побывать, побродить по саду, заглянуть в маленькую комнатку под номером 13, в которой он жил ещё мальчиком. Но здесь нет подлинных вещей, принадлежавших поэту.

А вот Болдино... В Болдине я оказалась можно сказать случайно, даже и не мечтая оказаться там. Мой племянник учился в Саратове и его отец, а мой брат, предложил мне однажды: «Хочешь поехать с нами в Саратов, а на обратном пути я тебя свожу в Болдино? Это недалеко».

Как я могла отказаться от такого предложения? И вот ранним-ранним летним утром мы поехали в Саратов. К позднему вечеру от Красного-на-Волге мы добрались до Саратова. Серёжа обещал заехать в Болдино на обратном пути. Я знала, что с. Болдино находится в Нижегородской области. Мы ехали быстро, и вот, наконец, поворот на Болдино, до которого, как выяснилось, от основной трассы, по которой мы ехали, ещё 60 км. Время летело. Мы боялись не успеть в музей до его закрытия. Так и случилось: последняя группа экскурсантов покидала музей-заповедник, когда мы приехали. Всё! Мы не успели.

Но... Мы не успели в сам музей, а побродить по территории не запрещалось. Было первое сентября. Лёгкие приметы осени чувствовались

уже всюду. Я обошла не спеша дом вокруг, а после долго бродила по земле, по которой бродил когда-то и сам Александр Сергеевич.

«Какое счастье, что можно пройти здесь!» – думала я. И не надо жалеть о том, что не пришлось попасть в дом. Просто походить по земле, по которой ходил и Александр Сергеевич – уже счастье! И я представляла, как идёт поэт быстрым лёгким шагом по мостику, как открываются перед ним те же дали, что открываются сейчас и мне...

ПАВЕЛ КОРНИЛОВ родился в 1968 году в городе Костроме. Окончил Костромской государственный педагогический институт имени Н.А.Некрасова (историко-педагогический факультет). Работает главным библиотекарем в Костромской областной универсальной научной библиотеке. Пишет стихи, прозу, литературно-критические статьи. Его произведения публиковались в журналах «Новый мир», «Наш современник». В 2022 году на IV Форуме работников культуры Костромской области ему вручена медаль Министерства культуры РФ «Великий русский писатель Ф.М. Достоевский». В 2023 году стал лауреатом областной премии в области поэзии имени Ю.В. Бекишева.

ПАМЯТИ ПУШКИНА, ИЛИ ЗОЛОТАЯ КАПЛЯ

эссе

Как огромный золотой шар, Пушкин, создав свой изумительный литературный мир, рассыпался на тысячи, миллионы золотых капель. Сохраняя неувядаемую суть поэта, они проникли в сердце едва ли не каждого соотечественника. Ощущение личного знакомства с Пушкиным остается сразу, порой после знакомства с несколькими стихотворениями. После «Капитанской дочки», «Повестей Белкина», «Пиковой дамы»... «Евгений Онегин» входит в жизнь читателя чудом, тайной. Произведя необходимые настройки души и сердца, для многих становится личной книгой, где есть ответы на самые разные вопросы. Не случайно роман в стихах чуть не с пушкинских времен используют для гадания. Берут, как правило, издание с иллюстрациями, чтобы страниц было много. В святки раскрывают наугад, читая, что будет перед глазами. Книге доверяют как другу, как родному человеку. Пушкин не может пожелать дурного, а всё хорошее сбывается.

Волшебный укол золотой пушкинской каплей происходит всегда в детстве. В памяти стоит одна картина. Мальчик лет девяти на творческом конкурсе с чувством декламирует знаменитое начало первой поэмы Пушкина «Руслан и Людмила»:

*У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом...*

Декламируя, он путает слова, переставляет их. Изобразительная сила литературной сказки такова, что мальчишка, произнося: «Там чудеса: там леший бродит», – видит лешего. Его круглые восхищённые глаза больше слов говорят об этом. Наш молодой читатель впервые в жизни почувствовал, ещё не понял по малости лет, что такое гениальная литература. Но «укол» Пушкиным произошёл.

Привлекательная, талантливая молодая женщина, не любительница читать, как, увы, многие представительницы её поколения, вдруг произносит во время будничного разговора:

– А я вот вам скажу. Вы всё о своём говорите: библиотека, чтение, большие культурные вопросы. Я тут прочитала «Евгения Онегина» и вдруг поняла: а ничего больше и не надо. О нашей жизни там всё сказано.

Она привычно повела красивыми плечами, улыбнулась и заговорила о другом.

Привлекательные женщины, конечно, имеют свое право на солидные обобщения. В данном случае красавица сформулировала свою версию творчества Пушкина, дала формулу своей пушкинской золотой капли. В ней живёт домашний уют русских дворянских усадеб, незабываемое девичье любовное томление (Татьяна Ларина), которое Пушкин постиг как никто.

Полное академическое собрание сочинений поэта составляет семнадцать томов. Каждое пушкинское произведение имеет своих поклонников, преданных читателей. Есть в этом собрании, как, собственно говоря, и в других изданиях, несть им числа, небольшая повесть «Метель». Она входит в прозаический цикл «Повестей Белкина». Пересказывать сюжет не стоит, он широко известен; а сюжет прелестный. Какие слова нашёл Пушкин для описания стихии, души человека, для создания ситуации, когда само мироздание, через коварную метель, помогает сбыться человеческому счастью!

Пушкина, возможно, не стоит читать запоем. Чтение лучше дозировать, наслаждаясь переливами звуковых рядов чарующей поэзии или стремительным движением летучих фраз пушкинской прозы.

Вот прочитаны несколько стихотворений, три – четыре страницы прозы. Можно выглянуть в окно. Едва различимый силуэт человека небольшого роста на противоположной стороне улицы вдруг взмахнёт рукой, чтобы через мгновение исчезнуть. Не сомневайтесь в этом взмахе, в этом мгновении. Гениальная литература творит чудеса.

ЕЛЕНА ЗОЛотоВА родилась в 1956 году в городе Буйе Костромской области. Окончила филологический факультет Костромского педагогического института имени Н.А. Некрасова. Пишет стихи и прозу, работает преподавателем русского языка и литературы в Буйском техникуме железнодорожного транспорта. Член ЛИТО «Буйские голоса» имени В.М. Дробышева. Произведения публиковались на страницах районной газеты, вошли в коллективные сборники, изданные в Буйе и Костроме («Сердцу милая сторонка», «Соцветие»). В 2019 г. вышла в свет первая книга «Мои снегири».

ЦВЕТАЕВА И ПУШКИН

эссе

У каждого свой Пушкин. У Тынянова – свой, у Цветаевой – свой, у меня – свой. Да и у каждого русского, да, может быть, и нерусского человека – свой Пушкин. Все по-разному приходят к Пушкину и доходят до Пушкина. Кто-то дошёл до пушкинских сказок, кто-то до стихов из школьного учебника, кто-то до «Евгения Онегина», кто-то до «Бориса Годунова» и т.д. Но и дойдя до этих произведений, каждый остановился на своём определённом уровне его понимания.

Перечитываю эссе Марины Цветаевой «Мой Пушкин» и понемногу понимаю, что значит Пушкин в её жизни. Поэтесса вспоминает самые первые детские впечатления, связанные с Пушкиным и его поэзией. Это картина художника Наумова «Дуэль», которая висела в спальне её матери. «Пушкин был мой первый поэт, и моего первого поэта – убили», – пишет поэтесса. – ... я поделила мир на поэта – и всех, и выбрала поэта, в подзащитные выбрала поэта: защищать поэта – от всех, как бы эти все ни одевались и ни назывались». И ещё: «С пушкинской дуэли во мне началась *сестра*». Вот оно, ключевое слово «*сестра*», специально выделенное. Отношение любящей сестры к старшему брату?! Или гораздо больше? Отношение к Учителю?!

В трёхлетнем возрасте мать рассказала Марине о дуэли, и о том, что Пушкин был убит французом Дантесом из пистолета в живот. Неужели она запомнила на всю жизнь то, что рассказали ей в три года?

И дальше: «О Гончаровой не упоминалось вовсе, и я о ней узнала только взрослой. Жизнь спустя горячо приветствую такое умолчание матери... Чернь, на этот раз в мундире кавалергарда, убила – поэта. А Гончарова, как и Николай 1 – всегда найдётся». А это об отношении Цветаевой к Наталье Гончаровой, которая поставлена на одну доску с Николаем 1. А ведь мы знаем, что в смерти Пушкина обвиняли не только

Дантеса и придворное общество, распускавшее сплетни о жене Пушкина, но и самого императора. А вот и сама поэтесса пишет в стихотворении «Поэт и царь»:

*Зорче взглядися!
Не забывай:
Певцоубийца
Царь Николай
Первый.*

И ещё один момент из самого раннего детства Цветаевой – памятник Пушкину на Тверской, работы скульптора Александра Опекушина. У этого памятника они гуляли с сестрой Асей и няней. «Памятник Пушкина я любила за черноту... И если бы мне потом совсем не сказали, что Пушкин – негр, я бы знала, что Пушкин – негр... В каждом негре я люблю Пушкина и узнаю Пушкина, – чёрный памятник Пушкина моего дограмотного младенчества и вся России».

*Чёрного не перекрасить
В белого – неисправим!*

Эти строчки поэтесса напишет уже взрослой, в 1931 году.

И опять читаю Цветаеву: «Памятник Пушкина, опережая события – памятник против расизма, за равенство всех рас, за первенство каждой – лишь бы давала гения», – как современно и на все времена звучат эти слова Цветаевой. А перед глазами кадры сноса памятника Пушкину в Киеве. Сожжение книг, снос памятников – не это ли признаки фашизма, любого вида национализма и расизма?!

... С творчеством Марины Цветаевой я познакомилась только в институте. Там впервые и прочитала её стихи, посвящённые Пушкину: «Встреча с Пушкиным», «Стихи к Пушкину», «Пётр и Пушкин», «Психея».

Ещё юной, в 1913 году, поэтесса, вспоминая своё путешествие по Крыму, где когда-то был и Пушкин, пишет стихотворение о встрече с поэтом, совершая путешествие во времени.

*Пушкин! – Ты знал бы по первому слову,
Кто у тебя на пути!
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти.*

Она делится с Пушкиным, как с другом, всеми своими переживаниями, всем, что любит, о чём думает. Юная Цветаева и юный Пушкин, понимающие друг друга с полуслова:

*Мы рассмеялись бы и побежали
За руку вниз по горе.*

Цветаева относилась к Пушкину, как к живому человеку. «Всех живучей и живее!» – восклицает поэтесса. И с какой непримиримостью она выступает против превращения Пушкина во что-то неживое:

*Пушкин – в роли монумента? ...
Пушкин – в роли Командора? ...*

Защищает Пушкина, как решила когда-то в детстве: «... в подзащитные выбрала поэта: защищать поэта – от всех, как бы эти все ни одевались и ни назывались».

... И вот в институте я впервые читаю стихотворение «Психея», и Психею я восприняла как Музу, прекрасную, немного ветреную, в которую влюблён поэт:

*Каждый пальчик
Ручек, навших Вам на плечи,
Каждый перл на шейке плавной
По сто раз перецелован.*

И вдруг читаю странные строчки, которые удивляют и поражают:

*А Психея,
К спутнице принав – слепому
Пугалу в чепце – трепещет:
Не прожжёт ли ей перчатку
Пылкий поцелуй арана.*

А кто же это – «слепое пугало в чепце»?

До сих пор это стихотворение Цветаевой для меня загадка. И вот нахожу в эссе Цветаевой строчку: «...если каждое стихотворение само есть загадка и задача, то не та загадка, на которую готовая отгадка, и не та задача, на которую ответ в задачнике».

Быть может, для Пушкина его Натали, Наташа была Психеей, а вот для Цветаевой...

Отношение Цветаевой к Наталье Гончаровой озвучено поэтессой в другом стихотворении:

*Сон или смертный грех –
Быть как шёлк, как пух, как мех,
И, не слыша стиха литого,
Процветать себе без морицин на лбу.
Если грустно – кусать губу,
И потом, в гробу,
Вспоминать Ланского.*

Цветаева не может смириться с тем, что рядом с гением, «умнейшим мужем России», была женщина, не ценившая его талант.

Конечно, у поэтессы было своё отношение к Наталье Гончаровой. Мы можем с ним соглашаться или не соглашаться. Я всё-таки верю выбору Пушкина. Не мог поэт выбрать «пустое пугало» себе в жёны. И письма Пушкина к Наталье Николаевне подтверждают это. Читаю их и поражаюсь простоте его общения с женой, той любви и нежности, которые звучат в каждом из писем: «Мой ангел! поздравляю тебя с Машиним рождением, целую тебя и её. Дай бог ей зубков и здоровья. Того же и Саше желаю, хоть он не именинник. Ты так давно, так давно ко мне не писала, что несмотря на то, что беспокоиться по-пустому я не люблю, но я беспокоюсь... Здорова ли ты и дети? спокойна ли ты? ...» (письмо от 18 мая 1834 г.)

Пушкин пишет Наталье Николаевне очень длинные и подробные письма, не только как жене, но и как близкому другу, который поймёт и разделит его заботы и чувства, несмотря на то, что он знает, что все его письма читаются.

Особенно поразила меня следующая фраза из письма от 21 августа 1833года: «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете – а душу твою люблю я ещё более твоего лица. Прощай, мой ангел, целую тебя крепко».

И вновь Цветаева о Пушкине. В стихотворении «Пётр и Пушкин» поэтесса благодарна Петру Первому за то, что привёз в Россию прадеда Александра Пушкина:

*И большего было бы мало
(Бог дал, человек не обузь!) –
Когда б не привёз Ганнибала-
Арапа на белую Русь.*

И дальше:

*И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд, коим поныне светла...
Последний – посмертный – бессмертный
Подарок России – Петра.*

Да, у каждого свой Пушкин. Пушкин – это Вселенная, познать которую невозможно! И я только в самом начале познания этой Вселенной. Успею ли!? Сколько успею!?

IV. «У ЛУКОМОРЬЯ...»

ОЛЬГА КОЛОВА (Алексеева) родилась в Ярославле в 1966 году. Живёт в Костроме. Окончила музыкально-педагогический факультет КГПУ имени Н.А. Некрасова. Печаталась в газетах «Северная правда», «Молодёжная линия», в сборниках стихов «Происшествие в городе К.», «Летняя тетрадь», «Поют любовь вам ангелы-поэты...», в журнале «Бабя радость» (Архангельск, 2008 г., 2013 г.), альманахе «Костромской собеседник» (2017 г.), в альманахах Каблуковских литературных встреч (Тверь, 2007, 2013 гг.) и др. Лауреат конкурса поэзии «Предлог» (Кострома, 2014 г.), V поэтического конкурса памяти К.Васильева «Чем жива душа...» (Ярославль, 2014 г.), литературного конкурса «И божество, и вдохновение, и жизнь, и слёзы, и любовь» (Рыбинск, 2019 г.). Автор трёх сборников лирики и книги стихов для детей. Член СПР.

ФЕЕЧКИ

сказочка

В зарослях жасминовой аллеи
Жили-были сказочные феи,
Крошечные, с пальчик наш мизинный,
С крылышками меньше стрекозиных.

Пробуждаясь с солнышка лучами,
Выпивали феи вместо чая
Чашечку цветочного настоя,
Личики сперва умыв росой.

Надевали фартучки и боты,
Принимались дружно за работу.
Славные, заботливые крошки,
В руки взяв плетёные лукошки,

Улетев в луга, в лесные дали,
Травки чудодейственные рвали,
Собирали разные нектары,
Проводя весь день в трудах недаром.

Сказывают: были крошки-феи
Добрые ведуньи, ворожеи.
Снадобья готовили, отвары.
Духов злых рассеивали чары.

Будто было многое в их силе.
То они враждующих мирили:
Вмиг, едва начавшись с разговора,
Меж людьми заканчивалась ссора.

То, забыв порой про сон и отдых,
Исцеляли жадных, злых и подлых.
И заговорённую пылью
Незаметно веяли в лицо им.

Старичкам, прикованным к постели,
Тем, которых хвори одолели,
Чтобы век их мог ещё продлиться,
Приносили в дом смолу-живицу.

И, жалея мамочек усталых,
Тешили игрой детишек малых.
А младенцам плачущим, не спящим
Хвои аромат несли из чаши.

Феечки, таясь на одеяле,
Сны послушным детям навевали
Самые волшебные, цветные,
Охраняя их в часы ночные.

А когда от таинств отдыхали,
На жуках устраивали ралли.
Слушали с восторгом птичьи трели
Иль играли тихо на свирелях.

Под высоким чистым небосводом
В воздухе кружили хороводом.
И прощалась им любая шалость.
А едва на улице смеркалось,

То, стуча чуть слышно каблучками,
Украшали землю светлячками,
Делая наш мир ещё красивей
И людей добрее и счастливей...

Сказки зарождаются из былей.
Верится, что феи всё же были,
Видеть их могли на белом свете
Старики да маленькие дети...

В зарослях жасминовой аллеи
Раньше жили сказочные феи.
Но исчезли вдруг. И стал печальней
Мир людей... А вы их не встречали?

ОЛЬГА СЕРОВА – поэт, член Совета молодых литераторов Костромской областной писательской организации. Стихи начала писать в школьном возрасте. Автор книги для детей «Босиком по радуге». Участница литературного объединения «Буйские голоса» (г. Буй, Костромская область). Участница поэтического концерта в рамках празднования Дня города Костромы (2023 г.). Участница областной литературной онлайн-гостиной «Живое слово».

СЕСТРИЦЫ

сказка

Давным-давно, в маленькой деревушке за лесом, жила-была девочка. Звали её Алёнка и была у неё сестра Дуняша. Встанет, бывало, Алёнка ни свет ни заря и начнёт по дому хлопотать – тесто замесит да пирогов напечёт, за дровами сходит, в избе приберёт. А Дуняшка на печи лежит весь день и приговаривает сестрице: «Алёнка, надо бы принести водицы!», «Ты малость со мной полежи, да платье моё потом довяжи». А Алёнушка ей отвечает: «Хорошо, Дуняша, да некогда мне на печи лежать, надо в лес идти по грибы да по ягоды. Погуляю часок, не пойдёшь ли со мной в лесок?» – Дуняшка повернулась да нахмурилась: «Полежать бы немножко, стонут бедные ножки, разве что на часок прогуляюсь в лесок».

Взяли кузовки с собой и отправились в лес. Алёнка ягодки в кузовок бросает, а Дуняшка в рот накладывает. «Хватит, Алёнка, глазами хлопать, бросай кузовок, давай ягоды лопать!» – А Алёнка только смеется да снова кузовок наполняет. Видит, ёж ползёт совсем махонький, наклонилась к нему Алёнка, поздоровалась, а ёж ей и говорит: «За грибами я шёл – ничего не нашёл, только шишки да кочки, угостите грибочком?» Алёнка грибов ёжику положила и сказала: «Бери – не отберём, а мы ещё наберём». Увидела Дуняша, что сестра ему грибов дала, щёки надула и говорит: «Что ты, сестрица, полно тебе со всеми возиться, каждому гриб подаём, сами пустые уйдём». Алёнка ничего сестрице не ответила, только шишки еловые заметила. Что ж им зазя валяться? Возьму, авось пригодятся. Шли они шли, вдруг им навстречу белка скачет, Алёнушка с белкой поздоровалась, а белочка ей и говорит: «Шла я по лесу, шла ничего не нашла, как бы мне по пути, хоть бы шишку найти», Алёнка с кузовка шишку достаёт да белке подаёт: «Держи, не отберём, а мы ещё наберём!», а Дуняша ещё больше щёки надула да говорит: «Что ты, сестрица, полно тебе со всеми возиться, всем подаём, сами пустые уйдём». Да только Алёнка Дуняшку не слушает, всё ягоды в кузовок кладёт. Вдруг им

навстречу медведь идёт. Дуняшка испугалась, закричала: «Не подходи к нему, Алёнка, он тебя вмиг съест!». Только Алёнка не послушалась сестрицу, подошла к медведю и поздоровалась с ним. А медведь ей и говорит: «Шёл я по лесу, шёл, да ничего не нашёл, только мох да пылинки, не дадите малинки?» Алёнка кузовок открыла, горсточку ягод набрала и медведю отдала. «А где же твои ягоды?» – спросила Алёнка Дуняшу, а Дуняша отвечает: «Уж больно вкусные ягодки, я их с веточки ела, а в кузовок положить не успела». Алёнка головой покачала, да только ничего Дуняшке не ответила. Шли они шли, ближе к дому через просеку, видят волк на тропинке стоит. «Ой, мамочки! – закричала во весь голос Дуняша. – Ой, люди добрые! Алёнушка, не подходи к волку, он зубами щёлкнет – тебя и нет». Не послушалась Алёнка сестрицу, подошла к волку, а он ей и говорит: «Шёл я по лесу, шёл, да ничего не нашёл». Алёнка ему и отвечает: «Хочешь, ягод возьми с грибами, пусть мы голодны будем сами». Добавляет вдруг Дуняша: «Ты бери, серый, ягоды наши». Только волк заклацал зубами: «Я полакомлюсь лучше вами!» – испугались тогда сестрички, задрожали у них реснички, завопила Дуняшка громко: «Ой, пропали, пропали, Алёнка!» Да на счастье медведь шёл. Остановился Потапыч и говорит волку: «Ты почто сестриц обижаешь, ты почто им гулять мешаешь? Я в обиду сестриц не дам, ух, сейчас я тебе задам!» Испугался медведя волк, свои ноги скорей поволок. За пенёк споткнулся, упал. Рядом ёжик уставший спал. Наступил он ему на иголки, а иголки у ёжика колки. Захрипел серый волк, зарычал, ёжик быстро его умчал. Белки шишками враз закидали, больше волка в лесу не видали. Тут Дуняшке Алёнка сказала: «Без меня б ты, сестрица, пропала. Коль не будем зверей огорчать, будут звери и нас выручать».

НИКОЛАЙ МАКСИМЧУК родился в 1957 г. на Волыни. С 1975 по 2002 год – в рядах Вооружённых Сил, прошёл путь от рядового до гвардии майора. Образование высшее – окончил в 1981 году Симферопольское ВВПСУ. Стихи и проза печатались в журналах «Терра», «Молодая гвардия», «Кострома литературная», «Кострома», изданы в 28 коллективных и 8 персональных сборниках: «Распахнутая душа» (стихи), «Смех сквозь слёзы» (пародии, эпиграммы), «Любопытный носик» (сборник стихов для детей), «На третьей от Солнца планете» (стихи), «Мелодии живой струны» (стихи), «Хиханьки» (пародии), «Моими дорогами» (стихи) и др. Издательством «Союз писателей» издана книга «Влас» (проза для детей). В 2018 году его стихотворения вошли в хрестоматию «Писатели XXI века» и в сборник «Легкокрылая фея Любовь» («Союз писателей»). Живёт в Костроме. Член СПР.

СКАЗКА О ТОПОРЕ

Не в царстве и не в государстве, а в магазине «Хозтовары» на самой обозреваемой полке лежал новенький Топор. Он блестел своими стальными боками, сверкал острым лезвием и солидничал обухом. Особую гордость у него вызывало отполированное на совесть берёзовое топориче. Его фигурный профиль, умело подогнанный по руке будущего лесоруба, вызывал зависть у лежащих рядом стамесок, долот и молотков. У тех ручки были намного проще! Но больше всего Топор восхищался своим ценником – на нём красовались цифры, недоступные ни шурупам с гвоздями, ни другим инструментам.

Шло время. Торговля была довольно бойкой и вскоре одни соседи Топора сменились другими, те – третьими, а его никто не покупал. Сначала он недоумевал, а когда его бока запылились, потускнели, уже начал злиться на свою судьбу. Карьера главного рубателя почему-то не складывалась. Но тут случилось то, от чего Топор пришёл в ярость – ему сменили ценник. Теперь он стал намного дешевле. Соседи по полке скрытно посмеивались над ним, а он в ответ не мог даже наказать их за это: все они были металлическими и Топор, вступая в драку, только бы испортил свою заточку. Он прекрасно понимал, что с таким дефектом вообще бы никому не пригодился. Оставалось одно: молча злиться, злиться, злиться... Чем он ежедневно и занимался.

Как-то в магазин зашла старушка. Её взгляд поблуждал по полкам и остановился на Топоре. Потом она пересчитала что-то в своём кошельке и подошла к продавцу. Тот с безразличным выражением лица взял Топор,

завернул его в кусок грязной обёрточной бумаги и подал старушке. Такое унижение напоследок! Как захотелось Топору отомстить за все обиды разом. Хотя бы этому неряхе-продавцу. Но сухонькие ручки старушки держали его не столько крепко, сколько заботливо-ласково. Будто бы дорожа им. И от этого Топор впал в непонятное для него состояние какой-то растерянности. А пока он раздумывал, старушка вышла из магазина.

...Домик старушки стоял у самого леса. Во дворе рядом с колодой для рубки дров лежала кучка сухого валежника. Старушка развернула бумагу, достала Топор и воткнула его в колоду. Сама пошла в домик. Отдохнуть с дороги. А Топору это только и нужно было. Как накинется на валежник! Не успел даже разогреться, как следует, а рубить уже нечего – во дворе одни дрова. И тут взгляд Топора остановился на лесе. На самом настоящем лесе! С большими и маленькими деревьями, с кустами и кустиками. Со всякой живностью. Вот где бы он разгулялся! От нетерпения у него даже зачесалось лезвие. Искушение было так велико, что уже через несколько минут Топор был на опушке. С наслаждением он вонзился в одно дерево, в другое...

И тут к Топору подбежала Зайчиха: «Уважаемый Топор, у меня к Вам большая-пребольшая просьба». Тот на миг остановился и вопросительно посмотрел на Зайчиху. «Понимаете, – продолжила она, – под этим кустом мой домик, а в нём десяток маленьких зайчат. Не рубите его, пожалуйста! А то моим деткам негде будет прятаться от страшного Волка и от хитрой Лисы». Топор на это скривил недовольную гримасу: «У меня нет никаких детей. И ты без них обойдёшься». Он замахнулся, совершил дуговой полёт, и от пышного куста остались только пенёчки. Еле успели зайчата разбежаться кто куда. Долго после этого собирала перепуганных деток мама Зайчиха.

А злой Топор валил и валил всё подряд. Когда он остановился перед толстым дуплистым деревом, к нему подлетела Пчёлка со своими подругами: «Дорогой наш стальной друг! Не рубите, пожалуйста, это дерево. В самом большом его дупле живёт наша семья. В нём же – запасы мёда на зиму. Без него мы пропадём. Давайте и Вас угостить сладеньким. Хотите?» «Нужен мне ваш мёд. Лучше бы оселок притащили с деревни. Разжужжались тут. Не мешайте мне! А ну, посторонись, полосатая мелочь». Пчёлки обиделись и попытались напоследок ужалить разбойника. Да разве почувствует боль стальной Топор? Он только презрительно посмотрел на рой, и задрожал от Топориных ударов шершавый ствол лесного старожилы...

Дошла очередь и до стоящей на полянке дружной компании молоденьких берёзок и осинков. Возле их стволов красовались грибы: Подберёзовики в солидных серых шляпах и красноголовые, толстоногие Подосиновики. Они вежливо поклонились Топору. Улыбнувшись ему, все вместе произнесли: «Здравствуйте, дяденька Топор! Мы восхищаемся Вашим трудолюбием, но просим не рубить наших подруг: не будет берёзок и осинков – не будет и нас. А не будет нас – многие лесные жители будут

голодать зимой». «А мне вы, грибы, и даром не нужны. Ни летом, ни зимой. Так что пошли вон! А то и вас заодно рубану». И застучал Топор по звонким берёзовым и по мягким осиновым стволам.

Недалеко от этой полянки рос тоненький, гибкий Дубочек. Его крупные фигурные листья шелестели на ветру радостную песенку. Топор, подойдя к Дубочку, прислушался к пению. Но песенка его не обрадовала, а наоборот обозлила: не мог Топор спокойно смотреть на чужое счастье. Хотел он тут же расправиться с юным певцом, но тот обратился к нему с приятным напевом: «О, славный молодец Топор! Не губите детство Вы моё. Если вырасти сумею, то своими жёлудями я пол леса прокормлю. А потом, когда состарюсь, то чудесной древесиной столяров всех удивлю». «А мне до обуха твои будущие жёлуди. Как и твоя древесина – топорище из неё аховое». Свистнул в замахе Топор, и листья на падающем Дубочке выдохнули в последний раз нотку «ми».

А сколько раз к нему обращались лесные птицы с просьбами не рубить те деревья, на которых находятся их гнёзда! Думаете, Топор услышал мольбу? Нисколько! Он словно бы получал удовольствие от чужих страданий. И казалось, не найдётся силы, способной усмирить его.

Но тут подлетела к Топору Бабочка и давай его нахваливать. Какой ты, мол, трудолюбивый, да какой ловкий, да какой выносливый. «А смелый какой, – продолжила дальше она, – никого не послушался, не побоялся и всё рубишь, и рубишь. Так можешь и весь лес за один день положить. А завтра что будешь делать? А? Может быть, сегодня передохнёшь, а мы тебя украсим, обласкаем». Топор, конечно, не знал, что означало на самом деле предложение Бабочки, но от небольшого отдыха он решил не отказываться и воткнулся остриём в старый, оставшийся от давней-давней порубки, Пень. Пень тут же недовольно просыпал труху, но Бабочка что-то шепнула ему, и тот одобрительно кивнул куском коры, отставшей от ствола. Откуда-то прилетели подружки Бабочки. Одни вили венок и надевали его на топорище, другие обмахивали крылышками, словно опахалами, третьи – танцевали на обухе. Вдруг прилетела Божья Коровка и стала бегать по бокам Топора. Она так приятно щекотала их, что Топор не выдержал и от удовольствия улыбнулся. Видя это, осмелели птицы и стали напевать свои песни во все голоса. Топор блаженствовал! Ему даже перехотелось рубить деревья. Впервые в жизни он был по-настоящему счастлив. И это счастье ему подарили добрые маленькие лесные жители! Но только Топор понял это, как тут же нахмурился, потупился и заёрзал своим острым лезвием в Пне. Все присутствующие в тревоге притихли, не зная, чего можно ещё ожидать от него. А Топор помолчал, помолчал и, пристыжено, тихо-тихо произнёс: «Простите меня, пожалуйста, все, кого я сегодня обидел. И Зайчиха, и Пчелки, и Подберёзовики с Подосиновиками, и все птицы. Жаль, что меня больше не смогут услышать те деревья, которые я со злости срубил. Я больше никогда-никогда не буду так поступать. Я просто не думал о том, как вы все друг другу нужны». Бабочки сели на него и погладили крылышками, а

КОСМРОМА

птицы снова запели. И началось в лесу веселье. Даже старый Пень, в котором торчал Топор, выпустил два тоненьких-тоненьких росточка с фигурными дубовыми листьями.

Незаметно в лес пришёл вечер. Топор вдруг вспомнил о доброй старушке, которая купила его в магазине и о том, что нужно помочь ей по хозяйству – она-то старенькая, слабенькая. «Друзья мои, – обратился он ко всем, кто с ним играл, – мне уже нужно идти. Но я буду часто навещать вас. То просто в гости, то – за сухими деревьями для моей хозяйки. А вы к нам приходите. До свидания!» «До свидания, до свидания, – отвечали ему лесные жители, – мы будем ждать тебя!»

...Прошли годы. На месте вырубленных деревьев и кустов выросли новые. Каждую весну они одевались в листву, а птицы вили в их кронах гнёзда и высиживали птенцов. Всюду росли грибы и бегали лесные зверюшки. На полянах и на опушке, где были цветы, жужжали дикие пчёлки. И каждый раз, когда в лес приходил Топор, все радостно встречали его. И никто больше его не боялся. Разве друзей бояться?

Памяти Светланы Георгиевны Степановой

СВЕТЛАНА СТЕПАНОВА (1921-2015) родилась в г. Костроме в 1921 году. В 1940 году окончила школу № 26 и поступила в Рязанский пединститут.. Во время Великой Отечественной войны переехала в Кострому и окончила здесь педагогический институт. С 1942 года работала на костромском радио. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», юбилейными медалями. «Кострома и костромичи» – так называлась её программа. Сборники стихов «Дым кочевий» (1967), книги для детей «Дима Пятёркин» и «Санька Прутиков летит в космос», повесть «Седлать коней» (1981), сборник стихов «Воспоминание о белой лошади» очень полюбили костромичам. Член СПР.

ТЮТЯ, ШУСТРИК И ДРАКОША*сказка-быль*

Я живу на верхнем этаже большого кирпичного дома. Надо мной только небо и голуби. Рано утром они начинают ворковать и стайкой слетаются на мой балкон. Ждут. Ждут, когда я открою дверь и рассыплю на подоконнике корм. И, если я долго не появляюсь, они стучат клювиками в стекло: «Тук, тук, тук...» Это означает: «Выходи! Что-то ты долго спишь сегодня!».

В конце мая в нашем доме случилась беда. Из гнезда, что под самой крышей, выпал маленький голубёнок. Вероятно, за ним плохо смотрели родители или он был такой шустрый, что в гнезде ему не сиделось.

Рыжая кошка Лессик, что живёт на первом этаже, хищно посматривала на него из-за кустов. Ещё секунда... Даже трудно себе представить, что бы случилось, но именно в эту секунду вышла на крыльцо хозяйка рыжей кошки – первоклассница Лариска. Она поймала птенца и принесла его в наш подъезд.

В тот вечер я возвращалась домой поздно. «Ба! Да ведь это голубь!» – подумала я, взглянув на высокий подоконник. Птенец сидел там нахохлившись, а крошки хлеба и крупа лежали рядом нетронутые.

– Он и есть-то ещё не умеет! Ведь мать-голубица кормит его из своего клюва. Но что же делать? Он погибнет. А, если... Взять его к себе – ведь я умею кормить птенцов. А кошки? Их у меня две! Ну, а может, поговорить с ними по-человечески? Объясню им, в конце концов, что малыш попал в беду.

Ну, а теперь о кошках. Зовут их так: Шустрик и Дракоша. Шустрик – совсем старый и ленивый кот. Родился и вырос он в моей квартире и ни разу не спускался по лестнице вниз. Летом он обычно сидит на балконе, распушив свой огромный хвост. Морда у него – сытая, окраска серая с белым, а голос такой громкий, что, когда я поднимаюсь по лестнице, он чувствует меня за три этажа и начинает орать у входной двери, слышит его весь подъезд.

Надо сказать, что Шустриком я прозвала его не случайно. Котёнком он ловко цеплялся за оконные портьеры, любил качаться на тюлевой гардине и вообще был циркачом. Но с годами кот постарел, стал тяжёлый и ленивый и, когда ходит по комнате, то сильно топаёт своими лапами... Пора бы перестать звать его Шустриком, но, пожалуй, на новую кличку он откликаться не будет.

А ещё есть у меня Дракоша – кошка тишайшая и ласковая. Была она беспризорницей и однажды зимой в большие морозы прибежала в наш подъезд погреться. Я взяла её жить к себе. Ночью, когда в квартире гаснет свет, Дракоша прокрадывается ко мне на одеяло и начинает петь песни. Поёт она громко и старательно до тех пор, пока сама не заснёт.

Окраска у Дракоши обыкновенная – тигровая. Зато глаза! Зелёные, огромные, вопрошающие. Есть она никогда не просит. А просто идёт на кухню и садится у холодильника.

Вот так мы и живём. Я несла голубя в ладонях и чувствовала, как под рукой бьётся его маленькое сердечко. Почему-то я решила назвать его Тютей. Сама не знаю – Тютя и Тютя!

– Ну, вот, Шустрик! – Знакомься! – сказала я строгим голосом, потому что кошки отлично чувствуют интонацию. – Это наш Тютя. Трогать его нельзя! А то попадёт!

При этих словах я потрепала Шустрика за ухо, давая ему понять, что с ним будет, если он дотронется до голубёнка.

Шустрик это отлично понял, понюхал вокруг воздух и ушёл на кухню. Дракоша, наоборот, проявила чрезмерное любопытство, за что получила трёпку и страшно обиделась. (Ночью даже не пришла ко мне петь песни!).

Я накормила кошек и Тютю, приготовила ему корзинку. Её я поставила на шкаф и уложила туда Тютю, накрыв его журналом «Советский экран».

Эту ночь я спала тревожно. Несколько раз просыпалась, но в доме всё было тихо. Шустрик, как обычно, растянулся во всю длину письменного стола, а Тютя даже не ворочался в своей корзинке.

И вдруг я услышала шум! Оказывается, тихоня Шустрик решил нанести визит вежливости на шкаф, но Тютю он не тронул. Просто приходил познакомиться без свидетелей.

...Шли дни. Тютя просыпался рано, и мне приходилось его кормить. Рук моих он по-прежнему боялся, приходилось его ловить. А ел он с удовольствием. Особенно вермишель с маслом!

А однажды Тютя совершил свой первый полёт. Жаль только, что он ударился о водопроводный край и зашиб лапку. Так и стоял весь день на одной лапе!

Днём, когда меня не было дома, Тютя свободно расхаживал по книжному стеллажу. А однажды я подсмотрела, как он загляделся в стекло, как в зеркало. Дело в том, что над стеллажом висит акварель в застеклённой раме... Что он там увидел? Наверное, себя!

Утром у меня – тревожное настроение! Еду в командировку на целый день! Что будет с Тютей? Поставила ему на пол тарелку с едой и уехала. Вернулась поздно – часов в восемь. Поднимаюсь по лестнице и слышу отчаянный писк! Открываю дверь и вижу: Тютя расхаживает по комнате и орёт, а тарелка с едой стоит целехонька! А Шустрик и Дракоша сидят рядом и, словно удивляясь, хотят мне пожаловаться: «Мы его не понимаем! Мы ведь не голуби!».

...Дни бегут, и Тютя растёт. Он научился есть, и теперь я сыплю ему корм на подоконник. А воду он пьёт из маленькой узбекской пиалы. Раз даже залез туда обеими лапками и долго стоял там.

...Середина лета. Цветут травы. И ни одного дождика! Теперь балконная дверь не закрывается ни днём, ни ночью. Но Тютя не может улететь – там висит длинная тюлевая занавеска.

По утрам я обычно сижу за письменным столом и вижу всё, что делается в моей комнате. На широкой тахте, прижавшись друг к другу, спят Шустрик и Дракоша. А Тютя сидит на шкафу и наблюдает. Одному, конечно, сидеть скучно! Это всякий знает! И он прямёхонько летит к кошкам, в самую середину их компании. Ах, как жаль, что нет у меня фотоаппарата!

...Подсчитываю потери. За это время Тютя разбил у меня чайник для заварки, красивое фарфоровое блюдце, узбекскую пиалу, сломал настольную лампу под зелёным абажуром, рассыпал на кухне грузинскую приправу, расколол деревянную матрёшку и испортил широкую багетную раму на картине «Палаты Романовых в Ипатьевском монастыре».

Зато меня радует, что по утрам Тютя энергично хлопает крыльями, словно собираясь в дальний полёт. Полёт ему действительно предстоит дальний – в большой незнакомый мир! По ночам Тютя «гукает» в своей корзинке. Наверное, ему снится небо.

Но самое смешное – старого Шустрика он ни в грош не ставит! И когда тот проходит вблизи, нарушив, очевидно, дистанцию, то Тютя, нахохлившись, бежит за ним, громко ворчит и норовит клонуть в хвост! А воду Тютя пьёт только из кошковой чашки!

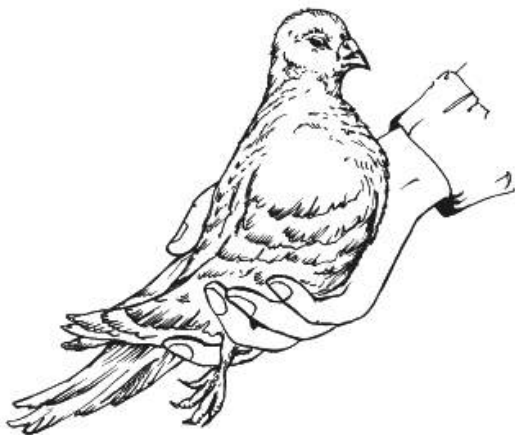
...Мне будет грустно расставаться с Тютей. Надо бы сделать на его лапке какую-то метку, но он до сих пор не даёт мне в руки!

Уже сентябрь на дворе. Сегодня дети утром пошли в школу. А накануне ко мне приходила Лариска посмотреть на голубёнка. – Вырос! – сказала она.

...С утра Тютя сидит на открытой балконной двери. Каждое утро сюда прилетают голуби, целая стая. Они стучат в окно, словно бы зовут Тютю с собой. Я ухожу на кухню готовить завтрак, а когда возвращаюсь – Тютя уже нет! Он на крыше соседнего дома.

– Тютя! – кричу я. – Вернись!

Но Тютя не возвращается. Он улетел в большой мир, куда позвали его голубое небо и друзья-голуби. А на память мне осталась фотография. На ней – Тютя и Шустрик. А Дракоша не захотела разделить компанию. Она спрыгнула со стола в тот самый момент, когда фотограф навёл на них объектив.

V. МАСТЕР-КЛАСС

ИГОРЬ ГУРЕВИЧ родился в 1960 году в Архангельске. С 1977 по 1980 годы учился в Саратовском государственном университете на филологическом факультете, занимался в семинаре известного советского литературоведа, доктора филологических наук Валерия Прозорова. Саратовский период нашёл отражение как в поэтических (поэма «Степь»), так и в прозаических (цикл рассказов «Любовь к родине») произведениях. После третьего курса он вновь оказался на Русском Севере, перевёлся в Архангельский педагогический институт имени М.Ломоносова. С тех пор живёт в Архангельске.

Русский Север вошёл в судьбу писателя и в значительной мере повлиял на его творческий стиль (рассказ «Лето, в котором тебя любят» и др.). С 1981 года работал учителем русского языка и литературы, был директором школы, заведующим кафедрой управления и экономики образования в ИППК работников образования Архангельской области. Годы работы в институте выпали на перестроенный период, которому автор посвятил немало произведений (роман «Любовь к ближнему», повесть «Осенний ЧОС», рассказ «Анонимная надпись» и др.). С 2000 года работал в журналистике, был директором первого в Архангельске информационно-аналитического агентства «Двина-информ», директором по связям с общественностью в авиакомпании «Нордавиа». В 2016 году принят в СПР. С 2018 года ведёт авторскую программу «Книжная лавка» на радио «Поморье». С 2019 года – организатор литературно-музыкального конкурса-фестиваля имени А. Грина «Остров надежды» под эгидой СПР.

ОСЕННИЕ СНЕГИРИ

Листва спадёт. Проявятся стволы
берёзовые, чистые, свечные.
Над крышами, оставив чернь золы,
дымы клубятся белые, печные.

Прощай, тепло, до нового тепла!
Вдруг снегири – откуда?! – на рябине.
Ещё зима на землю не сошла,
ещё река, не скованная, стынет,

а снегири торопят холода.
Снега готовы к первому паденью.
На лужах завтра – тонкая слюда –
ещё не лёд, а только наваждение.

Ещё трава зелёный цвет хранит.
Нет завершенья. Но всё выше, выше
клин журавлиный в небеса летит
и никого с земли уже не слышит.

***

Час предутрия. Ранняя осень.
Влажный сумрак парит невесом.
И тугие дождливые косы
распускает заря за окном.

Проступает дрожащая тропка,
уходящая в поле с крыльца.
И лучами тревожными робко
солнце гладит морщины лица.

Отступают холодные тени –
и да здравствует ласковый свет
увядания и ... вдохновенья,
о котором поведал поэт!

Час предутрия. Плач литургии –
и вплетает свои купола
в просветлённое небо Россия.
Осень ранняя. Кромка села.

Нам ещё ничего не открылось.
Мы ещё не умеем прощать.
Просто тёмная даль прояснилась.
Просто мёртвая стёрлась печать

Облетели родные деревья,
стали ближе, лишившись причуд.
Просто осень, тропинка, деревня
мимо сердца уже не пройдут.

РУССКАЯ ЗИМА

Снег опустился на дали мирские.
Изморозь прячет изломы ветвей.
Щедро в меха наряжает Россия
лес, и дорогу, и пеших людей:

сын ты её, или дочь, или странник –
все, кому выпало нынче идти,
будут её охраняемы дланью,
оберегаемы в долгом пути.

К радости купол небесный осветит
солнцем поутру, звездой в ночи.
Тех, кто замёрз, обогреет, приветит
тёплой избой, пирогами в печи.

Посох, котомку, топор да верёвку –
всё, что несёшь, оставляй у дверей.
В баньке напарит до лёгкости лёгкой,
стопку подаст запотевшую – пей!

Выдохни, выпусти злобу да зависть.
Чистому гостю пристало чайку –
он у России на травах заварен,
тех, что всё лето росли на лугу.

Вот и постель пуховая готова:
спи, да придут к тебе светлые сны!
Но говорят, что Россия сурова:
поводы ищет для драк и войны.

Что тут ответить радетелям страхов?
Клеветники испокон не молчат.
Рвать на груди – не губите! – рубаху?
Или медведем угрюмым рычать?

Если ты сын, или дочь, или странник,
и у тебя не закрыта душа,
будешь осыпан серебряной данью,
будешь любовью согрет не спеша.

Если ты что-то другое – прости уж! –
выродок собственный, пришлый чужак:
будешь ты чувствовать зимнюю стужу,
будешь входить не в избу, а барак.

Снег для тебя будет грязным и чёрным,
утренний свет – грозной тьмью ночной.
Ты не заметишь, как чистый, упорный
всходит подснежник здесь каждой весной.

Так что живи где-нибудь за буграми:
в сторону нашу зазря не ходи –
вдруг захлебнёшься пургой да ветрами
и ненароком замёрзнешь в пути?

ДЕРЖИТЕСЬ, РЕБЯТА!

Держитесь, ребята, мы с вами!
В руках ваших русское знамя,
В сердцах ваших русская кровь.
Ведут вас Господь и молитва
На эту священную битву
За веру, народ и любовь!
Как много сынов поседело!
Война – это страшное дело,
И множатся вдовьи ряды.
Пропахшие порохом руки
Спасают Отчизну от муки,
От сытой заморской вражды,
От этой великой напасти –
Отнять у нас веру и счастье,
Быть русскими право отнять.
Сражайтесь, ребята, мы с вами!
В руках у вас русское знамя,
В сердцах у вас Родина-мать!

***

Нельзя отменить Россию.
Европа, окстись, послушай:
Достанет подспудной силы,
Ниспосланной русским душам

Божественным провиденьем.
Достанет терпенья к боли
И веры в своё спасенье
На ратном смертельном поле.

Как наши луга красивы,
Поля и леса прекрасны!
Нельзя отменить Россию.
Здесь небо и в тучах ясно,

Здесь чёрное – только море
И белое – море тоже.
Народным бывает горе,
В котором Господь поможет –

Поддержит, пошлёт Мессию,
Добавит ещё терпенья.
Нельзя отменить России –
И в этом её спасенье.

***

До свиданья, мама. Я уеду.
Обещаю, мама, я вернусь.
Выпроси у Бога нам победу
В схватке за поруганную Русь.

Может, до конца не понимаю,
как сплотилась чумовая рать
но клянусь тебе, моя родная,
как отец твой, честно воевать.

След мой первым снегом припорошен.
Не желал я встретиться с войной,
но уж если этот жребий брошен –
дед как ангел встанет за спиной.

Вот и всё. Час прѣбил расставанья.
Ты прости за этот тяжкий груз.
Что ещё сказать мне на прощанье?
Обещаю, мама, я вернусь!

***

Мне причудился звон родниковый
В сердцевине осеннего сна.
И с души моей спали оковы,
Засвистала по-птичьи весна.

Я проснулся во сне, потревожен
Чистым звоном и щебетом птиц.
Дрожь гуськом пробежала по коже,
В небе вспыхнули сотни зарниц.

Громыхнуло, опять засверкало.
И пролился сияющий дождь.
Убежало моё одеяло
В ту же даль, куда двинулась дрожь.

И я ринулся к солнцу по-птичьи,
Будто только и мог, что летать,
Славить небо и Божье величье,
И святую архангелов рать.

Сон был дивным, вызывающим к плачу,
И лились мои слёзы, лились.
Обретая любовь и удачу,
Я летел в несказанную высь,

Я молил обрётённого Бога
Снять с меня заунывную грусть.
... А Всевышний стоял у порога
В ожиданье, когда я проснусь.

***

Сошло на нет цветение черёмух,
как майский снег случайный и чужой.
Повсюду зелень, лето, птичий гомон.
Мой Север жив – и, значит, я живой!

Мы вместе пережили эту зиму,
а с нею отключений череду
порою плановых, порой необъяснимых.
Мы вместе семенили с ним по льду.

Я говорил: «Какие наши годы!», –
когда пурга бросала нам в лицо
осколки злобной зимней непогоды
и заметала до дверей крыльцо.

Кипи же, лето, буйствуй, успевая
украсить наши скромные луга
цветением потерянного рая,
пока он снова не сметён в стога.

В тепле и неге здесь не забалуешь:
полгода – снегу, травам – день и час.
Не оттого ль мы ценим жизнь земную,
что лето скоротечное у нас?

ЛЕТНЕЕ УТРО. ДЕВОЧКА И ЗВЕРИ

Передо мной в лазурной вышине
берёзовой листвы мажорный трепет.
И девочка в распахнутом окне
сидит на подоконнике и лепит

невиданных, придуманных зверей –
зелёные и синие фигурки.
А лето расплескало синь морей
и зелень на дворы и переулки.

Часам ещё спешить до десяти
июньским утром, солнечным и чистым...
Дом деревянный с девочкой в горсти
среди берёз доверчиво лучистых.

И скачет необычное зверьё
осколками то зелени, то сини.
А девочка – храни, Господь, её! –
для каждого придумывает имя.

Проём окна – распахнутый покой,
где девочка красуется, как в раме,
на подоконнике, кивает головой,
невидимой поддакивая маме.

УТРЕННЯЯ РЫБАЛКА

Я окна распахивал настежь
и в утренней пепельной мгле
следил, как небесные снасти
раскидывал Бог по земле.

Вон там, над уступчивым лесом
блесна запоздавшей луны
сверкнула на волнах рассвета,
цепляясь за гребень сосны.

А здесь под окном, обречённым
быть втиснутым в мёртвый квадрат,
от листьев узорчатых клёна
тенистые сети дрожат.

Вокруг просыпаются скрипы
и всхлипы грядущего дня.
А я – бессловесная рыба –
беззвучно зываю: меня!

И тень Его – сажень косая
от облака или плеча –
в уста мои рыбы бросает
крючок золотого луча.

НЕОТКРЫТЫЙ БЕРЕГ

Туманом окутался берег,
притих, как нашкодивший кот,
в надежде, что старенький Беринг
его, бедолагу, найдёт.

И встанет на рейде корабль,
обвиснут, пальнув, паруса.
Притихнут прибрежные крабы
на четверть последних часа –

и вот уже в тёплый песчаник
с последним натужным «и раз!»,
с весёлой матросскою бранью
воткнётся забортный баркас.

В ботфортах судьбы командарм
на берег туманный взойдёт,
как маршал на новый плацдарм,
как странник на свой звездолёт.

От собственной славы хмелея –
так могут одни короли –
ещё ни о чем не жалея,
он радостно скажет: «Дошли!»...

Туманом окутался берег,
который никто не открыл.
А Витус Иванович Беринг
в тумане незримо проплыл.

...И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Треть лета. Выселки. В зарницах
блестит вечерняя роса.
И дым отчества стремится
опять куда-то в небеса.
Встречая ангела печали
с весёлым ангелом любви,
уходит он в такие дали,
что нам не различить с земли.
Там, где свободный ветер веет,
куда не залетит листва,
наш дым становится светлее,
теряя горечь естества ...

И пишем мы, о том, что сладок,
что нам приятен этот дым,
в гладь ученических тетрадок
вслед за учителем своим –
он нам диктует эти строки,
как будто хочет уберечь
от жизни на одном уроке:
и глупых нас, и нашу речь...

Треть лета. Гаснут на просторе
зарницы под ночной золой.
Вдохну с крыльца земную горечь
и вспомню тот диктант былой.
Не нами вырвана страница –
не с нами оборвётся связь.
Всё выше дым печной стремится,
тем самым дымом становясь

***

Деревня. Существительных пределы.
Вот – в небо дым. А вот – огонь в печи.
Здесь в каждом вздохе – истина и дело.
Здесь в доме каждом – хлеб и калачи.

Стена лесов расступится пред полем.
Печаль реки раздвинет берега.
И колокол звучит по Божьей воле.
И гладит сердце Господа рука.

ТОЧКА ОТСЧЁТА

Заштатный город Угрюминск.
Июньская чехарда
дождя, поцелуев, рюмок.
Кто вызвал тебя сюда

и бросил в начале лета
искать талисман судьбы?
Простишь ли меня за это?
Подашь ли стакан воды?

Мечталось вершить и верить,
дом выстроить до небес,
а в нём расписные двери,
в окнах – река и лес.

И гости легки и любы –
и каждый с тобой готов
огни, водопады, трубы
пройти через тьму годов.

И дети – какие дети
взойдут за нашей спиной!
И нет ничего на свете,
что выбьет тебя со мной

из этой погони за счастьем,
за выпавшей нам мечтой.
И обойдут ненастья,
милая, нас с тобой!..

Всё будет не так, не этак:
нам выпадут быт и смрад.
Но было начало лета,
откуда нельзя назад...

МАЛЬЧИК И ДЕД МОРОЗ

Проём окна гирляндой украшен
и мишурой усыпан чистый пол.
Мне Дед Мороз нисколько не страшен,
не от него я спрятался под стол.

А он – на корточки и протянул конфетку.
Я заглянул в лучистые глаза
и в них узнал веселую соседку,
любившую нам варежки вязать.

Сбежав от мам усталых и печальных,
мы собирались в наш весёлый мир
вокруг неё на кухне коммунальной –
вся детвора из двадцати квартир.

Однажды я спросил у мудрой самой:
«А кто у тёти Веры на стене
в погонах?» И ответила мне мама:
«Её жених. Остался на войне».

И мне приснилась чаща бабкоёжья,
и тети Верин плачущий жених,
бредущий напролом по бездорожью,
в погонах очень новеньких своих.

А тетя Вера, как сестра из сказки,
зовет: «Ты где, Ванюшенька? Ау!»
Я так хочу ей подарить подсказку,
но даже слова молвить не могу.

И как-то раз, за самоварным чаем,
под взглядом человека со стены
спросил у тёти Веры не случайно:
«Зачем его не забрала с войны?»

Глаза прикрыла, будто неживая,
она затихла с поднятой рукой,
потом, меня за плечи обнимая,
шептала, плача: «Мой ты дорогой!»

Проём окна гирляндой украшен
и мишурой усыпан чистый пол.
Мне Дед Мороз нисколько не страшен,
не от него я спрятался под стол.

ПСКОВ, 3 ИЮНЯ

Над Псковом отстоял июньский зной.
Душа трепещет – хочет на свободу.
В гранит причальный быют Великой воды.
Я пиво пью с «копчёной скумбрией»

(Так мне сказали, подавая рыбку,
Не стал пенять гарсону за ошибку,
и, скумбрией закусывая пиво,
я выглядел уставшим, но счастливым,
вдыхая над неспешною рекой
тепло июня, свежесть и покой).

Что этот город мне в моей возне
мышинной, многолетней, многотрудной?
Он спал во мне, он вызревал подспудно
фурункулом на тыльной стороне.

И вот ужо! И вот уже – я весь
в его пространстве крепостном и встречном.
Я пиво пью и думаю о вечном,
сдувая с пеной родовую спесь.

И если вдруг мне в этот самый миг
привидится, как с небольшой горушки
спускается – о боги! – Саша Пушкин,
поэзии пленительный родник,

сам русский весь, с негроидной губы
роняющий божественное слово –
я онемею высохшей половой,
оглохну точкой собственной судьбы.

Он подойдёт. Со мной заговорит:
«Как наше пиво вам? Вы не были в Тригорском?» –
и город Псков, как шарик под напёрстком,
исчезнет в тёплых сумерках зари

вечерней над притихшею рекой.
Благодарю везение и случай,
мне давших повод стать на строчку лучше.
Псков. Пиво. Я с «копчёной скумбрией».

VI. ПУШКИН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОСТРОМСКИХ КОМПОЗИТОРОВ

Ты и Вы

Александр Пушкин

Елена Лебелева

Allegretto giocoso

5

9

mp

mf

Пус - то - е Вы, сер деч-ным Ты О

mf

2

12

на, об-мол-вись, за-ме - ни - ла. И все счаст-ли-вы-е меч - ты в ду

16

ше влюб-лён-ной воз - бу - ди - ла.

21

25

mf

Пред ней за-дум - чи - во сто-ю, свес - ти о-чей сне-ё нет си-лы; и

31 3

го-во-рю ей; как Вы ми-лы!

mp

и

37

мыс-лю; как Те-бя люб-лю!

p

mp

p

42

4.04.24

К Наташе

А. Пушкин,
1815 г.В. Смирнов,
1992 г.

Прозрачно. Полётно.

Soprano

Baritone

Piano

p

rit.

Ва - нет,

5

ва - нет ле - то крас - но; у - ле - та - ют ис - ны дни; сте - лет -

a tempo

tr

tr a tempo

9

ся ту - ман не - васт - ный но - чи в дрем - лю - шей те - ни; о - пус -

V

2

13

те - ли злач-ны ин - ны, хла-ден ру - че-ёк иг - ри - вый; лес куд -

17

ри - вый по - се - дел; свод не - бес - ный по - блед - нел, свод не -

21

бес - ный по - блед - нел.

24 3

Свет-На-та-ша! Где ты ны-не? Что нис-

p *rit.* *a tempo*

rit. *mp a tempo*

28

то те-бя не зрят? Иль не хо-чешь час е-ди-ный сру-гом

32

серд-ца раз-де-лить? Ни на о-зе-ром вол-нис-тым, ни под

V

4

36

кро - ном ли - лу - шие - тым ран - ней, позд - не - ю по - рой не встре -

40

ча - юсь я с то - бой, не встре - ча - юсь я с то - бой.

44

Ско - ро, ско - ро хо - лод

48 5

зим - ний ро - шу, по - ле по - се - тит; о - го - нёк в ля - чуж - ке

tr

52

дым - ной ско - ро яр - ко заб - лес - тит; не у - ви - жу я пре -

V

56

лест - ной и, как чи - жик в клет - ке тес - ной, до - ма бу - ду го - ре -

V

6

60

в а т ь и На - та - шу вспо - ми - н а т ь, и На - та - шу вспо - ми -

64

н а т ь,

p *rit.* *pp*

p *rit.* *pp*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Романова А.Н. «О, Пушкин, слава наших дней...»</i>	3

I. ПУШКИН – НАВСЕГДА

Лебедев Ю.В. Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов» и русская литература второй половины XIX века	13
Коптелова Н.Г. Пушкинский код в «посмертных» стихах Г.В. Иванова.....	24
Едошина И.А. А.Н. Островский на пушкинских днях в Москве: хронология и смысловые контексты.....	39
Муренин Н.В. «Имя твоё сделалось народною собственностью».....	46

II. КОСТРОМСКИЕ ПУШКИНЫ

Короткова Г., Гущина О. Костромские тропы к Пушкину.....	52
Хлябинов А. Возрождение святыни.....	80

III. ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО КОСТРОМСКИХ АВТОРОВ

Поэзия

Колова О.....	83
Проскуряков В.....	85
Мусинова Н.....	87
Каргопольцева Е.....	91
Жильцова Т.....	95
Алапий А.....	99
Уланова О.....	101
Хозиева А.....	105
Разгуляева А.....	108
Соболев Д.....	110
Шарлай А.....	114
Хачатуров Д.....	116
Носенко Л.....	118
Воробьев И.....	120
Голятина Т.....	121
Самоуков Н.....	124
Смирнов И.....	126

На Пушкинском балу...

Божкова Г.....	129
Борисова Т.....	130
Бровина Т.....	131
Кузнецова А.....	132
Наливаева Е.....	133
Орлова Е.....	134

Писарева С.....	136
Собровина А.....	137
Шестакова Е.....	138

Проза

Василенко А.....	139
Большакова Л.....	153
Старателев В.....	157

Эссеистика

Савина З.....	159
Балашова Е.....	165
Корнилов П.....	168
Золотова Е.....	170

IV. «У ЛУКОМОРЬЯ...»

Колобова О.	174
Серова О.....	177
Максимчук Н.....	179
Степанова С.....	183

V. МАСТЕР-КЛАСС

Гуревич И.Д. Точка отсчёта (стихи).....	187

VI. ПУШКИН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОСТРОМСКИХ КОМПОЗИТОРОВ

Лебедева Е. Ты и Вы (роман).....	199
Смирнов (Старателев) В. Наташа (роман).....	202

Литературный альманах

«КОСТРОМА»

Выпуск № 10 (2024 г.)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Костромская областная писательская организация Общероссийской
общественной организации «Союз писателей России»

Главный редактор

Мусинова Н.Е.

Редакционная коллегия

Бугров А.А.

Муренин Н.В.

Зябликов А.В.

Запольских О.А.

Проскуряков В.М.

Каргопольцева Е.Е.

Технический редактор

Петрюк И.П.

Иллюстрации

Репродукции графических работ
из Интернета (свободный доступ)

Отпечатано в ООО «Принт»
г. Ижевск, ул. Тимирязева, д.5
Формат 60 × 90 1/16. Объем 13,25 у.п.л.
Тираж 375 экз.

